

Петр Губанов

**ТРИДЦАТЬ МЕТРОВ
ПАЛУБЫ**

Петр Губанов

**ТРИДЦАТЬ МЕТРОВ
ПАЛУБЫ**

ПОВЕСТИ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1980

Губанов П. П.

Г93 Тридцать метров палубы: Повести.— М.: Воен-
издат, 1980. — 183 с.

В пер.: 75 к.

В книгу вошли пять повестей: «Тридцать метров палубы», «Москиты» идут в атаку», «Южнее шхер» — о героизме советских моряков в годы гражданской и Великой Отечественной войн; повесть «Кочегар Джим Гармлей», раскрывающая образ писателя-коммуниста Джона Рида, автора широко известной книги «10 дней, которые потрясли мир», и повесть «Преступление в Солт-Лейк-сити», рассказывающая об американском пролетарском поэте-песеннике Джо Хилле. Он был арестован по ложному обвинению в убийстве и казнен. Поэт стал символом бесстрашия и силы рабочего класса.

Губанов Петр Петрович служил во флоте, член Союза советских писателей, автор нескольких книг повестей и рассказов.

Г 70302-048
068(02)-80 БЗВ-21-2.79.4702010200.

ББК 84Р7
Р2

© Воениздат, 1980

ТРИДЦАТЬ МЕТРОВ ПАЛУБЫ

олвека пронеслось с тех пор, как я вступил здесь на палубу корабля и стал моряком. Но, как и прежде, плескалась вода в бухте Золотой Рог, пахло йодом и дул влажный ветер, овеивая лицо прохладой.

Я шел по причалам и вглядывался в контуры незнакомых судов. На Комсомольской пристани остановился изумленный... Возле стенки, неподалеку от меня, стоял корабль моей юности — первый корабль революции на Тихом океане! Свежепокрашенный, он выглядел молодым, несмотря на свой солидный возраст.

«КРАСНЫЙ ВЫМПЕЛ» — было вычеканено большими золотыми буквами на корме. Подойдя ближе, я разобрал надпись на медной пластинке: «Поставлен на вечную стоянку...»

Когда-то корабль носил название «Адмирал Завойко». Он прошел славную службу и навеки остался в строю.

Я узнал его и очень обрадовался. Будто встретил друга. Сколько пройдено миль в разных морях!.. Какие ураганы и штормы преодолевали мы в походах!..

Я невольно перенесся в прошлое. Давние эпизоды один за другим проносились перед глазами. В памяти возникали подробности одного плавания, когда судьбы — корабля и моя, корабельного юнги, — могли сложиться совсем по-другому...

Свежий ветер рвал парусину на мостике посыльной яхты «Адмирал Завойко», свистел в натянутых вантах и раструбах

палубных вентилляторов. Навстречу кораблю бежали водяные валы с белыми гривами.

Я всматривался в оставшиеся за кормой берега Командорских островов... В моих ушах все еще звучали тревожные крики сивучей. Они подходили близко к борту, когда яхта стояла в закрытой от ветра бухте острова Медный.

Мы доставили из Владивостока на Командоры продовольствие для промысловых артелей, приняли от них пушнину и возвращались в Петропавловск-на-Камчатке.

По повседневному расписанию я числился помощником кока на камбузе. Мне полагалось чистить картошку и рыбу, разливать в матросские бачки уху и мыть посуду.

Во время похода я нес рулевую вахту. А в свободное время любил бывать в радиорубке.

В первое время искровик — оператор искровой радиостанции — Виктор Дутиков с неохотой впускал меня в свое служебное помещение. Потом привык ко мне и не обращал на меня внимания.

Я с любопытством слушал шорохи и потрескивания, которые издавал радиопередатчик, смотрел, как светятся генераторные лампы.

Северный короткий день клонился к закату, когда мы вошли в Авачинскую бухту и отдали якорь на внутреннем рейде.

Солнце скрылось за кромку недалеких гор. Пламя заката алым цветом покрасило край неба, дымящуюся сопку и город.

Закрыв камбуз, я вышел на верхнюю палубу, заглянул в радиорубку. Дутиков сидел в своем креслице и, прижимая наушники к уху, что-то выстукивал. Лицо у искровика было хмурое. Он чем-то был встревожен и не сразу заметил меня.

Дутиков отпустил ключ, схватил со стола огрызок карандаша и принялся торопливо записывать донесение на чистом бланке. Крупные капли пота выступили у него на веснушчатом лбу и кончике носа.

— Н-не может быть! — вслух произнес он. — Шпарят открытым текстом! Странно!..

Искровик поднялся и хотел выйти из рубки, но увидел меня.

— Ты здесь, юнга? — вымолвил Дутиков. — Отнеси радиogramму командиру. Я не могу оставить вахту...

— Есть отнести командиру!

Не доходя несколько шагов до двери командирской каюты, я остановился и развернул лист бумаги, сложенный вчетверо.

«Белые захватили власть во Владивостоке и крае. Ревком» — запрыгали перед глазами слова, нацарапанные корявым почерком.

На маленьком кожаном диване в каюте командира корабля сидел член правительства Дальневосточной республики Якум. Чернобородый, прямой, в черном гражданском костюме. Напротив него устроились в креслах-качалках комиссар Орловский и командир.

— Чертовщина! Они действительно захватили власти! — с волнением произнес командир яхты Александр Иванович Клюсс. Протянув листок Александру Семеновичу Якуму, он добавил: — Вы оказались правы!

Во время рейса на Командоры Якум оставался в Петропавловске. Начальник городской радиостанции сказал ему, что перехватил радиосводку, в которой упоминалось о контрреволюционном перевороте в Приморском крае. Воспользовавшись поддержкой японцев, белые свергли Советскую власть во Владивостоке. Вернувшись на яхту, Александр Семенович сообщил об этом командиру и комиссару. Тем показалось, что слух ложный. Теперь все прояснилось.

— Что будем делать, Александр Иванович? — обратился к командиру Якум.

— Ждать, — ответил командир яхты.

Он разглядывал карту Охотского моря, разложенную на столе. Комиссар Орловский курил в задумчивости трубку.

— А вы как думаете, Станислав Ключафович? — спросил комиссара Якум.

— Посмотрим, как здесь начнут развиваться события, — ответил Орловский. — Утро вечера мудренее.

— Ждать наступления рассвета — рискованно. — Якум поднял на комиссара тяжелый взгляд. — Как только узнают о перевороте японцы — нам отсюда не выйти. Наши силы на Камчатке очень слабые. Завтра же поднимутся областники — автономисты и пошлют своих связных к белым, в тайгу. Те не замедлят ударить по Петропавловску. Выдержать их натиск мы не в силах! Я предлагаю этой ночью сняться с якоря и следовать в бухту Калыгирь, к партизанам.

— А потом...— Клюсс оторвал взгляд от карты, откинул посеребренную сединами голову и в упор посмотрел на Якума:— Там нет ни запасов угля, ни провизии. И даже мало-мальски удобной якорной стоянки там нет.

Подавленные тревогой, Якум, командир и комиссар разговаривали между собой, не обращая на меня внимания.

Я потоптался в нерешительности и вышел.

2

На яхте прозвучала знакомая трель боцманской дудки.

— Всем вниз! Койки брать! Отходить ко сну!

Охваченный тревогой, я спустился в носовой кубрик, достал из фундука парусиновую койку и принялся ее расшнуровывать.

Рулевой Новиков и машинист Иоганн Тенниссон спали.

Я подвесил койку к металлическому подволоку, встал одной ногой на переборку и прыгнул. Закрывшись с головой одеялом, хотел поскорее уснуть. Невеселые мысли одолевали меня. Где я буду в скором времени? Что станет с нашим кораблем? Не окажемся ли мы завтра в руках белых?

Протяжный храп доносился из угла кубрика, где спал на такой же подвесной койке хмурый, неразговорчивый эстонец Иоганн Тенниссон. Сладко посапывал Новиков, разбросав поверх одеяла большие узловатые руки.

Синяя электрическая лампочка слабо освещала наш тесный кубрик.

Я лежал с закрытыми глазами, но заснуть не мог — тревожные мысли мешали мне спать.

В синюю тишину кубрика внезапно ворвался резкий звон колоколов громкого боя. Настойчивые, требовательные звуки разносились по всему кораблю. Я хорошо знал значение этого сигнала и сразу спрыгнул с койки. Сунув ноги в ботинки и не зашнуровав их, бегом по трапу бросился наверх. Следом за мной спрыгнули вниз и, похватав на ходу бушлаты, побежали Новиков и Тенниссон.

«Корабль к походу и бою приготовить!» — все громче и требовательнее гремели колокола.

Я взбежал на ходовой мостик и остановился возле магнитного компаса.

На мостике уже находились командир, комиссар и

Якум. Все — в штормовых брезентовых плащах и сапогах. В ходовой рубке штурман Адриан Романовский прокладывал курс.

К рулевому штурвалу встал Новиков.

Мерно дрожала палуба под ногами: уже работали главные двигатели. Гудел паровой шпиль на баке: из воды выбирала якорную цепь.

— Япошки бы нам не помешали, — озабоченно произнес Якум, кивнув на освещенный остов японского авизо — легкого крейсера, стоявшего на рейде.

— Попытаемся показать им корму, — заметил командир, не отрывая взгляда от бухты, где стоял напротив «японца» американский крейсер.

Забурлила вода за кормой. Корабль покачнулся и двинулся вперед.

Новиков легонько повернул штурвал. «Адмирал Завойко» стал медленно поворачивать к выходу из бухты.

На японском крейсере вспыхнул яркий луч прожектора. Сноп электрического света уперся в черное небо, потом ринулся вниз и коснулся воды. Крейсер также выбросил прожекторный луч. Скрестившись, будто два меча, они закрыли выход в море «Адмиралу Завойко». На сигнальных мостиках авизо и крейсера замелькали вспышки сигнальных фонарей.

— Запрашивают, куда направляется яхта? — крикнул наш сигнальщик сверху.

— Отвечайте: «Идем во Владивосток», — приказал Ключсс.

«Адмирал Завойко» мог уйти беспрепятственно лишь в бухту Золотой Рог и на Командоры.

Огромный океан поглотил наш маленький корабль. Яхта шла полным ходом, который составлял всего девять узлов. Догнать нас и вернуть обратно в Петропавловск интервентам не стоило никакого труда.

Командир перебрался в рубку. Временами он подходил к магнитному компасу и сверял его показания с истинным курсом на путевой карте. Иногда у него появлялась свободная минута. И тогда Александр Иванович подводил меня к компасу и принимался показывать, как нужно снимать отсчет курса и пеленга.

— Постигай морскую науку, юнга, в жизни это тебе пригодится, — учил Ключсс.

Дважды в эту ночь я сменял за штурвалом Новикова и становился на вахту.

Океан рокотал и пенился. Острый, круто изогнутый форштевень яхты с шумом разрезал встречные волны.

Я мерз, хотя на мне был меховой полущубок. Камчатская весна холодная. Случается, в середине июня выпадает снег. А в открытом океане холодно круглый год.

Я упорно стремился удержать яхту на заданном курсе. Но порой палуба уходила у меня из-под ног, я терял равновесие. Мои руки слабели, утрачивали прежнюю уверенность — и корабль начинал рыскать из стороны в сторону на крутой поперечной волне... Ко мне подходил командир. Умелым и сильным движением он переводил штурвал в нужное положение.

— Так и держи, Алексаша, — говорил Александр Иванович Ключс. — Наш «Адмирал» весьма послушный корабль. Нужно лишь к нему приноровиться.

Мы шли всю ночь...

Ненастный рассвет принес моросящий дождь и туман. Утро выдалось знобкое, мглистое. Судя по прекратившейся качке, «Адмирал Завойко» вошел в закрытую бухту.

Застопорили ход. Отдали якорь. Из-за тумана не видно стало берегов. Где-то кричали бакланы. С пронзительным визгом носились над водой прожорливые чайки. Иногда они садились на гребни волн и хватали клювами серебристую рыбу.

Боцман и два палубных матроса спустили на воду шлюпку, выставили за борт металлический трап. Якум и комиссар Орловский прыгнули в шестерку. По банкам уселись гребцы. Они оттолкнулись от берега, и под сильные взмахи весел шлюпка стала быстро удаляться от корабля. Вскоре она исчезла из виду.

3

В полдень одна за другой стали подходить к «Адмиралу Завойко» партизанские лодки. На их просмоленных бортах, словно слюда, блестела чешуя рыб. В каждой лодке сидели несколько бородачей в нагольных полущубках. Огромные треухи были перехвачены наискось красной лентой.

Я догадался, что мы в бухте Калыгирь, у партизан.

Командир приказал выстроить команду цепочкой от кормового трюма до трапа, под которым стояли, приткнувшись одна к другой, партизанские лодки. Из люка на

корму высунулся длинный и плоский ящик, перехваченный в нескольких местах полосами жести. Его подхватил Тепниссон, стоявший ближе других к люку. Он передал ящик старшине команды кочегаров Шаденову. Тот из рук в руки протянул плоский ящик командиру. Командир — комиссару. Следующим в цепочке был я, потом ревизор Полговский, Новиков и боцман.

Ящик был очень тяжелый. Я с трудом удержал его на вытянутых руках. Мне казалось, что Полговский, нарочно медлит, чтобы проверить мою выносливость.

Следом за первым двинулся по цепочке второй ящик, потом третий, четвертый... Мы погрузили ящики с винтовками тайком от японцев во Владивостоке.

Передав партизанам винтовки с патронами, мы стали выпружать пушнину. После деревянных ящиков связки шкурок черно-бурых лисиц, котиков и песцов показались пушинками. Их также передавали по цепочке.

— Сколько добра прахом идет! — буркнул Полговский, подержав в руках связку соболиных шкурок. — Напрасно отдаем... Портянок да тулупов наделают...

— Сдадут по акту в «Союзпушнину», — заметил Новиков, принимая от ревизора пушистый мех. — Свои ведь люди-то. Не белым же оставлять...

Партизаны погрузили на яхту несколько десятков пудов красной рыбы, дюжину освежеванных оленьих туш и снабдили корабль водой.

Туман рассеялся. Я увидел нагромождения диких сопок, уходящих в глубь материка, пихтовый лес, откуда втекала в море бурливая речка, изломанную линию берега со светлой каймой наката.

Мы пробыли несколько дней в бухте Калыгирь. Дальнейшая стоянка становилась опасной.

Командир яхты выстроил команду на верхней палубе.

К нам обратился Якум:

— Товарищи революционные моряки! Мы получили тяжелые известия... Владивосток, Петропавловск и Приморский край в руках белых! Военный корабль «Адмирал Завойко» не может вернуться ни в один из российских портов на Тихом океане. Остается одно — прорываться в международный порт Шанхай. Ваше мнение по этому поводу?

Какое-то время все молчали. Слышно было лишь тяжелое дыхание матросов да слабый плеск волн, ударявших в борт корабля.

— С беляками нам не по пути!— первым нарушил молчание Шадепов.

— Обратного ходу нет!— буркнул Новиков.— Остается одно — шлепать в Шанхай...

Было решено идти в Шанхай и связаться с дипломатической миссией Российской Федерации.

Яхте предстояло пройти тысячи миль без захода в какой-либо порт. В случае встречи с кораблями белых мы решили вступить в бой и драться, предпочтя гибель позорной сдаче. Так сказал Александр Иванович Ключев. Мы с ним все согласились. Он приказал Дутикову не отвечать на сигналы любой радиостанции, чтобы не обнаружить местонахождение «Адмирала Завойко».

Мы начали спешно готовиться к трудному плаванию. Машинисты исправляли неполадки в механизмах. Кочегары щелочили водогрейные трубы, перебирали насосы, ремонтировали механизмы.

Боцман с утра до вечера гонял палубных матросов. Те крепили по-штормовому шлюпки и балки, ящики со снарядами и провизией. Штурман Романовский проверял работу компаса и лага, подбирал путевые карты.

Я и кок Яша Кустов варили на камбузе оленье мясо, вялили горбушу, чтобы провизии хватило на весь долгий путь. За день я так изматывался в камбузной духоте, что вечером не хотелось ни есть, ни пить.

Однажды, когда мы закончили работу, я собрался отправиться в кубрик, чтобы забраться на койку и выспаться перед походом. Но только выбрался из камбуза — на провизионки выглянул Полговский.

— Топаи за мной, юнга, есть дело,— сказал ревизор.

Мне ничего не оставалось делать, как подчиниться ему. Полговский сидел на раскладном стуле и выдавливал из красной рыбы икру. У ног его стоял большой медный таз, наполовину наполненный икрой. Пальцы ревизора были запачканы лопнувшими икринками. У него на коленях вытянулась выпотрошенная горбуша с повисшим хвостом. К ботинкам и брюкам Полговского, словно тертая морковь, приклеилась раздавленная икра.

— Помоги мне: одному не управиться,— буркнул он.

В углу, на разостланном брезенте, горой была свалена красная рыба. Работы — хоть отбавляй!

Ревизор был хмур и задумчив. Какое-то время мы работали молча.

Доставая из кучи горбушу, Полтовский пробурчал:

— До Шанхая тысячи миль... У нас не хватит топлива.

— С таким командиром, как Александр Иванович, не пропадем! — возразил я.

Наклонившись над медным тавом, ревизор старательно выдавливал икру.

— Было бы надежней остаться здесь, — вздохнул он. — Провизии много. А как кончится мясо и съедем рыбу, партизаны доставят с берега сколько угодно. Не даром же. За те шкурки, что мы им отдали, за десять лет не расплатишься...

Даже я, юнга, понимал: стоять в этой бухте опасно. В любое время могли напрянуть корабли интервентов. А случись шторм — «Адмиралу Завойко» негде было укрыться.

4

Поздно вечером мы снялись с якоря.

Так и не выпавшись, я встал на рулевую вахту. Кроме меня на мостике находились двое: командир и штурман. Время от времени Александр Иванович выходил на крыло мостика и, прильнув к биноклю, всматривался в сторону берега.

Вскоре совсем исчезли из виду чуть заметные очертания камчатских берегов. Мы находились в открытом океане.

— Давайте-ка определим наше место по Сомнеру¹, Адриан Адамович, — предложил штурману Ключс. — Будем считать его истинным, если оно совпадет с вашим прокладочным.

Как полагалось по установившейся издавна флотской традиции, командир корабля называл по имени-отчеству совсем еще юного штурмана.

— Попробуем, Александр Иванович! — с готовностью отозвался Романовский. — Здесь действует весьма сильное подводное течение, если верить лоции.

Он не торопясь открыл футляр плоского ящичка и осторожно вынул секстант. Потом перевел на нем вершьер и вышел на крыло мостика.

Следом за ним направился командир.

¹ Способ астрономического определения места корабля в море.

Я изредка поглядывал в их сторону и крепче сжимал в руках колесо штурвала.

Медленно раскачивая секстант, Романовский брал высоты неведомых мне звезд. Александр Иванович записывал отсчеты углов. Потом командир и штурман поменялись ролями.

Они вернулись в рубку замерзшие, но довольные и веселые.

— Я выбрал свою звезду, будучи гардемаринном, Адриан Адамович, — улыбнулся одними глазами командир. — Моя звезда — Альдебаран.

Они склонились над картой. Потом запылись расчетами. Оба очень торопились. Это было заметно по тому, как они заглядывали в Морской астрономический ежегодник с таблицами. Я понял, что штурман и командир соревнуются. Каждый старался первым закончить расчеты. Шелестели страницы ежегодника, скрипели карандаши.

— Готово, вот мое место! — объявил штурман первый и сделал отметку на карте.

Через несколько минут закончил расчеты командир.

— Похоже, что ваша звезда счастливей, Адриан Адамович, — сказал Ключсс.

Молодому штурману было лестно стать победителем в таком состязании.

Разные они были — командир и штурман. Александр Иванович — плотный, крепкий с седыми висками. С виду задумчивый, строгий. Романовский — высокий, смуглый, веселый. Он любил посмеяться и пошутить. Умел делать стойку на руках во время качки и мог пройти в таком положении от кормового люка до камбуза. Но что-то сближало их, разных по возрасту, привычкам и опыту жизни. Они оба беззаветно любили наш посыльный корабль, в детстве избрали морскую службу своей профессией и смело разорвали все связи с прошлым, когда грянула революционная буря.

В то время, после бегства белогвардейцев, в Золотом Роге остались лишь неисправные и ремонтирующиеся корабли. Все суда, которые могли идти своим ходом, белые угнали на чужбину. Таким образом разбросало по свету корабли Сибирской флотилии «Байкал» и «Улисс», «Капитан Дыдымов» и «Лейтенант Малеев», лодманское судно «Фарватер» и буксир «Свирь».

Военмор Ключсс отстоял яхту «Адмирал Завойко». Лейтенант и пятеро машинистов под видом неотложного ре-

монта разобрали двигатели накануне ухода белых и задержали его у стенки. А к приходу красных «Адмирал Завойко» был опять в строю. Вскоре корабль вышел из бухты Золотой Рог и направился к берегам Камчатки.

На моих глазах произошли несколько белогвардейских переворотов во Владивостоке. Каждый раз после прихода белых к власти наш корабль становился «непригодным» для плавания. На этот раз все повернулось по-другому...

5

Несколько дней мы уже были в пути. Я по-прежнему находил свободную минуту, чтобы заглянуть в радиорубку. Дутиков давал иногда мне послушать, что творится в эфире. Сквозь шорох и треск однажды я уловил радиопереговоры кораблей в океане.

— Нас ищут,— подсказал Дутиков.— Интервенты объявили «Адмирал Завойко» пиратским судном. Беляки обещают выплатить наградные тому, кто приведет нас во Владивосток на буксире.

— На привязи?— удивился я.

— Хотят заарканить революционный корабль! Не выйдет!

Дутиков выругался и взял у меня наушники.

— Пусть попробуют нас разыскать в океане!— подхватил я.

— Что треплют про нас белогвардейские брехуны!— с гневом произнес искровик.— Брешут, сволочи, будто в трюме у нас кучей свалены ящики с золотом и драгоценными камнями. И что ограбили мы промысловиков на Командорах. А ограбленной пушиной набили доверху все нижние помещения на лхте. Каково, а?

— Чушь какая!

— Но этому верят разные прохвосты. И интервенты верят. Им не дают покоя сокровища, которые будто бы захватили завойковцы у них из-под носа.

— Наплевать нам на это вранье! Ни жарко ни холодно от их лжи!

— Ну и осел же ты, Александр!— сказал Дутиков.— Нас объявили вне закона! Посчитали морскими разбойниками! Любой военный корабль может потопить «Адмирала Завойко» огнем своих орудий либо торпедой. Имеет право взять нас на буксир как военный приз.

— Так и дадимся!

— У нас всего одна пушка,— подавленно вздохнул Дутиков.

Мы оба замолчали. Искровик продолжал прислушиваться к голосам переговаривающихся чужих радиостанций.

— Если бы можно было включить передатчик! Я бы показал этим лгунам!— сказал мне Дутиков, когда я собрался уходить.

С грустными мыслями я отправился в кубрик. В тесном помещении с задраенными иллюминаторами стояла духота.

Из головы у меня не выходили мысли о нашем отчаянном положении. Мало того что мы оказались без прищипки, так нас еще объявили пиратами! Революционных моряков принимают за разбойников!

Оторванные от земли, от Родины, затерявшиеся в океане, мы плыли по безбрежным просторам, чтобы оказаться на чужбине. И любой корабль имел право расправиться с нами.

«Адмирал Завойко» упрямо шел курсом на юг.

Я стоял за штурвалом. Возле меня находились Клюсс и Якум. Они были чем-то озабочены. Оба хмурились и не обращали внимания на океанский рассвет.

— Пройти вокруг Японии было бы куда безопасней,— услышал я негромкий голос командира.

— Совершенно с вами согласен, Александр Иванович,— заметил Якум,— но этот путь станет на четыреста с лишним миль протяженней.

— Это верно,— согласился командир.

— И угля, пожалуй, не хватит,— вздохнул Якум.

— Вы разговаривали с кочегарами?

— Мне сообщил Шаденов о положении с топливом.

— Что вы предлагаете?— Клюсс в упор посмотрел на Якума.

— Я считаю, надо пойти на риск.

— А точнее?..

— Идти через пролив Лаперуза...

Какое-то время я слышал лишь слабый плеск волн, ударявших в скулу яхты, да унылый вой ветра в корабельных снастях.

— Прошло два месяца, как мы вышли из бухты Золотой Рог,— невесело протянул Клюсс.— За это время мно-

гое изменилось. Вероятно, вернулись во Владивосток корабли из Японии. Я говорю о тех, которые не успели уплыть дальше: в Бизерту, Манилу или в Крым к Врангелю. И очень возможно, адмирал Старк выставил корабельный дозор, дабы преградить нам дорогу.

— Лучшего места, чем вход в Лаперузов либо Татарский пролив, не найти для дозора, — растягивая слова, произнес Якум.

Они опять замолчали.

Якум щурил спокойные серые глаза. Клюсс торопливым шагом вымеривал рубку. Изредка останавливался и тоже смотрел вдаль, где поверхность воды сливалась с небом.

— Пойдем через Лаперузов пролив, — выдохнул Якум, как бы разом разрешив все сомнения. — В случае встречи с белыми вступим в бой. — Он упрямо сдвинул редкие брови и смолк.

Командир подошел ко мне, поглядел из-за моего плеча на картушку компаса, удостоверился, точно ли я удерживаю яхту на заданном курсе. Потом снова заходил по рубке.

— К сожалению, у нас нет другого выхода, — не сразу отозвался Клюсс.

6

В проливе Лаперуза мы не встретили белых. «Адмирал Завойко» вошел в Японское море и затерялся опять в безбрежных просторах.

Стояла тихая погода. Казалось, ничто не предвещало бурю.

Но однажды, поднявшись на мостик, чтобы заступить на вахту, я заметил, как командир жестом остановил Новикова, собравшегося передать мне штурвал.

— Придется постоять вам еще полчаса, — сказал Клюсс и поднес к глазам бинокль. Потом вызвал на мостик боцмана и приказал задрать люки в нижние помещения. Оказалось, Дутиков перехватил сообщение о приближении тайфуна, которое передавалось особым сигналом.

Какое-то время корабль по-прежнему весело бежал по светлой поверхности воды. Мерно вибрировала палуба. Ровно работали двигатели.

Небо на востоке вдруг стало чернеть. Оно становилось зловещим и мрачным. Грозовая чернота заливала голубой купол весеннего неба.

Скрылось солнце. Гулко ударил ветер в парусину на мостике. Взыли ванты.

Я обернулся и увидел огромную водяную гору с ослепительно белым гребнем. Она неслась прямо на нас.

Корабль задрожал, закачался и, подхваченный мощным валом, стремительно пошел вверх. Я увидел внизу ревущее черное море. В следующий момент на яхту палетел мощный каскад воды. «Адмирал Забойко» ринулся вниз с огромной скоростью. Мне вдруг показалось, будто проваливаемся в пропасть. Корабль накренился, стал падать. Со штурманского стола полетели на палубу транспортир, грузила и циркуль. «Адмирал Забойко» завертелся в бешеном переплясе тайфуна.

Я ударился о переборку. На какое-то время стало темно в глазах. Потом я увидел сидевшего на палубе Новикова. Из рта у него тонкой струйкой текла кровь.

За рулем стоял Ключсс. Широко расставив ноги, он энергично поворачивал штурвал. Старался из всех сил удерживать корабль на курсе и не дать ему опрокинуться.

— Следите за приборами, Адриан Адамович! — крикнул Ключсс, обернувшись к штурману.

Сквозь грохот валов и вой ветра Романовский не разобрал слов командира, но, вероятно, догадался, что надо делать.

— Есть, следить за кренометром! — сквозь стиснутые зубы выдавил штурман. Он пытался уцепиться за прокладочный стол, а его бросало от одной переборки к другой.

Я катался по палубе вместе с упавшими со стола штурманскими принадлежностями и креслом-качалкой. Временами через световой люк я видел черное небо. Потом передо мной вырастали мрачные валы с огромными белыми гривами.

Романовский ухватился наконец за прокладочный стол. Ему удалось принять устойчивое положение.

— Крен — сорок семь градусов! Крен — тридцать четыре! — начал докладывать штурман.

Дрожь железным корпусом, «Адмирал Забойко» упрямо вскарабкивался на ревущие водяные холмы, проваливался вниз и взлетал вверх опять. Временами гребные винты рассекали пустое пространство, издавая резкий прерывистый звук: «тра-та-та-та!»

Корабль боролся. Его железный организм напрягался от непомерных усилий.

Тайфун стремительно пронесся над нами. Сорвал и унес в море баркас, разломал шлюпбалку. В нескольких местах полетели заклепки. Корпус дал течь. Потекли холодильники.

На мостике трепыхались обрывки порванной парусины. Кое-кто из экипажа отделался ушибами. К счастью, никого не смыло за борт.

Волнение на море быстро стихало.

7

«Адмирал Завойко» вошел в воды Кореи.

Временами теплый ветер приносил с материка запах земли. Вблизи берега белели рыбацьи лодки, отмеченные квадратами парусов. Рыбаки и ловцы трепангов не решались выйти далеко в море.

Но однажды мы прошли мимо целой флотилии. Завидев яхту, несколько корейских джонок понеслись вслед за нами. Они находились совсем близко. Я различал загорелые потные лица корейцев, остроконечные соломенные шляпы.

— Капитана! Покупай рыба! Трепанга есть! Холосий русский капитана! — выкрикивали корейцы, махая руками.

Мы не стали ничего покупать, хотя провизии оставалось на яхте очень мало. И не остановились. Сообщение о следовании «Адмирала Завойко» через Корейский пролив по телеграфу могли быстро передать во Владивосток.

Корабль уже несколько суток шел экономическим ходом. Его скорость едва достигала пяти узлов. Угля в бункерах становилось все меньше. Ненасытные котлы пожирали топливо ежечасно, ежеминутно. Уголь убывал на глазах.

Кончалась провизия. Оленину мы уже съели всю и питались рыбным супом.

— Колом в горле встают рыбы хвосты! — возмущался Новиков. — Не могли запастись олениной на весь путь, олухи царя небесного! — ругал он невесть кого.

Кончился уголь. Клюсс приказал жечь в топках двери кают и деревянные клетки из-под шлюпок. Потом стали отдирать доски от настила верхней палубы.

Я смотрел, как снимают планшири, вытесанные из дубовых брусьев, и не верил собственным глазам. Украдкой я поглядел на командира. Прочел в его усталых гла-

вах понятную мне боль. Она не покидала Александра Ивановича с тех пор, как стали разорять яхту.

Если начинал дуть ветер, кочегары переставали кидать в топку мебель и обломки дерева. Мы натягивали на вантах и реях всю парусину, какая только была на корабле. Командир использовал силу ветра в качестве двигателя, как пользовались этим когда-то в старину, в эпоху парусников. На какое-то время «Адмирал Завойко» становился парусным судном и шел с неработающими машинами.

Потом ветер стихал. Полотнища парусины безжизненно повисали на вантах и реях. Корабль останавливался.

Впереди синел берег. Слабо белели дома, издалека напоминавшие игрушечные этажерки. Угадывались зубья порталных кранов.

— Перед нами Шанхай! — объявил Клюсс.

— Мы вошли в международные воды, — сообщил Романовский, замерив по карте расстояние между яхтой и берегом.

Клюсс, Якум и Орловский стояли на мостике. Несмотря на жару, они были по-прежнему в штормовых плащах.

— Надо спустить шлюпку, сходить в портовую контору и запросить буксир, — сказал Якум.

— Я займусь этим! — с готовностью отозвался Орловский.

— Вы бы с успехом справились, Станислав Ключафович, окажись мы в русском порту, — улыбнулся Клюсс. — Но, простите меня, вы не знаете английского языка. Переводчика может не оказаться на месте.

— Как же быть?

— Пойдет штурман.

Сигналом «Шлюпку к спуску!» вызвали наверх боцманскую команду. Над водой вывалилась шлюпбалка. Матросы дружно нажали на тали.

— Отставить! Шлюпку на место! — прозвучал отменяющий приказ командира.

Из Шанхайского порта шли три корабля курсом на нас. Клюсс и Орловский по очереди рассматривали их в бинокли.

— «Капитан Дыдымов», «Лейтенант Малеев», «Фарватер», — перечислял командир. — Вовсе некстати нам эта встреча!

— Так вот куда их угнали беляки! — удивленно произнес Орловский.

Охваченный тревогой, я смотрел туда и невооруженным глазом различал знакомые корабли. Во Владивостоке они стояли напротив памятника Невельскому, посредине бухты Золотой Рог.

Мы готовились к встрече с кораблями белых в проливе Лаперуза; а обнаружили их в Восточно-Китайском море.

— Боевая тревога! — скомандовал Ключсс.

Колокола громкого боя гремели сухо и дробно. На корабле все пришло в движение. Командоры развернули орудия в сторону белых, загнали снаряд в казенник, приготовились к бою.

На стеньгу мачты попола флаг. Он взметнулся в лучах солнца и замер.

Во время боя стеньговый флаг полощется на самом видном месте. Его спускают лишь в случае сдачи корабля на милость победителя. А если собьет флаг осколком снаряда, его сразу заменяют другим.

— Передайте на головной корабль семафор, — приказал Ключсс сигнальщику, — «Измените курс! В противном случае открываю огни! Командир Ключсс».

Взмахнув флажками, сигнальщик стал быстро передавать предупреждение командира «Капитану Дыдымову».

Три корабля белых охватили неподвижную яхту.

— Все наверх! — распорядился Ключсс.

Еще перед выходом из бухты Калыгирь было решено драться с белыми, даже сцепившись бортами, если они попытаются брать на буксир «Адмирала Завойко».

Несколько ббцманских дудок слаженно заиграли тревожный сигнал. Завойковцы стали выбегать из нижних помещений на верхнюю палубу. У большинства матросов были вилтовки.

Орловский оставил мостик и спустился вниз. Ему предстояло руководить защитой верхней палубы.

— Ступайте и вы, Адриан Адамович, — сказал штурману Ключсс. — Комиссару будет трудно одному...

— Есть! — по-уставному вытянулся Романовский и легко спрыгнул вниз.

Мы остались четверо на мостике: Якум, командир, сигнальщик и я.

— Вооружитесь револьвером, юнга, — сказал Александр Иванович.

Я взял наган, повернул барабан. Все патроны были на месте. Я был счастлив оттого, что остаюсь рядом с командиром и смогу защищать его.

Я вдруг увидел суровые лица Шаденова, Тенниссона, недовольное и сердитое Новикова. Среди них не было Дутикова. Искровик сидел в радиорубке и быстро стучал телеграфным ключом. Он пытался связаться с миссией Дальневосточной республики. Но ему не удалось вызвать на связь советского консула. И тогда Дутиков стал открытым текстом передавать радиограмму:

«Всем! Всем! Всем! Предпочтя гибель позорной сдаче, вступаю в неравный бой с тремя кораблями белых. Командир посыльного судна «Адмирал Завойко» военмор Ключс».

Мне не верилось, что пройдет еще минута, другая — и загрохочут пушки. Снаряды станут рвать обшивку, насмерть разить завойковцев. Потом сойдутся корабли вплотную — и начнется рукопашный бой.

«Лейтенант Малеев» приближался к нам слева, «Фарватер» двигался справа. «Капитан Дыдымов» шел прямо на нас. Мы не решались первыми начать бой, исход которого был очевиден. Оставалось не больше половины мили до белых, когда сигнальщик принял коротенький семафор:

«Предлагаю помощь буксировкой. Капитан 2 ранга Хребтович».

— Белый лис объявился! — усмехнулся Ключс. Он знал Хребтовича по службе в Сибирской военной флотилии.

Я тоже встречал капитана 2 ранга Хребтовича. Он был членом приемной комиссии в школе юнг. Мне запомнились его бегающие глаза под рыжими бровями, узкий лоб с большими залысинами и костистые пальцы.

Нас было девять мальчиков — сыновей боцманматов и кодукторов¹. Мы все очень хотели попасть на флот. У меня была впалая грудь. Я тужился изо всех сил, чтобы показаться здоровее. Меня подозвал к столу Хребтович и принялся ощупывать под ключицей и в паху. Ему казалось, что мы обманиваем комиссию.

Теперь этот человек предлагал нам помощь. Я очень удивился мирному намерению капитана 2 ранга.

¹ Унтер-офицерские чины в царском флоте.

«Застопорите ход.— или открываю огонь!»— вторично предупредил его Ключс.

«Капитан Дыдымов» выпустил шапку дыма из трубы и остановился. Вслед за флагоманом застопорил ход «Лейтенант Малеев». Потом и «Фарватер» лег в дрейф.

До вечера мы переговаривались с белыми с помощью семафора. Они настойчиво предлагали свои услуги. Мы отказывались от помощи. Ведь стоило только принять буксирный конец — и мы в плену.

Как только стемнело, они снялись с якоря, хотя не стоило никакого труда отправить на дно неподвижный корабль.

Лишь много позже нам стали понятны намерения капитана 2 ранга.

8

На другой день портовый буксир притащил яхту на территорию дока. Якум отправился в город и встретился с советским консулом. В тот же день на корабль доставили продовольствие с берега.

Вскоре докеры пастлали деревянную палубу, надели на борта дубовые планшири, заменили вылетевшие заклепки, отремонтировали водоотливные насосы. Нам отвели место для якорной стоянки в устье реки Вангпу. Там стояли иностранные военные корабли, прибывающие в Шанхай по любому поводу.

Два лодманских катера провели «Адмирал Завойко» до места отведенной нам стоянки. Справа от нас находился трехтрубный итальянский крейсер, слева — французский эсминец. За нашей кормой, глубоко уйдя в воду, застыл американский дредноут. Неподалеку от «американца» покачивался на речной хляби английский фрегат.

Мы отдраили верхнюю палубу. Отмыли ее водой. К обеду она отливала восковой желтизной. Медные поручни полыхали красным пламенем в лучах солнца.

Матросы надели новые голландки, выгладили брюки, почистились. Командир и комиссар в белых кителях прохаживались по верхней палубе. Они ждали гостей. Ключс был озабочен и хмур. Орловский — деловит и спокоен.

Я невольно засмотрелся на французский вельбот, подходивший к левому борту. Смуглолицые матросы с красными помпонами на белых беретах четко вскинули весла, приветствуя русских.

— Вива Совет Русс! — дружно крикнули французские матросы.

— Здорово, французы! — гаркнули завоёвцы.

Из вельбота выпрыгнул молоденький офицер в белых лайковых перчатках. Он быстро поднялся по трапу на палубу яхты и стал оживленно говорить, пожимая руки командиру, комиссару, штурману и рядовым матросам.

— Моль-од-цы! — раздельно произнес командир французского эсминца.

Александр Иванович пригласил офицера в кают-компанию.

Как только отвалил от нашего борта вельбот, к трапу подошла английская шлюпка. Гребцы королевского флота протянули весла по планширю, замерли.

Я обратил внимание, что все до единого матросы оказались одного роста. Они были длиннорукие и долговязые.

На палубу «Адмирала Завойко» ступил высокий длиннолицый кэптен с глазами навывкате. Он скользнул невидящим взглядом по нас — рядовым матросам — и, протянув Романовскому руку, холодно произнес:

— Гуд дэй!

Королевские гребцы дружно оттолкнулись от борта.

С итальянского крейсера и американского дредноута к нам никто не явился с визитом вежливости. Не пришел на «Адмирал Завойко» и командир японского авизо, стоявшего в излучине Вангпу, в двух милях от нас. Они все еще продолжали считать нас пиратами.

9

Маленькая территория Советской Республики, ограниченная палубой корабля, была чужеродной частицей в организме большого международного порта.

Жизнь на яхте шла своим чередом. Нам стали увольнять на берег. Мне запомнилось первое увольнение.

Я и Виктор Дутиков забрели на рыночную площадь. Между двумя деревянными столбами висел канат. По нему прохаживались два цирковых акробата. Они развлекали публику.

Повсюду пестрели ярко раскрашенные бумажные фонарики, драконы и тигры. Дымились жаровни. На горящих углях жарилось мясо, варился рис.

Я был поражен обилием красок, запахов, звуков.

Дутиков и я остановились возле клеток с попугаями. Временами эти дикие птицы издавали резкие гор-

ловые звуки. Они имели самую различную окраску. Нежно-розовый цвет чередовался с черным и синим, желтый — с белым.

У клеток, сплетенных из медной проволоки, прохаживался низкорослый малаец с курчавой бородкой и неизменной улыбкой на смуглом лице. Он что-то выкрикивал на своем языке. Вероятно, зазывал к себе покупателей. Но никто к нему не подходил.

Завидев нас, продавец зацокал языком и стал энергично жестикулировать, расхваливая свой товар.

Крупный попугай с темно-красной спинкой и гордо изогнутым клювом смотрел на меня немигающим взглядом. Я невольно залюбовался им. Птица пошевелила крыльями и закричала что-то резким голосом.

Дутиков обменял свой старинный портсигар на попугая с клеткой.

Попугай, которого мы называли Гришкой, доставлял много хлопот обитателям носового кубрика. Он усваивал не то, чему я старался его обучить, а запоминал слова команды, употреблявшиеся на корабле.

— Койки бр-р-р-раты! — вскрикивал попугай среди ночи. Его резкий голос будил Новикова и Тенниссона.

10

Выбравшись однажды из кубрика с клеткой в руках, я увидел троих гостей, вступивших на палубу яхты. Они пришли на шампуньке — маленькой лодчонке, которая осталась ждать их у трапа. Все трое были в белых костюмах. И панاما у каждого на голове. Я принял их за иностранцев. Но, подойдя ближе, догадался, что они — русские. В одном из гостей я узнал капитана 2 ранга Хребтовича. Он очень постарел и стал горбиться, живя за границей. Но маленькие бегающие глаза под выгоревшими бровями смотрели еще острее.

Прибывших на яхту гостей встречал Клюсс. Он жестом пригласил их сесть. Те помедлили малость и сели. Белые офицеры рассчитывали, что командир яхты пригласит их в кают-компанию.

— Лейтенант князь Гедройц, — представил одного из своих приятелей капитан 2 ранга Хребтович.

— Мы знакомы, — слегка наклонил голову Клюсс.

— Поручик Головачевский, — кивнул на другого Хребтович.

— Честь имею! — приподнялся за столом офицер с тонкой талпеей.

Капитан 2 ранга сдернул с головы папану, вытер платком пот, обильно выступивший на затылке лба, и пачал, обращаясь к командиру яхты:

— Мы были сослуживцами, Александр Иванович. Теперь опять встретились здесь...

Он запнулся. Какое-то время длилось молчание.

— Да, это было, — подтвердил Ключев.

Хребтович платочком смахнул слезу со щеки.

Мне как-то не верилось, что он мог так измениться. Невольно вспомнилось снова, как стояли мы, девять голых мальчиков, перед столом приемной комиссии — худые, испуганные, посиневшие от холода. Я вдруг почувствовал позабытую боль под ключицей, куда тыкал Хребтович своими костистыми пальцами... Был момент, когда наши взгляды ненадолго встретились. Мне показалось, что он вспомнил, узнал меня. Но это только почудилось. Перед его глазами прошли десятки таких, как я, безродных мальчишек и, может быть, сотни взрослых парней, ставших матросами...

— Между вами и мною пролегла пропасть, господин капитан 2 ранга, — услышал я негромкий голос командира.

Лейтенант Гедройц морщил лицо, тяжело дышал. Казалось, ему не хватает воздуха. Поручик Головачевский исподлобья посматривал на нас. Цепкий взгляд офицера схватывал все, что находилось на «Адмирале Завойко».

— А я его, гада, узнал! — изумленно произнес Шадепов, стоявший возле меня. — Да он же у генерала Розанова в контрразведке служил! Допросы почью учил... Истязал паших. Тимоху Милкина замучил на Полтавской.

— Так вот какие люди пожаловали на корабль! Сколько матросов на совести этого поручика, а его и пальцем тронуть нельзя!

Разговор за столом не клеился. Хребтович достал коробку с сигарами, протянул ее по очереди хозяевам и гостям.

Головачевский молча курил сигару, продолжая разглядывать корабль и матросов. Князь Гедройц изредка вставлял короткую фразу во время беседы. Хребтович сухо рассказывал, как живет ему на чужбине. Он не жаловался и не хвалил свою жизнь.

Хребтовича интересовали драгоценности, якобы находившиеся на яхте.

— Все, что есть на «Адмирале Завойко», принадлежит народу и не является предметом обсуждения! — холодно отрезал Ключсс.

Гости уходили с корабля, не скрывая злобы.

— Это была разведка, Станислав Ключсафович, — озабоченно произнес Ключсс после того, как шампунька отвалила от корабля.

— Значит, предстоит бой! — подхватил Орловский.

На яхте зазвучала знакомая трель сигнальной дудки.

— Палубу окатить и пролопатить! — раздался зычный голос боцмана.

11

Наши «загадочные сокровища» не давали покоя белым эмигрантам...

Командир и комиссар стали принимать меры, чтобы защитить корабль в случае нападения. Александр Иванович приказал кроме вахты выставить караул в ночное время. Кранцы со снарядами он распорядился держать открытыми днем и ночью. Возле заряженной пушки круглые сутки находился комендор.

Мы не знали, откуда нанесут удар белоэмигранты. И когда, какими силами нападут на яхту озлобленные люди, продавшие отчизну, потерявшие совесть и честь...

Если бы не случай, неизвестно, чем кончилась бы та тревожная ночь... Вахтенному у трапа показалось подозрительным, что на барже с овощами, стоявшей возле борта яхты, остались на ночь люди. Он доложил командиру.

Подозрительных пассажиров доставили на корабль. Они оказались переодетыми белогвардейцами. Во время допроса офицеры выдали Полговского как одного из участников заговора по захвату яхты и признались, что ночью должно состояться нападение.

Мы приготовились встретить заговорщиков капитана 2 ранга Хребтовича. Все свободные от вахты матросы вооружились и вышли на верхнюю палубу. Часть команды штурман повел на баржу. Это была выгодная позиция, и Ключсс решил ею воспользоваться, чтобы легче было отражать нападение.

Дутиков и я поднялись на мостик. Встали возле командира. Винтовок на нас не хватило. Мы вооружились револьверами.

Осенняя ночь выдалась темная, тихая. Небо было затянуто низкими облаками. Слегка моросило. Быстро несла свои воды река Вангпу в океан.

Мы стояли и ждали, когда раздастся в тишине слабый всплеск и покажутся на воде джонки с вооруженными бандитами. Медленно тянулись минуты.

— А может быть, успели предупредить их? — шепотом спросил меня Дутиков.

Радист нетерпеливо ворочал шеей, оглядывался. Сжав руками крыло мостика, пристально всматривался в темноту командир.

Неожиданно я услышал всплеск воды. Потом увидел одну джонку, вторую, третью...

— Идут, товарищ командир! — тихо проговорил я.

— Вижу! — отозвался Александр Иванович Ключсс.

Джонки приближались. Сильное течение несло их в море. Заговорщики пустили в ход весла, чтобы не проскочить мимо баржи. В тишине стал различим скрип множества уключин. Джонки подошли совсем близко.

— Стой! Кто гребет? — твердым голосом произнес Ключсс.

Никто не ответил. Только чаще и беспорядочней стали гребки. Белые не ждали оклика и... растерялись. Они думали, что о заговоре никто на яхте не знает, кроме Полговского, и продолжали приближаться к «Адмиралу Завойко». Мы слышали шум весел.

— Включить боевой прожектор! — скомандовал Ключсс.

На сигнальном мостике вспыхнул огненный меч. Он метнулся из стороны в сторону и ринулся на воду.

Над рекой прозвучал одиночный выстрел.

— Прочь от баржи — или открываю огоны! — предупредил Ключсс.

Заговорщики увидели на палубе корабля матросов с винтовками, комендоров на баке и пушку, готовую к стрельбе. Кое-кто из них попрыгал за борт.

Джонки стали отворачивать прочь от баржи. Несколько штук сбились в кучу. Их несло течением в море.

Мы не спали всю ночь. Не верилось, что белые откажутся от мысли овладеть яхтой.

Дальнейшие события показали, что мы не ошиблись...

Утром командир приказал разгрузить баржу и отпустить ее. Ящики с овощами и фруктами перетащили на корабль. Баржа отошла от борта. Не успела она оказаться на середине реки, как мы увидели направлявшийся к нам большой катер международной речной полиции. Он подошел к «Адмиралу Завойко».

На корабль ступил шеф речной полиции — тучный, невысокого роста мужчина в форменной фуражке и белой тужурке. Следом за ним поднялись на палубу человек сорок неизвестных людей в гражданских костюмах. По выправке нетрудно было определить в них бывших русских офицеров. Они сгрудились на корме. Шеф полиции направился на мостик. Ему навстречу вышел Ключсс.

— Мне нужен командир судна, — по-русски сказал шеф речной полиции.

— Командир — я.

— У вас на корабле бунт, я вынужден вмешаться, чтобы защитить... вас.

— Никакого бунта нет, — ответил Ключсс. Он понял, что заговорщики вступили на яхту под видом служащих речной полиции.

Шеф замаялся. Он снял с головы фуражку. Вытер клетчатым платком красную лысину и вкрадчиво спросил:

— Как охраняются на яхте золото и драгоценные камни?

— Я не обязан никому давать отчет по этому поводу, — сдержанно проговорил Ключсс.

— Извините, — вежливо поклонился полицейский чиповник. Он потоптался на месте, будто собираясь покинуть корабль, потрогал потную шею с жирными складками и, словно спохватившись, заговорил опять: — Бюро по русским делам заявило на вас жалобу. Господа офицеры выразили единодушный протест. Им стало известно, что на вашем корабле томятся под строгим арестом их соотечественники. И будто один из них уже расстрелян.

— Подлая ложь! — возмутился Ключсс. — Мы никого не расстреливаем без суда и следствия.

— В таком случае позвольте мне взглянуть на них, — нашелся шеф полиции.

— Ни я, ни кто-либо из членов экипажа не совершали никаких проступков, — спокойно сказал командир.

Поэтому нет оснований производить на корабле моем обыск. Я решительно возражаю! Территория корабля неприкосновенна.

— Тогда я умываю руки,— пожал плечами чиновник.— Разбирайтесь сами.

И он отошел в сторону, предоставив нам и переодетым белым офицерам решать спор самим. Нас и заговорщиков отделяли тридцать метров палубы. Всего тридцать... Они были вооружены. В этом мы не сомневались.

Впереди нас оказались Орловский, штурман, Шадепов и Тенниссон. А между ними и белыми офицерами находился на середине палубы Александр Иванович Клюсс. Он стоял на том месте, где оставил его шеф речной полиции.

Командир первый обратился к переодетым заговорщикам.

— Предлагаю немедленно покинуть корабль! — раздельно произнес Клюсс каждое слово.— Надеюсь, вам известны понятия чести и нормы...

Ему не дали договорить начатую фразу. На корме раздались злобные выкрики:

— Предатели!

— Иуда!

— Изменник!

— За тридцать сребренников проданся большевикам!

Командир яхты дал возможность выговориться всем. А как только стихли голоса офицеров, громко объявил:

— Каждого, кто не сойдет с корабля, я буду считать переступившим границу Советской России! Вам должно быть ясно, что «Адмирал Завойко» — частица ее территории. Поэтому я отдам экипажу приказ поступить с вами как с людьми, переступившими государственную границу, если вы не выполните мое требование. На размышление даю пятьдесят секунд.

Наступила тишина.

Клюсс не торопясь вытащил из нагрудного кармана кителя свой секундомер, запустил его и осторожно положил на ладонь.

Офицеры зашевелились.

Я всматривался в искаженные злобой и яростью лица. Мне хотелось найти среди них узкий лоб с крупными залысинами, маленькие бегающие глаза. Но неожиданно я увидел поручика, который приходил в гости на «Адмирал

Завойко». Это был он — бывший розановский контрразведчик. Ни лейтенанта Гедройца, ни капитана 2 ранга Хребтовича среди офицеров не было. Они руководили операцией по захвату яхты с берега...

Заговорщики не собирались уходить. С каждой секундой я все больше убеждался, что схватки не избежать.

Клюсс, казалось, спокойно наблюдал за секундомером. От взмаха его руки зависело все.

До истечения срока ультиматума оставались считанные секунды. Я с ужасом подумал, что Александр Иванович первым, обливаясь кровью, упадет на палубу. Его перештетят белогвардейские пули, как только начнется бой. Захотелось крикнуть: «Отойдите, Александр Иванович!» Но язык мой не повиновался мне.

Заговорщики, так легко вступившие на палубу «Адмирала Завойко» и окрыленные быстрым успехом, не хотели покидать яхту. Напряжение достигло наивысшего накала. Вот-вот загрохочут залпы с той и другой стороны...

Но что это? Несколько офицеров, стоявшие крайними, заколебались и шагнули к полицейскому катеру. За ними последовали другие. Сгрудившаяся на корме кучка офицеров вдруг распалась. Те, кто стоял дальше, уже напирали на передних. Они торопились уйти с корабля, пока стрелка секундомера Клюсса не достигнет цифры «50».

12

И еще мне запомнился теплый осенний день. Обычный день нашей долгой стоянки в Шанхае. Я закрыл камбуз и, как всегда, направился в радиорубку к Дутикову.

Виктор сидел на вертушке перед включенным передатчиком и стучал ключом. На столике лежал перед ним заполненный бланк радиогаммы. В глаза мне бросились слова, написанные рукою Александра Ивановича Клюсса: «Владивосток, командарму Уборевичу. Приветствуем разгром белых банд. Сожалею, что отсутствуем на праздновании годовщины революции. Экипаж посыльного корабля «Адмирал Завойко».

Наши во Владивостоке!

Я опрометью выбежал из рубки и заорал во все горло: — Разбили белых! Владивосток наш!

— Чего ты орешь? — остановил меня Новиков.

— Как — чего? — удивился я. — Белых прогнали!
— Все уже знают об этом!

Чтобы получить воду и топливо, «Адмирал Завойко» подошел к стенке речной пристани. Остались считанные часы пребывания в Шанхае.

Я вынес Гришку на верхнюю палубу.

«Льюки за-др-р-раить!» — заорал попугай.

Мне не хотелось с ним расставаться. Как я мечтал похвастаться своим друзьям-юнгам ученой птицей, когда вернусь на Родину. Но вдруг я почувствовал странное безразличие к ней: слишком велика была радость от сознания скорой встречи с Родиной!

Я открыл клетку. Гришка зашевелился, ступил одной ногой на палубу. Вышел на волю. Взмахнув крыльями, он тяжело взлетел. Ярко сверкнуло на солнце его красно-черное оперение. Попугай уселся на мачте. Он словно раздумывал: остаться ли ему на яхте или лететь дальше?

Гришка неохотно поднялся в воздух и, пролетев немного, опустился на крышу топливной конторы. Отдохнув малость, попугай взлетел опять и вскоре скрылся из виду.

В тот день мы вышли в море. А через месяц «Адмирал Завойко» снова держал курс на Командоры.

же несколько суток «Бостонец» находился в пути. Под осенним холодным небом во все стороны простирался океан. Капитан Сполдинг, надвинув на лоб фуражку, стоял на мостике и пристально всматривался в далекий горизонт по курсу судна. Старший штурман Дибл брал секстантом высоту негреющего солнца. Он щурил глаза и хмурил брови, крутя верньер. Светлые зайчики весело приплясывали на никелированной шкале секстанта и позолоченных пуговицах черной тужурки штурмана.

Выбравшись из душного кубрика, кочегар Гармлей дышал чистым воздухом и разминался перед заступлением на вахту. Два дня назад он заменил пострадавшего от ожогов Терри и теперь помпо своего обслуживал еще и его котел.

До заступления на вахту оставалось еще полчаса. Гармлей не торопился. Спускаться в «преисподнюю» ему не хотелось. В последние дни у него не прекращались головные боли. Пропал аппетит. Он чувствовал слабость во всем теле.

Но работать кочегаром Гармлею нравилось, он легко и быстро усвоил устройство котла со всеми кранами, питательными помпами и клапанами. Гармлей с благодарностью подумал о Вудсберн, работавшем рядом с ним, и стал вглядываться в океанскую хлябь. Вид бескрайних просторов воды и волн, крепкий соленый воздух подавляли головную боль. Мысли приобретали привычную ясность... Гармлей думал о том, что по этим перекрещивающимся морским дорогам плывут во все

концы мира тысячи судов. Портовые таможи в дальних странах ждут прибытия назначенных грузов, которые потом превратятся в шуршащие кредитки. Хозяева пароходных компаний не знают грохота ураганов и запаха моря. Им знаком лишь шелест радужных бумажек.

Однако пора на вахту... Как быстро бежит время здесь, наверху! И как медленно оно тянется там, в кочегарке! Гармлей сделал еще несколько жадных, продолжительных вдохов и отправился в котельную.

На каждого кочегара приходилось по две топки: одна — наверху, на уровне плеч; вторая — внизу, под котлом. Труднее всего было кидать уголь в верхнюю топку. Зачастую уже в передней части зева, откуда вырывалось крутящееся пламя, уголь высыпался с широкой лопаты Гармлея. Сердце его билось учащенно, толчками. Было нестерпимо жарко, хотя он и работал по пояс голый. На зубах у него скрипела угольная крошка, и весь он был напудрен черной пылью.

Чтобы поддерживать необходимое давление пара, требовалось раскидывать уголь ровным слоем по колосниковой решетке и следить, чтобы она не засорялась. Гребком и лопатой Гармлей разравнивал горящее топливо, шуровал изо всех сил. Случалось, он неосторожно ударял острым резак о топочную раму.

— Не усердствуй, дружище! — весело кричал ему на ухо Вудсбери. — Не то уплывут в топку твои доллары: придется с капитаном расплачиваться!

Едкая пыль разъедала кожу, забивала поры, проникала в легкие. Перед глазами Гармлея колыхались багровые отблески, лихорадочно плясали черные тени.

— Чаще поглядывай на манометр! — советовал Вудсбери.

Колосниковая решетка то и дело забивалась шлаком. Приток свежего воздуха задерживался — и горение уменьшалось. Гармлей хватал резак и принимался очищать им колосниковые промежутки.

Истощенно гудели котлы. Ревел в топках огонь. А из-за переборки доносились ровные вздохи главных двигателей.

Иногда Гармлей успевал встать под раструб вентилятора, нагонявшего в кочегарку чистый воздух, ненадолго обретая бодрость и силу.

К концу вахты поддерживать давление становилось все труднее. Когда стрелка манометра опускалась ниже красной черты, Гармлей открывал ревущую топку, брал тяжелый лом и заостренным концом взламывал слой спекшегося угля. Сердце делало перебои. Дрожали руки и ноги.

Термометр на переборке показывал шестьдесят два градуса. Ни к чему нельзя было прикоснуться.

От усталости и духоты Гармлей кидало в разные стороны. «Только бы не упасть! — билась в нем упрямая мысль. — Упаду — все будет кончено!»

Он чаще, чем Вудсбери и Хейт, обслуживавший первый котел, бросался к медному чайнику, чтобы залить жар в груди. Вода была теплая и невкусная. Через несколько минут она выступала на теле обильным потом, и жажда начинала мучить с еще большей силой.

Стрелка на манометре все же опустилась ниже красной черты, и никакие усилия не могли поднять ее выше.

В котельную прибежал старший механик Тейт. Подняв над головой волосатый кулак, он заорал на Гармлея:

— Мусорщик вы, а не кочегар! Кухарка и та справилась бы с котлом лучше вас!

— Ухудшилась тяга, мистер Тейт, — заступился за Гармлея старший кочегар.

— Нужно как следует шуровать в топках! И чаще подрезать!

— Стараемся всю, сэр!

— Мух ловите, мерзавцы! — махнул рукой старший механик и стал подниматься по трапу наверх.

— Становитесь сами к котлу и покажите, как у вас получится! — крикнул вдогонку Вудсбери.

Гармлей поднял усталую голову и, встретившись глазами со старшим кочегаром, вымолвил:

— Спасибо, дружище!

Стрелка на манометре снова стала опускаться. Гармлей открыл топку и принялся с остервенением выламывать скипевшиеся угли. Пахнуло угаром. Кочегарка закружилась и начала опрокидываться. Гармлей выронил лом и медленно повалился на решетчатый настил. К нему подбежал Вудсбери. Опустившись на колени, старший кочегар приложил ухо к обнаженной груди и не сразу уловил слабое биение сердца.

— Тепловой удар!

Вдвоем с Хейтом Вудсбери поднял Гармлея наверх, но и на свежем воздухе тот не пришел в сознание.

2

Пароходный врач Джефферсон наклонился к Гармлею. Пульс у кочегара едва улавливался. Джефферсон попытался привести в чувство пострадавшего от теплового удара с помощью кислородной подушки. И не смог. Гармлей лежал без движения, бессильно раскинув руки и уронив набок голову.

Вудсбери и Хейт в нерешительности переминались с ноги на ногу и вопросительно смотрели на врача.

— Отправляйтесь в котельную,— сказал Джефферсон и стал вытирать полотенцем руки.

— А как же Гармлей? — в один голос спросили кочегары.

— Не ваша это забота! — сердито буркнул врач. — Идите, да поторапливайтесь. Не то задаст вам жару мистер Тейт. Уж я-то знаю его нрав.

Джефферсон поднес склянку с нашатырным спиртом к носу Гармлея. Тот пошевелился и застонал. Потом открыл глаза и мутным взглядом обвел незнакомое помещение.

— Где я? — слабым голосом произнес кочегар.

— В судовом лазарете.

— Как же так?

— Очень просто. Вас хватил тепловой удар...

3

В светлом салоне под штурманской рубкой сидели за обеденным столом капитан Сполдинг, старший механик Тейт и врач Джефферсон. Закончив обедать, они вели беседу о последних событиях.

— Какому дьяволу пришла в голову мысль послать наших парней в Россию?! — возмущался прямодушный Сполдинг.

— Не мы первые полезли — англичане и в этот раз опередили нас, — пожал жирными плечами медлительный Тейт.

— На кой черт понадобился нам этот холодный Мурманск?! — закуривая сигару, продолжал капитан. — Там же крысы от холодадохнут, не то что люди.

— Государственные соображения несовместимы с обычным понятием, сэр,— уклончиво возразил старший механик.— Сенату угодно было послать в Россию батальоны, и он принял такое решение.

— Но ведь в конституции Соединенных Штатов сказано, что без объявления войны сенат не уполномочен посылать вооруженные отряды ни в какое другое государство,— выпустив изо рта кольцо сизого дыма, возразил капитан.— Так кто же сенаторам это позволил?

— Вероятно, сами пришли к такому заключению.

— И для этого даже не понадобилось вносить поправки в конституцию! Восхитительно! — пронизывал Сполдинг. На бледном лице капитана выступили алые пятна.

— Им показалось, по всей вероятности, что в этом нет пужды,— скривил Тейт пухлые губы.

Джефферсон молча вслушивался в разговор капитана со старшим механиком и курил свою трубку. Он считал, что все это лично его пикантным образом не касается.

— Для чего нам надо вмешиваться в дела русских? — продолжал свои рассуждения капитан Сполдинг. — У нас у самих своих забот — во! — Он провел костистой ладонью по горлу.

— Да, у нас у самих беспокойно,— по-своему понял капитана старший механик.— Социалистическая зараза разносится, словно чума! Рабочие бастуют, а красные газеты печатают о безобразиях бунтовщиков как о необходимом благе. И все это пришло к нам из Европы. Теперь Россия подала столь пагубный пример, что и в Америке может начаться резня.

— По-моему, вы сгущаете краски, мистер Тейт,— остановил старшего механика Сполдинг.

— Меньше следовало бы уговаривать этих красных смутьянов и побольше отправлять за решетку.

— Ну, это вы слишком! Я не думаю, чтобы социалисты сумели натворить в Америке то, что стряслось в России.

Старший механик молчал, насупив клочкастые редкие брови.

Джефферсон, выкурив трубку, хотел встать и уйти, но его остановил Тейт:

— Скажите, любезный доктор, вы долго собираетесь держать у себя в лазарете моих бездельников?

— У меня больные, я не совсем понимаю, о ком вы меня спрашиваете! — отрезал Джефферсон.

— Два моих кочегара не выходят на вахту, — пояснил Тейт. — У одного — ожог на руке, второй симулирует тепловой удар!

— Никакой симуляции нет! У кочегара Гармлея настоящий тепловой удар!

— Но он уже отлежался, и, я полагаю, ему пора на вахту, — не отступал Тейт.

— Позвольте мне поступить с пациентом, как я считаю нужным! — побагровел Джефферсон. — Извините меня, капитан! — Он обернулся к поднявшемуся из-за стола Сполдингу и пояснил: — Кочегар Гармлей всего месяц назад перенес сложнейшую операцию. У него удалили почку, его никак нельзя было ставить к топке.

— Меня это не касается! — взорвался механик.

— Не мелите вадор, мистер Тейт! — остановил его капитан Сполдинг.

— Я готов молчать, но скажите, сэр, кто будет стоять у котлов, если свалится кто-либо еще из моих кочегаров? Может быть, вы позволите мне заstopорить машины и положить судно в дрейф, пока эти бездельники находятся на излечении? А может, мне самому встать к котлу и пачать шуровать?

— Вам я не советую подходить близко к топкам: там слишком жарко, — невозмутимо отозвался Сполдинг. — Заstopорить машины я вам тоже не позволю. Пароходная компания не захочет терпеть убытков. А я не Рокфеллер. Мне платить издержки нечем. Так что обходитесь пока теми людьми, которые здоровы и могут нести вахту. А доктор Джефферсон, я полагаю, никого не станет зря держать в своем лазарете.

Капитан первым покинул салон, чтобы сменить на ходовом мостике старшего штурмана Дибла. Следом за ним вышли на верхнюю палубу Джефферсон и Тейт.

Волны яростно обрушивались на железную скулу парохода, косо летели вверх и белой пеной падали на палубу. Тейт твердо ступал по ней толстыми, крепкими ногами, направляясь в носовой кубрик, где жили кочегары. После разговора с капитаном и Джефферсоном механик испытывал едкую злобу. Он даже сам не мог понять, к кому питает это чувство: к капитану ли, доктору или кочегару Гармлею.

В тесном помещении стоял срамный дух — вентиляции в кубрике не было, и чистый воздух туда почти не попадал. В самом дальнем углу на подвесной койке спал больной кочегар Терри. Обмотанная бинтами его правая рука лежала поверх одеяла. «Дрыхнет, скотина!» — заметил Тейт.

Койка Джима Гармлея пустовала. Дверка его рундука была наполовину открыта и словно магнитом притягивала Тейта. Кочегар Гармлей вызывал в нем все нарастающее жгучее любопытство.

Тейт оглянулся на спящего Терри и открыл рундук. Там лежал брезентовый матросский мешок. Старший механик обернулся еще раз и нерешительно протянул руку...

Капитан Сполдинг, забравшись на сигнальный мостик, смотрел в бинокль по курсу судна, когда, запыхавшись и возбужденный, забежал к нему старший механик...

Новый приход в лазарет врача Джефферсона прервал тревожные мысли больного.

— Как вы себя чувствуете, мистер Гармлей? — вежливо спросил доктор.

— Благодарю вас, превосходно! — последовал ответ.

— Мне кажется, вы преувеличиваете.

— Нет, я вполне здоров.

— Пробудете в лазарете еще денька два, и тогда я, может быть, вам поверю, — любезно улыбнулся Джефферсон, — и признаю годным для несения вахты в котельной.

— Вы так добры ко мне, мистер Джефферсон, но я не могу находиться здесь, когда Вудсбери и Хейт по двенадцать часов в сутки стоят у топок.

— Ничего не поделаешь, — упорствовал врач.

Пробыв в лазарете до следующего утра, Гармлей все же уговорил Джефферсона, и тот отпустил кочегара.

Прежде чем отправиться в котельную, Гармлей забежал в кубрик. Там находился один Терри. Оторвав от подушки кудлатую голову, кочегар буркнул вместо приветствия:

— Зря ты, парень, торопишься...

— Как зря? — удивился Гармлей.

— Лежал бы ты лучше, как я... Или боишься потерять половину жалованья? Так все одно в кабаке оставишь свои доллары.

— Да нет, я просто-напросто не желаю, чтобы вместо меня парились в котельной другие.

— Э... да брось, парень,— махнул Терри здоровой рукой.— Вудсбери и Хейт — ребята ко всему привычные. Они и не такое видели.

Гармлей полез в рундук, достал свой матросский мешок и начал расстегивать кнопки.

— Пока ты в лазарете валялся, Бульдог в твоём рундуке шуровал,— безразличным тоном произнес Терри.

— Как шуровал?

— Да очень просто. Рылся в твоём мешке. Искал что-то. Только зачем ему это потребовалось? Прежде никогда такого не случалось.

Так и не отстегнув клапана, Гармлей уставился на Терри.

— Он сказал тебе что-нибудь?

— Нет. Я храпел, как слон. Бульдог, видно, думал, что я сплю.

— Ну и как же?

— Порылся он немного в твоём мешочке, нашел там какую-то книжку, перелистал ее и сунул обратно. Взял пачку бумаги, повертел в руках и швырнул назад.

4

Соленый ветер свистел в судовых снастях, протяжно завывал в раструбах палубных вентиляторов. С треском пузырилась парусина на мостике. Прерывисто гудели натянувшиеся до предела железные ванты. Перегруженный «Бостонец» с надрывным ропотом вскарабкивался на водяные холмы, зарывался носом в глубокие впадины. Временами гребные винты обнажались и работали вхолостую. Корпус судна содрогался от ударов встречных волн. Вода свободно гуляла по всей верхней палубе. Холодные брызги долетали до мостика.

— Следует изменить курс, мистер Дибл,— спокойно произнес капитан Сполдинг, войдя в штурманскую рубку.

— Вы полагаете, сэр, судну грозит опасность? — спросил старший штурман.

— Да, боюсь, пароход может переломиться. Вы слышите, как вибрирует корпус?

— Слышу, господин капитан.

— Волна и качка судна вступили в резонанс, — громко проговорил Сполдинг. — Я наблюдал однажды, как, попав в такой же переплет, надвое переломился миноносец. В то время я служил на крейсере «Саутгемптон». Не прошло и трех минут, как два обломка перевернулись вверх килем и пошли на дно.

Старший штурман поднял глаза от путевой карты.

— А моряки?

— Мало кому удалось спастись.

«Бостонец» взял на тридцать градусов вправо. Встречные волны стали ударять в левую скулу судна. Вибрация корпуса прекратилась.

Штурман Дибл не был вполне уверен в точности прокладки на путевой карте и испытывал смутное беспокойство. Третьи сутки подряд небо было закрыто громадами низких туч. И за все это время ему ни разу не удалось взять высоту луны, звезд, либо солнца. Местонахождение судна Дибл вынужден был определять только по показаниям электрического лага. «Бостонец» входил в беспокойный всегда Бискайский залив. В нескольких сотнях миль находился португальский берег. «Как бы не напороться на рифы!» — не покидала тревога штурмана Дибла.

Капитан Сполдинг думал о том же, но взять левее было опасно.

В это время к нему на сигнальный мостик и взбежал запыхавшийся механик.

— Господин капитан, на судне скрывается социалист! Этот Гармлей — опасный преступник!

— Какой преступник! Где? Вы с ума спятили, мистер Тейт! — изумился капитан.

— Кочегар Джим Гармлей, оказывается, весьма опасная личность, — задыхаясь, рассказывал старший механик. — У него в мешке я случайно обнаружил программу коммунистов Америки и книжку о революции в России.

— Ну и что же? — невозмутимо спросил Сполдинг.

— Как что! На судне вредный социалист!

— Так разве «Бостонцу» грозит какая-нибудь опасность по этой причине?

Тейт на минуту растерялся, ошеломленный таким неожиданным поворотом дела.

— А если узнают федеральные власти? — наконец вымолвил механик.

— Откуда же они могут узнать, если об этом известно только вам да мне, насколько я понимаю.

— Да, но...

— Идите, мистер Тейт. Занимайтесь своими делами. А когда мы закончим рейс, пришлите ко мне кочегара Гармлей. В Бергене я решу, как с ним быть.

5

Гармлей постепенно осваивался. Все чаще ему удавалось встать под раструб вентилятора и подышать чистым воздухом. Он неторопливо пил из медного чайника подкисленную воду, не опасаясь, что стрелка на манометре опустится ниже красной черты. Иногда Гармлей сталкивался с Вудсбери у привинченного к железной переборке столика, где стоял чайник с водой, и вступал со старшим кочегаром в минутный разговор.

— Куда ты намерен податься, Гармлей, когда придем в Берген? — спрашивал Вудсбери, сверкая в полумраке белками глаз.

— Наверно, в Фипляндию. Отправлюсь искать своих родственников.

— Оставайся-ка ты лучше у нас, на «Бостонце», — уговаривал его Вудсбери. — Платят здесь неплохо, и капитан — моряк что надо!

— А старший механик каков?

— Собака — не человек! Но он пришел к нам недавно. Я думаю, капитан не станет его долго терпеть.

— Трудно сказать...

— Но ты все же подумай на досуге, может быть, и останешься.

— Хорошо, я подумаю, — отвечал Гармлей и бросался к своему котлу.

Отстояв до конца последнюю вахту, он поднялся по железному трапу наверх и выглянул из люка. От усталости и волнения все кружилось перед глазами. Гармлей полной грудью вдохнул в себя ошляпывающий воздух, огляделся.

В разрывах между последними тучами синели лоскутки чистого неба. Справа от судна виднелся гористый берег. Ветер постепенно стихал, но океан продолжал бесноваться.

«Бостонец» упрямо продвигался вперед, ломая железной грудью тяжелые волны.

6

На одиннадцатые сутки пришли в Берген.

Пароход отдал якорь на внутреннем рейде Карантиной гавани и принял на борт таможенных чиновников.

В Норвегии была уже поздняя осень. День стоял ясный и ветреный. Холодное солнце живым золотом заливало черепичные крыши разноцветных домов на берегу. Они сбегали вниз по кручам гор, обступившим с трех сторон широкую бухту.

Одетый в дорожный костюм, с перекинутым через плечо матросским мешком, Гармлей вышел на верхнюю палубу. Никто его не остановил. Он попрощался с друзьями-кочегарами, теперь оставалось только получить жалование и уйти с судна. Гармлей вошел в каюту казначея, находившуюся рядом с салоном, предъявил матросскую книжку. Старый казначей отсчитал ему сорок семь долларов и пятьдесят восемь центов, предварительно вычтя из общей суммы жалования стоимость выдаваемой Гармлею спецодежды. Поблагодарив его, Гармлей направился на корму. Там уже спускали на воду баркас.

Веселые и оживленные матросы толпились на юте. Они отправлялись на берег, чтобы встряхнуться и покутить.

Гармлей собрался уже спуститься по веревочному трапу, чтобы прыгнуть в отправлявшийся на берег баркас, но в этот момент к нему подошел боцман Лоббинс.

— Вас зовет к себе чиф, — сказал он.

— Зачем я ему вдруг понадобился? — растерянно произнес Гармлей.

— Пастор Чезаре, родной дядя нашего капитана по матери, прислал своему племяннику два ящика виски, когда мы уходили в море, — совершенно серьезно ответил Лоббинс. — Вероятно, он приглашает вас затем, чтобы распить за компанию с вами пару бутылок. А виски — скажу по секрету — отменное! Хватишь кружку — и сам Иисус Христос голыми пятками в животе защекочет!

Войдя в салон, Гармлей увидел капитана Сполдингга. Тот был один, но словно ждал кого-то.

— Вы звали меня, мистер Сполдинг? — спросил Гармлей.

— Да. Садитесь, пожалуйста,— пригласил капитан. Он достал из ящика стола коробку с сигарами, раскрыл ее и протянул Гармлею.

— Простите, я не курю...

— Как хотите.

Сполдинг щелкнул зажигалкой, неторопливо закурил и, выпуская дым из рта, обратился к Гармлею:

— Если верить старшему механику Тейту, вы социалист?

— Не... совсем.

— Кто же вы?

Гармлей на миг замаялся. Он был ошеломлен неожиданным вопросом, но тут же где-то в глубине сознания возникла уверенность, что Сполдинг не затем его вызвал к себе, чтобы вернуть в Америку. Что-то другое заставило капитана затеять эту беседу с кочегаром.

— Я коммунист! — решительно ответил он.

— Значит, вы считаете необходимым национализировать в нашей стране промышленность, железные дороги и судоходство, как это сделали в России? — задал новый вопрос Сполдинг.

— Да. И если большинство населения в Штатах нас поддержит, мы этого добьемся.

— Законным путем?

— Любым путем.

— Так вы стоите за революцию?

— Безусловно, — ответил Гармлей.

— Значит, вы пропагандируете насильственное свержение власти?

— Если нет другого выхода, народ вправе осуществить свою волю и с помощью силы.

— Но ведь под словом «сила» следует подразумевать открытое насилие и применение оружия? — допытывался Сполдинг.

— Да.

— Но это безумие.

— Я также против бесцельного и бессмысленного кровопролития. Я считаю преступлением, когда во имя меньшинства населения страны кто-либо предлагает большинству свергнуть правительство.

— В ваших доводах, мистер Гармлей, есть доля здравого смысла, но я решительно не могу согласиться с вами в том, что мы, американцы, так же как русские, должны

прибегнуть к насилию, чтобы усовершенствовать государственное правление,— стоял на своем капитан.

— Мне трудно вас убедить, мистер Сполдинг,— вздохнул Гармлей.

Они молчали оба какое-то время, в упор разглядывая друг друга. Светлые и пронизательные глаза Гармлея смотрели на капитана изучающе, пристально.

— Я не собираюсь сделать вам ничего дурного, мистер Гармлей,— стряхнув пепел с сигары, сказал Сполдинг.— Весьма признателен вам за вашу откровенность... Вы получили свое жалованье?

— Благодарю вас. Получил.

— Что собираетесь делать теперь?

Гармлей молчал.

— Вы можете не говорить мне этого, если считаете, что так нужно. Что ж, в добрый путь! — Сполдинг поднялся.— И если придется нам встретиться где-нибудь, то я хочу продолжить наш разговор.

— С удовольствием,— охотно согласился Гармлей.

Он уже взялся за ручку двери, когда капитан снова окликнул его:

— Да, кстати, Гармлей!

— Что такое?

— Вы знаете, что у вас есть двойник?

Кочегар недоумевающе смотрел на Сполдинга.

— Я только что вспомнил,— продолжал капитан,— перед рейсом мне попала в руки газета. Там была фотография одного журналиста, между прочим, тоже коммуниста. Удивительно похож на вас. Как же его звали, дай бог память? Да, конечно же — Джон Рид! Не встречали такого?

Гармлей, не мигая, смотрел в глаза капитана, потом, словно взвесив все в уме, коротко ответил:

— Встречал. И достаточно часто.

Гармлей вышел, плотно затворив дверь.

Шлюпка с парохода «Бостонец» причалила к пристани, и Рид сошел на европейский берег. Этот шаг он проделывал уже в четвертый раз.

В порту тревожно ревели пароходные гудки. Пронзительно звенели краны, выгружая тюки хлопка и пачки досок. В прохладном воздухе стоял крепкий запах рыбы, пеньки, смолистого дерева и дегтя. Флаги различных го-

сударств плескались на мачтах судов: голландцы и немцы, англичане и греки, французы и турки привезли сюда товары со всего мира. По пристани разгуливали моряки со всех концов света. Звучал разноязычный говор...

Рид невольно улыбнулся, вспомнив о первом своем путешествии в Европу после окончания Гарвардского университета. В тот раз он пересек океан в поисках самого себя. Атлантику он переплыл на небольшом судне, перевозившем в Англию телят. Путешествие не обошлось без курьеза. Приятель Рида Уолдо Пирс, отправившийся вместе с ним в Европу, не пожелал путешествовать в компании со скотом и в пяти милях от американского берега выпрыгнул за борт, оставив свой бумажник и вещи на койке Рида. Пирс благополучно доплыл до берега, в тот же день купил билет и отправился за океан на комфортабельном пассажирском пароходе «Мавритания».

Тогда в Англии, как только судно прибыло, на Рида надели наручники, и двое британских бобби привели его в суд. Только появление в зале заседаний Уолдо, который узнал об участии своего приятеля, спасло Рида от обвинения в убийстве с целью грабежа.

...Рид быстрым шагом шел по портовой набережной и с профессиональным любопытством журналиста разглядывал солидные здания складов и торговых лабазов. Судя по гербам на широких фасадах и датам закладки, их строили еще в средние века.

С давних пор отсюда уходят суда во все концы мира. Недаром моряки говорят: «Норвегия — морской извозчик, а Берген — постоянный двор».

Риду во что бы то ни стало надо было попасть в Финляндию. В финском порту Або¹ его должен встретить связной РСДРП под видом портового плотника. Но для этого нужно пересечь всю Скандинавию либо пробираться до Финляндии на попутных судах по Северному морю через проливы Скагеррак и Каттегат, засоренную минами Балтику и Ботнический залив. Рид решил выбрать второе, так как никаких документов, кроме матросской книжки на имя Джима Гармлея, у него не было. Он рассчитывал устроиться кочегаром на финское судно и на нем отправиться в Або.

Шагая вдоль причала, Рид внимательно вчитывался в подписи на железных бортах пароходов: пазвание судна

¹ Ныне город Турку.

и его принадлежность к какому-либо порту. Он обошел всю Бергенскую гавань и не обнаружил ни одного «фип-на». Оставаться в Бергене и ждать прихода попутного судна ему не хотелось. По перекинутым на берег сходням Рид поднялся на датский траулер. «Из Дании ближе до Або», — подумал он, ища глазами капитана.

К Риду подошел пропахший рыбой тралмейстер в толстом вязаном свитере.

— Вам кого, сэр? — спросил датчанин на ломаном английском языке, каким-то образом угадав в Риде американца.

— Я ищу капитана.

— Капитан отправился на берег. Я остался за него. Что вам угодно?

— Хочу напяться кочегаром на один рейс.

— В кочегарах не нуждаемся, — покачал головой датчанин.

— Тогда, может быть, возьмете пассажиром? Я хорошо заплачу. Долларами.

— Мы можем взять вас на судно. Но только вам придется весь рейс сидеть в трюме.

— Я согласен.

— Там не особенно чисто — пахнет рыбой.

— Ничего. Я люблю запах рыбы.

Вечером датский траулер вышел из Бергена.

Рид один сидел в пустом трюме, пропахшем сельдью, и прислушивался к плеску сердитых волн за бортом.

Один в огромном железном ящике. Наверху гремит и грохочет. Матросы тянут по палубе трос, перекатывают какие-то тяжести.

Через два часа траулер очутился в открытом море. Качка усиливалась. Судно стало подбрасывать, словно игрушку.

Ничего нет неприятнее, чем сидеть в пустом трюме во время шторма. Волны, будто гигантский молот, ударяют по обшивке судна. Корпус содрогается и гудит. Временами со стороны кормы доносится трескотня: «тра-та-та-та!»

Это траулер уходит носом в воду, корма обнажается, и вишты крутятся в воздухе. Потом начинается что-то громко стучать. Доносится глухой скрежет, словно траулер волокут по камням.

Рид с трудом удерживает равновесие, сидя на ящике из-под рыбы. Потом он находит сухое место в углу трюма, подстилает куртку, ложится. Мысли в голове его проносятся обрывистые, путанные. Он ни на чем не может сосредоточиться. Пытается уснуть. Но сон приходит тревожный, недолгий. После каждого удара в корпус Рид просыпается.

По штормовому Северному морю траулер шел больше суток. И только в проливе Скагеррак прекратилась качка.

8

Датский порт Орхус неприветливо встретил вернувшегося из Норвегии судно. Шел холодный моросящий дождь. Над крышами домов висело низкое серое небо.

Рид выбрался из трюма, расплатился с тралмейстером и сошел на берег. Он не успел пройти и двадцати шагов от сходни, как к нему подошел таможенный чиновник в форменной шинели и фуражке с высокой тульей, украшенной кокардой. Чиновник хорошо говорил по-английски и весьма вежливо пригласил Рида в контору таможи.

— Кто вы такой? — спросил таможенник.

— Кочегар... Джим Гармлей, вот моя матросская книжка. — Он протянул чиновнику свои документы.

Тот надел пенсне, взял книжку, осторожно раскрыл ее и стал читать, перелистывая одну страницу за другой и исподлобья поглядывая на Рида. У него были острый птичий нос, рыжие усы и бакенбарды.

— С какой целью вы прибыли в Данию? — спросил чиновник.

— Чтобы выехать отсюда в Финляндию. Там живут мои родственники.

— Но из Орхуса нет прямого пароходного рейса ни в один из финских портов, — буркнул таможенник и подозрительно глянул на американца. — Зачем вы прибыли к нам?

— В Бергене не было ни одного финского судна, — спокойно ответил Рид. — Мне не хотелось зря терять время.

— Вы очень спешите?

— Да.

— Но, к сожалению, вам придется здесь задержаться.

Вы не тот человек, за кого себя выдаете. На кочегара вы не похожи.

Рид медленно оторвал от колен руки, показал намозоленные ладони. С минуту подержал их над столом, за которым сидел равнодушный чиновник.

— Это еще не доказательство, — отозвался таможенник.

Он вызвал полицейского инспектора и приказал отвести подозрительного моряка в таможенную тюрьму.

В тесной камере стоял затхлый запах. Стены были толстые, прочные. Судя по кладке, их сложили средневековые каменщики. Кроме стола, привинченного к цементному полу, железной койки и табурета, в камере ничего не было.

Рид снял мешок с плеча, расстегнул куртку и лег на койку, застланную суконным одеялом. После двух бессонных ночей, проведенных в пустом трюме траулера, не мешало отдохнуть. Но сон не приходил. Воображение почему-то рисовало веселых и смелых контрабандистов, попавших в эту камеру после отчаянной схватки с таможенной полицией. Они, наверно, приносили с собой запах моря и ветра, свою беспшашную удаль и мечту о несметных богатствах. «Может быть, и пираты здесь сжижались? — подумал Рид. — Но зачем попадобилось «таракану» упрятать меня в эту мышеловку?»

Таможенный чиновник с рыжими усами чем-то напоминал таракана. Рид, не зная фамилии, называл его мысленно так.

Один из знакомых в России, почти половину своей жизни находившийся в заключении, перечислял однажды русские названия тюрем. «Каталажка», «кутузка», «острог», «централ», «блошница», «кло-пов-ни-ца». Риду хорошо запомнились эти слова, он произносил их с трудом, на свой лад, с легким акцентом.

И вот он сам в «ка-та-лаж-ке». Оказаться запертым в камере после того, как удалось пересечь океан! Экая досада! И где пришлось завязнуть! В тихой, не тронутой социальными бурями Дании.

«Дания — тюрьма... И превосходная: со множеством затворов, темниц и подземелий...» — пришла в голову шекспировская строка из трагедии о принце Гамлете. И Рид стал вслух читать любимого драматурга. Он помнил наизусть сцену встречи принца с призраком-отцом,

его монолог «Быть или не быть?», приезд актеров и весь спектакль, задуманный Гамлетом.

Рид не заметил, как уснул, и проспал целые сутки.

На другой день к нему пришел тот же таможенник. Надзиратель принес ему табуретку из соседней пустовавшей камеры и поставил напротив койки.

— Как спалось? — вежливо осведомился «таракан».

— Благодарю, спал как убитый, — так же вежливо ответил Рид.

— В нашей таможенной тюрьме всегда соблюдается порядок, никаких насекомых нет, — заметил таможенник.

— Да, в смысле клопов и блох у вас действительно порядок, — подтвердил узник. — Только зачем вы меня здесь держите?

— Выясняем вашу личность.

— И как долго собираетесь выяснять?

— Трудно сказать, — уклончиво ответил чиновник. — Американского консула в настоящий момент здесь нет. Два дня назад он уехал в Копенгаген. На именины супруги вашего посланника. Когда вернется назад — неизвестно.

— Посланник веселится, консул развлекается, а я должен почему-то киснуть в этой кутузке, — с досадой произнес Рид.

— Приедет из Копенгагена консул — все выяснится, — невозмутимо ответил «таракан».

Рид уловил на себе его пристальный, изучающий взгляд. «Что ему от меня нужно? — подумал он, глядя на своего тюремщика. — За кого он меня принимает?»

«Таракан» приходил в камеру каждое утро в одно и то же время. Ему приносили табуретку. Он садился и начинал неторопливый разговор. Беседовали о разном. Рид внимательно изучал своего тюремщика. Ему непременно нужно было выбраться на волю до возвращения консула. В противном случае полетит телеграфный запрос в Вашингтон. Там начнут разыскивать родителей кочегара Джима Гармлея. И кто знает, чем все кончится!

Таможенник как-то сказал Риду, что у него трое детей: две девочки и мальчик. Они учатся в частной гимназии. Время после войны тяжелое: денег не хватает, порой не только на плату за обучение детей, но и на питание.

Оставалось только воспользоваться этим обстоятельством и предложить таможеннику взятку. У Рида было двести пятьдесят долларов. Часть этой суммы составлял гонорар, полученный за газетные корреспонденции, но большую половину собрали друзья на дорогу. Кроме этих денег оставались еще тридцать долларов из жалованья, полученного за службу кочегаром. Собиралась приличная сумма.

При очередном появлении таможенника Рид осторожно затеял разговор о его детях-гимназистах, стал сочувственно говорить о нужде.

— Мне надо совсем немного, чтобы поправить дела, — пожаловался «таракан».

— Я могу предложить вам это. — И Рид-придвинул в его сторону надорванный с краю конверт, из которого заманчиво выглядывали зеленые бумажки.

В быстрых глазах таможенного чиновника зажглись колющие искорки. Он неуверенно протянул руку и осторожно положил ее на конверт с деньгами.

— Вы выйдете сегодня отсюда, — не глядя в сторону Рида, сказал чиновник.

— Я должен быть на свободе сейчас же! Немедленно! — твердо ответил Рид.

Через час он вышел из таможенной тюрьмы и в тот же день с билетом в кармане поднялся на палубу пассажирского парохода, который отправлялся в Швецию.

Крупными хлопьями падал мокрый снег. В густом снегопаде не видно было ни домов, ни людей. Датский город и порт казались вымершими...

9

В Стокгольмском порту было бело и чисто. В холодном воздухе стоял запах снега и апельсинов. С тунисского парохода «Кинг Джордж» выгружали контейнеры со свежими фруктами. Один ящик во время разгрузки упал, разбился, и крупные оранжевые апельсины, словно мячики, рассыпались по снегу. Еще удивительней был запах африканских плодов здесь, на севере.

Предъявив документы портовому полицейскому инспектору, Рид направился в кассу, чтобы купить билет на пароход, отправлявшийся в Або. Денег хватило только на палубный билет. Но Рид чувствовал себя счастливым.

В Финляндии его ждали свои. Путешествие близилось к концу. «Везет тебе, парень, положительно везет, хотя ты и не в рубашке родился», — думал он, торопливо поднимаясь по трапу, чтобы успеть занять такое местечко на верхней палубе, где меньше продувает.

Ему удалось устроиться в тамбуре большой кормовой каюты. В пей плыли русские офицеры, из тех, что после революции бежали в Англию. Теперь, одетые в английские мундиры, они возвращались на родину сражаться с большевиками.

Из раскрытых дверей каюты несло сладковатым сигарным дымом и водкой. Оттуда доносились возбужденные голоса. Звучал мелодичный звон гитары. Офицеры пели пестройными голосами:

Как пыле сбирается вещий Олег
Отмстить перазумным хазарам...

Он видел их лица, русые волосы и безысходную тоску в глазах. Они возвращались домой, чтобы насмерть биться с такими же русоволосыми, как они сами. Заметив в тамбуре иностранного моряка, один из офицеров пригласил его в каюту. Рид вежливо поблагодарил русского, но в каюту заходить не стал.

Татьяна, помнишь дни золотые, —

плакала за переборкой гитара.

«А как бы они поступили, если б узнали, кто я? Куда направляюсь? К кому? — подумал он. — Может быть, выбросили за борт?»

Наверху было спокойно. Лишь слабо позванивали пароходные снасти под напором встречного ветра. На воде плавало сплошное сало. В иссиня-сером небе сияло холодное солнце. По оловянной поверхности моря весело бежала вместе с пароходом светлая дорожка.

«Скоро закончится навигация», — подумал почему-то Рид и открыл задраенную дверь котельного отделения. Пахнуло машинным маслом и угольной пылью. Снизу доносился мерный шум работающих механизмов. В тесном тамбуре кочегарки было тепло и даже уютно. Под ровные вздохи машин Рид уснул, подложив под голову куртку. Он сразу просыпался, если мимо проходили кочегары и котельные машинисты. Они улыбались Риду, как своему...

На другой день по курсу судна показался финский берег. Рид первым вышел на верхнюю палубу. Держась за дверную стойку, он смотрел вперед, где в сером мареве виднелись очертания города Або.

Земля заметно приближалась. Плавание по океану и европейским морям завершилось.

Пароход вошел в гавань, издав долгий протяжный гудок. Он извещал о своем прибытии.

И тут произошло неожиданное. К Риду подошел матрос, черты его лица показались знакомыми. Ну конечно же, Рид видел его в кочегарке и не узнал сразу, потому что он был чернокожим от угольной пыли, а теперь отмылся.

Оглянувшись по сторонам и убедившись, видимо, что за ними не следят, матрос сказал на ломаном английском языке:

— Простите, я не знаю, кто вы, но думаю, что вам не стоит встречаться с финскими пограничниками.

— Почему? — в упор спросил Рид.

Матрос замаялся.

— Не знаю, но мне так кажется... Вы, очевидно, не очень хорошо представляете, что сейчас происходит в Финляндии. В вас есть что-то необычное, поэтому я и хочу вам помочь... Но если что-то покажется странным *им*, то...

— То что тогда? — Рид понимал, что этими вопросами он выдает себя, но у парня было честное, открытое лицо, говорил он искренне и, видимо, знал, что делает.

— Вас попросту расстреляют! — жестко закончил матрос.

Берег был уже совсем рядом, и Рид, безотчетно повинаясь тому чувству доверия, которое внушал ему собеседник, решительно сказал, отбросив все сомнения:

— Хорошо, говорите, куда нужно идти.

...Он висел в вентиляционной трубе кочегарки, уцепившись за металлическую лесенку и задыхаясь от невыносимой жары. Сверху, с той стороны, где был люк на палубу, падали, пачкая одежду, крупные капли какой-то жижи.

Над головой гулко разносились тяжелые шаги, слышались грубые голоса — это финская полиция и таможенники обшаривали пароход.

Риду казалось, что прошла целая вечность, на самом

деле — лишь четыре часа. Руки и ноги затекли, его одолевало головокружение и тошнота.

Уже вечером снизу слышался легкий свист и знакомый голос:

— Быстрес, ради бога!

Невидимый в крошечной мгле человек схватил Риду за руку, они пробежали по длинному темному коридору, поднялись по трапу и очутились на палубе.

Морозный, свежий воздух хватил Риду, как удар кулаком.

— Ну, пока! — шепнул провожатый и подтолкнул его в спину.

Рид по сходням сошел на берег, растолкал локтями таможенников и портовых полицейских, как человек, кем-то посланный по срочному делу. И тут он увидел первых финских белогвардейцев. Это были два ещё совсем молодых человека в начищенных сапогах, длинных темпо-серых шинелях с зелеными петлицами и пашками на боку. На левой руке у каждого была белая повязка с буквами SK («Спасательный корпус») в черном овале.

Это они, вот такие молодчики Маннергейма, спровоцировали восстание рабочих, зверски подавили его с помощью немецких штыков, а потом расчетливо и хладнокровно расстреляли около двадцати тысяч безоружных мужчин, женщин и детей...

За полицейскими толпилось несколько человек в рабочей одежде. Рид глазами искал среди них человека с деревянным плотницким ящиком. Но его почему-то нигде не было видно.

«Меня ждали, наверно, и устали ждать», — подумал Рид.

На глаза ему попались двое зевак в рабочей одежде. Один из них, взглянув на Риду, что-то шепнул другому, второй, как показалось Риду, многозначительно посмотрел на него, и оба направились вверх по темной улице. «Может быть, что-то изменилось и эти двое должны теперь встретить меня?» — подумал Рид и зашагал за ними.

Небо над головой сияло звездами, а снег на улице и крышах искрился от обжигающего мороза. Дома и пристани были темны и представлялись нежными, но по мере приближения к центру города зажигались фонари и яркими световыми пятнами вырисовывались окна кафе и фабричных зданий, где шла почная работа. И всюду —

пешие и конные полицейские с пашками и револьверами в кобурах.

Проводники пересекли по диагонали рыночную площадь. Рид шел следом за ними мило за милей, пока дома не стали редеть. Прохожие исчезли. Проводники стали поглядывать через плечо, но не давали Риду никакого сигнала. Наконец они повернули через калитку во двор. Дверь дома отворилась. Рид приблизился к незнакомцам, и теперь все трое стояли в сенях, освещенные тусклой электрической лампочкой. На Риду с изумлением и страхом уставились две невыразительные физиономии.

— Вудро Вильсон! — произнес Рид слова пароля, хотя уже начал понимать, как он ошибся.

Те двое переглянулись, потом открыли вторую дверь внутрь, вошли в дом, хлопнули дверью и замкнули ее за собой. Рид остался в сенях...

Продрогший, растерянный, шагал по улицам Або молчаливый ипострапец.

Если бы осталось еще сколько-нибудь денег, то можно было взять номер в каком-нибудь захолустном отеле и устроиться на ночлег! Потом следовало начать поиски утерянных связей.

Город кишел не только маннергеймовцами, но и русскими белогвардейцами. Они стекались в Або из разных уголков мира. И безусловно, здесь действовала белогвардейская контрразведка.

Рид старался не появляться на центральных улицах.

Куда пойти? К кому? Не бродить же по городу всю ночь! Да и не удастся пробыть на свободе до следующего утра, если не сумеешь где-либо определиться на ночлег. Полиция непременно арестует подозрительного иностранца.

Неожиданно Рид вспомнил, что в Або живет известная либеральная деятельница и поэтесса, с которой он встречался в Хельсинки, когда возвращался из России в Америку после памятных дней Октября. Они познакомились в клубе литераторов. Пожилая финская писательница очень интересовалась событиями, которые произошли недавно в Петрограде.

Но где она живет? Да и дома ли теперь?

Рид не знал ее адреса.

Был уже поздний вечер. Адресные копторы давно закрылись. Попытаться узнать адрес в полиции Рид не решался. Он напряженно думал, как разыскать единст-

венного во всем городе знакомого человека. И пришел к мысли, что надо идти в Интернациональный морской клуб. Там, наверно, должны что-либо знать о ней.

Рида встретил отставной капитан Добровольного флота, немного говоривший по-английски.

— Что вам угодно, сэр? — учтиво осведомился старый моряк.

Продрогший и усталый Рид никак не мог припомнить и правильно выговорить фамилию писательницы. Он назвал ее леди Инкери.

Отставной капитан всю жизнь прожил в Або и понял сразу, о ком идет речь. Он достал из шкафа адресную книгу, перелистал ее и, найдя нужный адрес, написал на клочке бумаги название улицы и номер дома.

— Сенк ю вери мач! Сенк ю! — кланяясь, благодарил старого моряка воспрянувший духом Рид.

Он торопливо вышел из клуба, пересек пустой сквер и второй раз в этот день вышел на рыночную площадь.

10

Леди Инкери жила в старом каменном доме с деревянной мансардой. Ее отец был богатый судовладелец. Но он разорился и после своей смерти, кроме дома и спортивной парусно-моторной яхты, ничего не оставил дочери. Леди Инкери рано овдовела. Детей у нее не было, и она целиком посвятила свою жизнь литературе. Кроме нее в доме, стоявшем на берегу залива, жили служанка Айно да дряхлый сторож Эйно.

Зимой и осенью леди Инкери до поздней ночи сидела в своем кабинете и переводила английских классиков — Шелли, Байрона и Бернса.

В тот день, когда кочегар Джим Гармлей вступил на финскую землю, леди Инкери упорно работала над байроновским «Манфредом».

Электростанцию то и дело останавливали, в городе не хватало энергии. Переводчица работала при свете десятилинейной керосиновой лампы.

Когда раздался настойчивый стук в наружную дверь, леди Инкери удивленно подняла брови, нахмурилась. Она была недовольна, что ее оторвали от любимого занятия. Стук повторился.

Служанку Айно леди Инкери отпустила к матери в де-

ревню по случаю воскресенья. Сторож Эйно давно уже спал в своей каморке.

Леди Инкери взяла лампу и неторопливыми шагами направилась открывать наружную дверь запоздалому гостю. Ветер проникал в коридор старого дома через множество щелей, и язычок пламени то вспыхивал ярко, то гнулся, как бы намереваясь исчезнуть совсем.

В проеме раскрывшейся двери стоял высокий человек, весь облепленный снегом. Леди Инкери поднесла лампу к его лицу, удивленно проговорила:

— Ри-ид? Джон Рид? Как вы оказались в Або?

— Да, Рид, — устало произнес гость. И добавил торопливо: — Но зовите меня Гармлеем... Джимом Гармлеем. И больше ни о чем пока не спрашивайте. Я все потом расскажу.

— Да заходите же скорее! — заторопила гостя хозяйка дома, словно извиняясь за свою нерасторопность. — Вы же, наверно, замерзли и проголодались?

— Да, я немного замерз, — слабо улыбнулся Рид.

Она пригласила его прямо в столовую, находившуюся рядом с кухней. Времена в Финляндии были трудные. Но для гостя нашлись и крепкий кофе, и жареное мясо с картошкой. Леди Инкери подогрела на керосинке еду, вскипятла кофе.

Рид не верил собственным глазам. Еще час назад ему казалось, что не осталось никакой надежды найти пристанище. И вдруг... словно чудо!

В столовой было просторно, приятно пахло чисто вымытым полом.

После крепкого кофе прошла усталость. Рид почувствовал себя бодрым и счастливым.

Леди Инкери провела его в гостиную. Там уже горел камин, яркое пламя весело пожирало сухие березовые поленья. Было светло, тепло и уютно.

— Откуда и... куда? — спросила хозяйка дома, всматриваясь в гостя внимательным взглядом.

— Из Америки в Россию, — ответил Рид.

— Но ведь там война! — удивилась леди Инкери. — Да и как вы собираетесь перебраться на ту сторону?

— В этом-то и вся загвоздка, — протяжно вздохнул гость.

Он собрался сказать хозяйке дома, что человек с плотницким инструментом не встретил его на Морском вокзале, но передумал.

— А так ли уж необходимо нам быть в России? — неуверенно спросила леди Инкери. — Ведь от всего, что было прекрасного в революции, ничего не осталось. Там брат убивает родного брата. Варварски разрушаются духовные ценности. Вместе с помещичьими усадьбами крестьяне жгут редчайшие собрания книг. Художники и композиторы бегут от Советов и находят себе приют в нашей стране, Дании и Швеции.

— Вы многое преувеличиваете, леди Инкери, — деликатно возразил Рид. — Надо все увидеть собственными глазами, чтобы судить о событиях. Ни одна революция не совершалась без крови и насилия. Так было когда-то во Франции и недавно в Мексике. Россия также не сумела избежать кровопролития.

— Я от всей души признательна лидеру большевиков Ленину за то, что моя страна из его рук получила независимость! — с волнением проговорила леди Инкери. — Но ни нам, ни мой взгляд, ни вашей стране нет пужды следовать примеру России! Вы видите, к чему это привело у нас... к террору и ужасающему кровопролитию!

— А я думаю иначе, леди Инкери. Народы наших стран еще скажут свое слово.

— Но кто, как не мы, интеллигенция, полнее, чем кто-либо другой, выражает интересы своего народа?

— Люди, создающие материальные ценности, имеют больше прав на это, — возразил Рид.

Начавшийся спор мог зайти далеко. И хозяйка, и гость заторопились перевести разговор на другое.

— Откуда у вас такая страсть к опасным путешествиям? — первая нашла леди Инкери.

— Мой дядюшка Рэй всю жизнь бродяжничал по свету! — рассмеялся Рид. — Может быть, от него и перешло ко мне стремление к дальним странствиям. Когда дядя Рэй приезжал домой из Южной Америки и начинал рассказывать невероятные истории о революции в Гватемале и морских разбойниках, я готов был слушать его всю ночь. Потом я много читал. Моему воображению не было границ.

— Я ведь тоже немало путешествовала в молодости, когда жив был отец, — оживилась хозяйка.

Рид с любопытством смотрел в открытое и спокойное лицо леди Инкери с сеткой морщин вокруг глаз и старался представить ее молодой. Да она и в пожилом возрасте сумела сохранить очаровательную женственность.

— Отец брал меня с собой, когда судно отправлялось куда-нибудь в Алжир либо в Грецию, — рассказывала леди Инкери. — Однажды мне посчастливилось даже побывать в Новой Зеландии. Но это были лишь увлекательные прогулки. У вас же совсем другое.

— Да, в моих путешествиях меньше всего меня занимала экзотика, — согласился гость. — Помню, когда я перешел вброд Рио-Гранде и очутился в унылом глинобитном городке Охинаге, то вся мятежная Мексика представилась вдруг именно такой: пробитые пулями купола древних храмов, квадратные домики с плоскими крышами, нещадно палящее солнце.

— Что же вас потянуло туда — в песносную жару, под пули? — заинтересовалась леди Инкери.

— Желание увидеть революцию своими глазами, чтобы понять ее.

— И в Россию вы собрались и поехали сразу, без всяких колебаний?

— Собрался-то я без колебаний, — задумчиво протянул Рид. — Но готовился к этому, пожалуй, все мои прожитые годы. В особенности мне помогла война текстильщиков с предпринимателями в Патерсоне. И знакомство с Большим Биллом — Хейвудом, организатором и вожаком американских рабочих. Этот, как называл его президент Теодор Рузвельт, нежелательный гражданин, наводивший ужас на промышленников, и заразил меня идеями революции.

— Что же такое произошло у вас в Патерсоне? — вопросительно подняла брови леди Инкери.

— Долго рассказывать, — невесело ответил Рид. — Но попытаюсь, чтобы вы представили себе, с чего все началось у меня... Этот город текстильщиков выстроен на зараженной москитами болотистой местности. Во всем городе вы не найдете ни одного цветка, ни одной травинки: все выжжено ядовитыми испарениями. Условия жизни рабочих там ужасные. И вот, когда началась стачка, по совету Большого Билла я поехал в Патерсон, чтобы увидеть схватку текстильщиков со своими хозяевами собственными глазами. Там я понял, что решимость рабочих стоять до конца вызвана муками, которые они терпели. Я впервые поднялся на трибуну и выступил перед многотысячной аудиторией. Меня в первый раз тогда арестовали. И я, лишь недавно начавший блестящую карьеру столичного журналиста, оказался в тесной и грязной камере

вместе с забастовщиками. Я вернулся в Нью-Йорк потрясенный, все мои прошлые интересы и увлечения разом отошли на второй план. Я начал писать сценарий необычного спектакля об этой стачке текстильщиков. И написал его. Спектакль состоялся в самом большом зале Нью-Йорка — в Мэдисон-сквергарден. На представление пришли тысячи рабочих, чтобы выразить сочувствие басующим товарищам. В общем, спектакль закончился пением «Интернационала».

— Должно быть, это было грандиозное зрелище! — восторженно проговорила леди Инкери.

— Да, я остался доволен, что мне удалось показать тысячам зрителей трагедию текстильщиков.

Потом Рид рассказывал, как жил в стане революционной армии Панчо Вилья и как, вернувшись в Америку, писал «Восставшую Мексику» и получил всеобщее признание... Потом была война в Европе... Революция в России.

Леди Инкери слушала его затаив дыхание. Сетки морщин вокруг ее глаз разгладились. Сейчас она стала выглядеть моложе лет на двадцать. «Воистину не стареют поэты», — подумал Рид, глядя в посветлевшее, одухотворенное лицо хозяйки дома.

Он отправился спать, лишь когда перевалило далеко за полночь. В жарко натопленной спальне было просторно. За окнами выл ветер, швыряя на землю снежные хлопья. Глухо скрипели ветки голых деревьев в саду.

Забравшись под одеяло, Рид сразу уснул и спал не шелохнувшись, без сновидений.

11

Он открыл глаза и увидел в высоком окне силуэт парусника. На вантах и реях искрился снег в лучах солнца. Стройные линии судна с высоким форштевнем и острыми обводами придавали ему стремительность. Осеребренный снегом, сверкающий, он показался Риду в первый момент нереальностью. Солнечный свет, проходя сквозь стекло, изрисованное легкими морозными узорами, преломлялся и отрывал парусник от поверхности залива. Лежавшему в постели Риду чудилось, будто судно парит в воздухе.

Он протер глаза и как следует разглядел вмерзшую в лед спортивную яхту. «Хороша, вот только корма слишком приподнята», — по достоинству оценил ее Рид. Оде-

ваясь, он заметил на стене старинные морские часы и барометр. На столике из красного дерева лежала большая подозрительная труба.

В доме уже слышалась беготня. За дверью звучали чьи-то торопливые шаги и женские голоса.

Рид умылся и, бодрый, отдохнувший, весь наполненный светлыми чувствами, вошел в гостиную. Леди Инкери встретила его радостной улыбкой, пригласила в столовую. Стол уже был накрыт. Служанка Айно, приехавшая рано утром из деревни, хлопотала на кухне.

— Великолепная яхта стоит под окнами вашего дома! — сказал Рид хозяйке. — Чья она?

— Это моя собственная! — горделиво призналась леди Инкери. — Она досталась мне по наследству от моего родителя. Мой отец был первоклассный яхтсмен.

— А вы?

— Мне далеко до него. Но управляю яхтой сама. Если б вы оказались в Або месяц назад, мы смогли бы с вами выйти в Ботнический залив. Но теперь не время, — печально закончила Инкери.

Рид продолжал беседовать с хозяйкой дома, а тревога охватывала его все настойчивее, все сильнее... Нужно было как можно скорее разыскать человека с плотничьим инструментом либо того, кто заменил его после ареста, если такое случилось.

Позавтракав, он отправился в порт и находился там до тех пор, пока не пришвартовалось к причалу последнее судно, прибывшее из Швеции. Человек с деревянным ящиком, перекинутым через плечо, не появился.

Что делать? Как восстановить связь с большевистским подпольем в Финляндии? Где разыскать нужных людей? Где-то в этом городе они жили, действовали и, может быть, ждали кочегара Джима Гармлея. Не могла же белогвардейская разведка арестовать их всех сразу!

В голову приходила мысль отправиться из Або без проводников и на свой собственный риск и страх перейти границу. Это было очень опасно. Не зная финского языка, нужно было одному проехать в поезде через всю страну и выйти из вагона где-то на пограничной станции. Потом, совершенно не ориентируясь в местности, найти границу и перебраться на советскую сторону. Если бы риск касался лично его одного, оп, может быть, и решился на это. Но от успеха его миссии зависела будущность Компартии Америки! Нет, Рид не имел права рисковать

в этот раз. Побывав в датской кутузке, он решил не попадать в финскую каталажку.

...Среди американских коммунистов не было единодушия. Едва лишь была провозглашена Коммунистическая рабочая партия Америки, одним из создателей которой был Джон Рид, как сложилась другая Коммунистическая партия Америки во главе с Чарльзом Рутенбергом. Коммунисты Америки не пришли к единому мнению из-за некоторых разногласий по тактическим, в сущности не принципиальным, вопросам.

Глубоко уважая Рутенберга, Рид болезненно переживал раздвоение среди американских коммунистов. Он хорошо понимал всю пагубность их разногласий в условиях начавшихся полицейских преследований. Кто-то более опытный в делах революции, с более широким теоретическим кругозором должен был стать третейским судьей в возникшем споре. Этим человеком был ЛЕНИН. Джон Рид встречался с ним в дни русского Октября, слышал его голос в Смольном.

Перед глазами Рида вставали последовавшие после приезда в Америку аресты и допросы, обвинения, доходившие до абсурда своей нелепостью... Поездки по стране и доклады о русской революции на массовых митингах... Новые аресты и упорная работа над книгой «Десять дней, которые потрясли мир».

Один экземпляр книги Рид сейчас захватил с собой, чтобы по приезде в Россию подарить вождю революции Ленину. Он непременно хотел узнать мнение Владимира Ильича о своей работе.

На партийной конференции Джон Рид был избран международным делегатом партии. Как один из лидеров американских коммунистов, он не мог получить заграничный паспорт на имя Джона Сайласа Рида и вынужден был отправиться в Москву под чужой фамилией...

В дом леди Инкери Рид вернулся усталый, расстроенный. Ни внимание Айно, ни приветливая предупредительность хозяйки не могли его развеселить и рассеять тревожные мысли. Он был желанный гость, но то было плохим утешением.

Рид рассеянно слушал стихи леди Инкери, которые она читала на финском языке и сразу же переводила на английский. Когда-то она писала о счастливой жизни и смятении чувств, о сиянии цветов и радуг в милом озер-

ном крае и беспокойном шуме сосен в лесу. Стихи оказались по-женски нежными и немного грустными...

На любезность хозяйки и трогательную заботу Айно Рид отвечал грустной улыбкой.

Как быть? Что делать? Где найти проводников? Кто поможет?

Ему пришло в голову, что леди Инкери может стать надежной помощницей. «Она не подведет, а разыскать нужных людей сможет быстрее, чем я», — решил Рид.

Он откровенно сказал ей:

— Помогите мне, леди Инкери. Кроме вас, никто не сможет меня выручить! Никто!

— Что мне необходимо сделать?

— Вам нужно найти человека, который должен был встретить меня в порту. Либо его товарищей.

— Где их искать?

— Я думаю, что поиски следует начать в Рабочем клубе. Из тех людей, кто там бывает, наверняка хоть кто-нибудь связан с большевистским подпольем в Або.

— Вы подали разумную идею, — сказала леди Инкери. — Я сегодня же отправлюсь туда и начну поиски.

— Будьте очень осторожны. Ваши расспросы могут вызвать подозрение. Этим сумеет воспользоваться контрразведка. И вы приведете к себе в дом их агентов, а заодно еще погубите и товарищей из Рабочего клуба.

— Я буду осторожна. Можете на меня положиться, — заявила леди Инкери.

— Запомните пароль. Вы скажете его в том случае, когда будете уверены, что перед вами именно тот человек, который вам нужен.

— Хорошо. Я так и сделаю.

— Запомните пароль слово в слово: записывать нельзя, — учил Рид элементарным правилам конспирации несведущую в этих делах леди Инкери. — Вы скажете: «Вудро Вильсон¹, наверное, выдвинет свою кандидатуру в третий раз». Вам должны ответить: «Выдвинуть он может, но будет ли избран?» Если такого ответа не последует или в нем будет изменено хотя бы одно слово, не открывайтесь и не говорите, что вам нужно.

В тот же вечер леди Инкери отправилась в Рабочий клуб и осторожно начала поиски нужных Риду людей.

¹ Вудро Вильсон — реакционный американский политический деятель. Президент США с 1913 по 1921 год.

В первый раз леди Инкери вернулась ни с чем. Она очень устала, но была довольна тем, что делает нужное дело и помогает своему гостю.

— Я хочу знать, мистер Рид, на кого я работаю? — стряхнув снег со шляпы, спросила она.

— Вы работаете на Коминтерн, леди Инкери, — серьезно ответил Рид.

На следующий день она снова ушла на поиски. Леди Инкери вкладывала всю свою женскую изобретательность, весь ум, чтобы добиться положительного результата. В городе многие знали известную поэтессу, ее визиты в Рабочий клуб не вызывали пока ни у кого подозрений.

И вот настал момент, когда в комнату вошла возбужденная и сияющая леди Инкери.

— Я нашла его, — просто сказала она.

12

Джон Рид нетерпеливо ждал человека и, когда раздался стук в дверь, опрометью бросился открывать.

Перед ним стоял невысокого роста мужчина с черной бородкой. За его спиной не было деревянного ящика с инструментом, и ничто не говорило о том, что он по профессии плотник. Так же трудно было определить, кто он по национальности.

— Вудро Вильсон, наверное, выдвинет свою кандидатуру в третий раз, — по-английски сказал Рид.

— Выдвинуть он может, но будет ли избран? — ответил человек с бородкой.

— Об этом должны позаботиться мы, — продолжал Рид.

— Позаботиться, чтобы помочь ему?

— Ну что вы, как раз наоборот.

— Тогда желаю успеха.

Это был условный пароль «трех степеней доверия». Рид сообщил леди Инкери лишь первую часть пароля. Но и этого было достаточно, чтобы наладить оборвавшуюся связь. Знание третьих реплик означало, что человек с черной бородкой и Рид могут отпоситься друг к другу с полным доверием.

— Мне нужно срочно перебраться на ту сторону, — сказал Рид.

— Я с этим и пришел к вам, — дружелюбно улыбнулся чернобородый. — Мы ждали вас две недели назад. Но

человека, который должен был встречать вас, арестовали. Белогвардейская контрразведка свирепствует вовсю.

— Вы сможете дать мне проводника, который знает дорогу и сумеет провести меня завтра через границу? — спросил Рид.

— Вечером сюда придет наш человек, — ответил чернобородый. — Вот деньги, которые вам понадобятся. — Он достал из кармана пачку денег, перевязанную шпагатом, и протянул Риду.

— От кого я получаю эти деньги? — осведомился Рид.

— Я — товарищ Валентин, связной подпольщиков-коммунистов, — ответил чернобородый. — Относительно проводников не беспокойтесь. В Хельсинки они вас найдут. Люди надежные и проверенные. Они вас не подведут. Кстати, я уже отправил четверых коммунистов. Они, так же как вы, издалека, — улыбнулся Валентин. — Правда, проводники у них были другие. Но не в этом дело...

Разговор происходил в передней.

— Зайдите в дом, отдохните, выпейте кофе, — пригласил Рид товарища Валентина.

— Благодарю вас, дел по горло, некогда, — смущенно улыбнулся тот и стал прощаться.

Вечером в дом леди Инкери пришел молодой человек.

Рид надел на себя вязаный свитер, подаренный леди Инкери, и, на ходу облачившись в матросскую куртку, вышел к ней в гостиную.

— Я не знаю, как вас благодарить, — сказал он. — Лучшего спутника для поездки в Австралию, когда там пачнется революция, я бы иметь не желал, — улыбнувшись, добавил Рид.

— Весьма признательна за похвалу, но... да хранит вас бог! — с грустью в голосе сказала ему леди Инкери на прощание.

Двое мужчин вышли из дома и пешком отправились на вокзал. Билеты были взяты заранее. Они сели в вагон и утром были в Хельсинки на конспиративной квартире. А через несколько дней туда пришли двое молодых финнов в барашковых шапках и огромных пьексах. Одного из них — большеголового и нескладного, с веснушчатым обветренным лицом — звали Антти, второго, чуть пониже ростом, — Матти.

Джон Рид, Антти и Матти сидели в пустом купе. Если бы кто-нибудь посторонний заинтересовался ими, то ни-

как не смог бы определить, что это одна компания. Двое финнов мирно беседовали между собой, ничем не выдавая своего знакомства с третьим пассажиром — моряком.

Рид смотрел в окно на бегущие навстречу верстовые столбы, стога сена, увенчанные снеговыми шапками, желтые домики железнодорожных стрелочников. Он припоминал знакомые лесные поляны и повороты, которые видел из окна вагона в прошлый свой приезд в Европу.

На пограничной станции Териоки трое пассажиров вышли из вагона и направились в лес, подальше от железной дороги. Они пришли на пустынный хутор и сделали привал. Пожилой рыжебородый финн, служивший лесником, накормил Рида и его проводников горячим супом и кашей, дал им лыжи. Как только стемнело, трое вышли из домика.

Лыжню прокладывали проводники. Рид двигался следом за ними. Вначале он отставал: с непривычки ноги никак не хотели ладить с финскими креплениями, состоявшими всего из одного ремешка, который накидывался на ступню. Но постепенно он освоился и шел, не отставая от проводников.

В ночном небе над Карельским перешейком ярко светили зимние звезды, точно так же, как в горах Калифорнии. Такой же хрустящий и чистый сиял снег в темноте. Такие же острые ели подпирали синий лоскут ночного неба. Шли осторожно, стараясь не шуметь, — в любой момент можно было наткнуться на белогвардейскую заставу.

Проводники перешли через замерзший ручей и по заметенной снегом тропке вышли в болотистую низину. Ровная местность, поросшая мелкими сосенками, простиралась на много верст вокруг. Над мелкоколесьем клубился блеклый туман. В морозном воздухе, словно мандариновая корка, плыл ущербный месяц.

На замерзшем болоте, покрытом снегом, стояла удивительная тишина. Как будто все вымерло. Рид слышал лишь скрип лыж да свое учащенное дыхание.

Антти, прокладывавший лыжню, неожиданно остановился и стал оглядываться. К нему подошел Матти. Они стали вполголоса разговаривать. По озабоченным лицам проводников Рид догадался, что они заблудились.

Вдруг из-за редких, запорошенных снегом кустиков раздался хриплый голос:

— А ну стой! Руки вверх!

В морозной тишине слышался шум разбрасываемого шагами снега и учащенное дыхание подбегающих людей. Их было четверо. Долгополые шинели, серые сукожные шлемы с большими матерчатыми звездами на них. Стволы трех винтовок подсказали не понимающим русского языка нарушителям, что надо делать. Они подняли руки. По недружелюбным взглядам из-под шлемов Рид понял, что красноармейцы принимают их за контрабандистов или — еще хуже — за шпионов. Они не знают ни английского, ни финского языка, и нужно каким-то образом объяснить им, с какой целью он пробирается в Советскую Россию. Никаких документов, удостоверяющих принадлежность к партии коммунистов, у него не было. В карманах у Антти красноармейцы нашли только курево да еду, завернутую в тряпку.

Задержанных привели к полуразвалившемуся охотничьему домику, оставили под охраной во дворе. На крыльцо, поправляя висящую на боку деревянную кобурку маузера, вышел кряжистый средних лет военный, по всей видимости — начальник. Русские заговорили между собой о чем-то. Потом старший повернул сердитое лицо к нарушителям и что-то громко спросил. Никто не понял его. Только Рид достал из кармана куртки свое матросское удостоверение и протянул пограничникам. Он сплился вспомнить какие-нибудь русские слова, по ничто из обычных слов не приходило на ум.

— Петроград... Ледин! — наконец сказал он.

Русские повертели документ в руках и вернули Риду. Потом один из них нагнулся к брезентовому мешку Рида и стал рыться в нем. При каждом неловком движении русский морщился, должно быть, из-за недавнего ранения.

Постепенно до Рида дошла вся серьезность его положения. Красные пограничники, несомненно, припили его за иностранного лазутчика. Невольно он вспомнил, как однажды его чуть не расстреляли восставшие пеоны, приняв за агента федералистов. Еще раз был такой же случай при поездке в Красное Село осенью семнадцатого года, когда белые паступали на Петроград. «Неужели придется погибнуть после того, как прошел через столько морей и границ? — думал Рид, глядя в бледные, изможденные лица красноармейцев. — Какая нелепая смерть!»

Антти сорвал с головы шапку и с криком «Перкеле!»¹

¹ Черті (фин.)

бросил ее в снег. Видно, проводник тоже понял, что их дело плохо.

И вдруг все разом изменилось... Шапку Антти подняли и, стряхнув с нее снег, вернули недоумевающему владельцу. Красноармейцы смущенно и чуть растерянно заулыбались. Командир, откашлявшись в кулак, протянул Риду небольшой листок плотной серой бумаги. Это был пропуск на право входа в Смольный до 1 декабря 1917 года, выданный корреспонденту американской социалистической прессы Джону Риду. Внизу — печать и подпись: «Дзержинский».

Рид совсем забыл, что, готовясь к дальней дороге, положил в книгу этот пропуск, который бережно хранил два года как реликвию русской революции.

Закордонных, но теперь уже не нарушителей, а товарищей пригласили в избу, обогрели и начали угощать всем, что только нашлось на заставе. Один из бойцов долго тряс руку Рида, не зная, как извиниться перед иностранным коммунистом. Потом ему пришла в голову мысль подарить американцу красноармейский шлем и валенки. Их носил его друг боец Федот Зуев, погибший в схватке с белогвардейцем. Он обычно сопровождал арестованных, отправляемых в Питер.

— Возьми себе на память, — смущенно сказал пограничник.

Антти и Матти не стали долго задерживаться. Поев и обогревшись, они отправились домой, довольные, что все обошлось так счастливо.

Рид пробыл на заставе до обеда. Отдохнул и отправился в путь. Начальник заставы дал ему в провозатые бойца Задорина, того самого, что сделал ему такой теплый в буквальном смысле подарок.

Они шли на лыжах по неровной тропе: впереди — красноармеец, следом — Рид. Когда лес немного расступился, Задорин замедлил шаг и, поравнявшись с американцем, сказал:

— А ты смело держался. Ведь мог подумать, что шлепнут тебя, да и баста. На войне всякое бывает.

— И баста, — улыбнулся в ответ Рид, уловивший из всей фразы Задорина одно-единственное знакомое слово.

Поздно вечером вышли к железной дороге немного левее заснеженной станции Дибуны. На этом месте они попрощались. Задорин отправился в обратный путь на свою заставу, а Рид стал ждать пригородный поезд.

Впереди в прозрачном тумане угадывалось далекое полыхание множества электрических огней. Это был Петроград...

В красноармейском шлеме со звездой и в валенках, Джон Рид приехал в Москву.

В первое время он жил в гостинице недалеко от Кремля. Но вскоре переселился в маленький деревянный дом на Грузинах.

Первая встреча с Лениным произошла в его рабочем кабинете. За столом сидели несколько работников Коминтерна, а Рид все не решался начать разговор о разногласиях американских коммунистов. У Ленина усталый вид. Он еще не оправился как следует после рапения. Положение в стране трудное. Каждая минута вождя пролетариев принадлежала революции. Сегодня за столом шла речь о подготовке конгресса Коминтерна.

«Нет, сейчас Ленину не до меня», — думал Рид, глядя на сощуренные глаза Ильича, на его крупную, чуть склоненную пабок голову.

Но Ленин запомнил встречу с неугомонным журналистом в дни Октября. Он хотел знать о последних событиях в Америке и пригласил Рида в гости, на свою квартиру в Кремле.

Все было просто в этой квартире: скромная мебель, старенькая, аккуратно заштопанная скатерть на кухонном столе и неровно светящаяся лампочка-пузырек над ним. Чай пили с колотым сахаром и с черным хлебом. Ленин угощал гостя и рассказывал, как вкусно пахнет настоящий ржаной хлеб, испеченный в русской печи. Ильич был весел и часто смеялся.

Но как только Рид стал говорить о разногласиях среди коммунистов Америки, с лица Ильича сразу исчезла улыбка. Чуть наклонив голову, Ленин внимательно слушал, потом встал, прошелся по комнате, подошел к Риду, сказал:

— Нужно объединяться. И чем быстрее, тем лучше. Единство коммунистов — неперемнное условие деятельности партии. Это архиважно. Обе партии стоят на позициях Коминтерна. Значит, разногласия могут и должны быть преодолены.

Он говорил доходчиво и понятно,

Ленин дружелюбно улыбнулся, сощурил в лукавой усмешке глаза и стал расспрашивать о недавней схватке американских коммунистов с социалистами.

Потом были еще встречи с Лениным. Владимир Ильич всегда был рад американскому коммунисту. Они говорили о многом: о мировом рабочем движении, о международном империализме, о Шаляпине, о волне судебных процессов над коммунистами, прокатившейся по многим странам Европы и Америки. По просьбе Ленина Рид написал для него записку о рабочем коммунистическом движении в Америке. Затем большую статью об этом же в журнал «Коммунистический интернационал».

Джон Рид решил пробыть в России еще несколько месяцев. Он настойчиво изучал самую необычную в мире страну. У него возник замысел еще двух книг о русской революции¹.

Рид ездил на Волгу, в города Подмосковья, знакомился с молодежью. Он жил бедами и радостями советских людей. Как все, ел жидкую овсяную кашу, пил морковный чай без сахара, мерз и простужался. К нему привыкли у нас и считали своим.

Перед отъездом на родину Рид снова побывал в гостях у Ленина и получил от него предисловие к своей книге «Десять дней...».

Владимир Ильич писал: «...Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионных экземплярах и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция...»

Вначале Рид хотел перейти Северо-Западный фронт, попасть в Латвию и оттуда морем пробираться в Америку. Он проехал на поезде до прифронтовой полосы, несколько километров прошел пешком и выпущен был вернуться обратно: впереди находились белогвардейские заставы.

Не добившись успеха, Рид решил пробираться на родину прежним путем — через Финляндию. На Карельском перешейке он беспрепятственно перешел границу,

¹ «От Корнилова до Брест-Литовска» и «Дым революции».

добрался до Або и пытался устроиться на пароход, уходивший в Швецию.

Его арестовали.

В камере финской каталажки задержанный числился под № 42. Тюремной администрации было известно, что он американский гражданин и коммунист Джон Сайлас Рид.

Уэпика содержали в сырой и грязной камере. Кормили тухлой солониной и сырой рыбой. На его теле стали появляться язвы и гнойники. Закровоточили десны, расшатались зубы.

Арестанта не трогали, не вызывали на допросы. А время шло... Он понял, что его не расстреляют финские белогвардейцы, а дадут возможность умереть «собственной смертью».

Рид догадывался, что чиновники из госдепартамента знают о его местопребывании и лишь делают вид, что им ничего не известно об аресте гражданина Соединенных Штатов в чужой стране.

В Финляндии и на этот раз нашлись верные друзья — среди них все та же леди Инкери. Они помогли спасти Рида.

По указанию Ленина через соответствующие органы было предложено обменять его на двух финских профессоров, арестованных за участие в антисоветском заговоре.

Говорят, что Ленин сказал так:

— За Джона Рида можно отдать целый университет.

Просидев несколько месяцев в финской каталажке, исхудалый, больной журналист через Эстонию вернулся в Советскую Россию. В Америке не нашлось места для нежелательного гражданина.

В Москве Рид с головой окунулся в работу. Он присутствовал на заседаниях Второго конгресса Коминтерна и был избран членом его Исполнительного комитета. Именно по инициативе Рида делегации обеих американских компартий уже на третьем заседании конгресса под аплодисменты всего зала сделали совместное заявление о своем объединении. И вместе с другими делегатами этому заявлению аплодировал Ленин.

Потом Рид ездил в Баку, на съезд народов Востока, и, видимо, там он заболел брюшным тифом. По возвращении в Москву он в первое время только отшучивался, не собираясь лечиться. Не предполагал, насколько серьезно

его положение. По настоянию друзей журналиста положили в больницу.

17 октября 1920 года его не стало. Он умер в возрасте тридцати трех лет, так и не повидав больше Америки, «разлюбленной и любимой».

Джона Рида похоронили в Москве, на Красной площади, у Кремлевской стены.

В день святого Патрика главный юрисконсульт Западной федерации горняков Олдрич Хилтон приехал в Солт-Лейк-сити. На углу привокзальной улицы он сел в фазтон и приказал ехать в следственную тюрьму, где сидел приговоренный к казни рабочий поэт Джозеф Хиллстрем по прозвищу Джо Хилл.

В воздухе пахло тающим снегом. С отрогов Скалистых гор дул влажный ветер. Повсюду текли мутные ручьи. Кое-где зеленела трава. Фазтон, покрытый кожаными верхом, потряхивало на рытвинах. Убеленный сединами шестидесятилетнего мужчины, словно кланяясь, покачивался вместе с фазтоном, глаза его были прикрыты.

Хилтон думал о человеке, чья участь была решена преднамеренно-неправильным приговором окружного суда штата Юта. Дело Хилла было крайне запутано. Суд нижней инстанции вынес приговор на основании косвенных улик. Хилтон рассчитывал выиграть процесс в Верховном суде штата. Он был уверен в невинности Хилла, но для дальнейшего ведения дела требовалось согласие осужденного, и Хилтон вынужден был выехать из Денвера, оставив адвокатскую контору своему помощнику.

Хилтон никогда не встречал Джо Хилла, но слышал не раз, как забастовщики распевали его песни.

Кейси Джонс с машины не слезает,
Кейси Джонс привычный держит путь,
Кейси Джонс — покорный раб хозяев,
Медаль ему повесили на грудь, —

припомнилось адвокату, и он под стук колес вполголоса замурлыкал песенку о машинисте-штрейкбрехере.

Двери тюрьмы были, как всегда, закрыты, но Хилтона ждали. О приезде нового адвоката Хилла тюремное начальство известили заранее. Встречал его старший надзиратель Дарст, тучный человек, страдающий одышкой. Позванивая ключами, которые висели у него на поясе, он шел впереди Хилтона, время от времени вытирая рукавом мундира потный лоб. Напротив канцелярии Дарст жестом пригласил Хилтона остановиться и направился в другой конец коридора.

Сноп света тускло освещал нишу, где стояли два некрашенных табурета. Пахло карболкой и нечистотами. Затхлый воздух тюрьмы вызывал головокружение. Хилтона тошнило. Он опустился на табурет, обернулся и в тот же момент увидел Джо Хилла. Высокий, прямой и очень худой человек шел к нему ровной непринужденной походкой. На бледном изнуренном лице его сияли глаза — глубокие, голубые. Светлые волосы Хилла были аккуратно расчесаны, на тонкой шее повязан белый платок.

Увидев Хилтона, он слегка улыбнулся, на впалых щеках его выступил слабый румянец.

— Приехал, чтобы увидеться с вами, — негромко произнес Хилтон, снизу вверх глядя на Хилла.

— Я счастлив, что вижу вас и приношу извинения за хлопоты, которые доставляю вам и моим товарищам, — промолвил Хилл, прежде чем сесть на табурет.

— Защита подсудимого — моя честь и обязанность, — пожал плечами Хилтон.

Он удивленно глядел на Хилла, пораженный его худобой и спокойствием. Хилтон знал, что произошло в Солт-Лейк-сити январской ночью, когда кто-то стрелял в Хилла, а неизвестные бандиты убили бакалейщика Моррисона с сыном. Хилл догадывался о его осведомленности, и тем затруднительнее казались обязанности, которые предстояло ему исполнить. Он целиком доверял Хилтону после того, как тот взялся вести дело, когда процесс был окончательным проигран.

— У меня было три обвинителя на суде, — заговорил Джо Хилл, — прокурор и два моих адвоката. От этих двоих я попытался освободиться, но судья Ритчи назначил их «амикус курие»¹, и они снова заняли свое место.

¹ «Друзьями суда» (лат.).

— Да-да... весь процесс проходил по заведомо ложному пути, — задумчиво кивнул Хилтон.

— А доводов, доказывающих мою невиновность, много, — оживился Хилл. — В тот момент ведь я находился в пяти милях от бакалейной лавки, где был убит бывший полисмен. Это может подтвердить доктор Макхью, к которому я обратился после того, как меня ранили. Моя рана в груди была свежей, и из нее текла кровь... Пиджак и рубашка тоже были в крови. А если бы я прошел пять миль, то кровь на одежде успела бы засохнуть...

Хилтопу было известно, что в ту ночь в Солт-Лейк-сити еще три человека получили пулевые ранения. Он знал, что и эти трое не причастны к убийству бакалейщика. Многолетний опыт и недавний процесс над Хейвудом и Петтибоудом¹, которых власти пытались обвинить в убийстве губернатора штата Айдахо, подсказывали ему, что дело Хилла состряпано в полиции. По всей вероятности, полицейские агенты выставили в суде лжесвидетелей и подговорили младшего сына Моррисона дать ложные показания.

— Пуля задела легкое и прошла меня насквозь, — продолжал Хилл. — А в бакалейной лавке никакой пули не нашли. Вот второй довод в мою пользу. Быть может, старший сын Моррисона, убитый вслед за отцом, и вообще не стрелял в бандитов, а младшего заставили выдумать такую версию.

— Это очень возможно, дорогой Хилл, — согласился Хилтон. — Ведь следов крови не оказалось ни на том месте, откуда стреляли бандиты, ни у входа в бакалейную лавку.

Хилл молчал какое-то время, словно собираясь с мыслями, либо припоминая что-то. Он сидел на табурете ровно, не шевелясь. Его длинные нескладные руки мирно лежали на коленях.

— На третьи сутки после ранения меня перевели в пансион, — заговорил Хилл. В его тихом спокойном голосе Хилтон уловил волнение. — Я находился в полуобморочном состоянии, когда в палату вошли трое полицейских с револьверами в руках. Загрохотали выстрелы... Я успел лишь открыть глаза. В одном из стрелявших я узнал человека, который ранил меня три дня назад. На

¹ Хейвуд и Петтибоуд — видные руководители рабочего движения в Америке в 1913—1917 гг.

этот раз они стреляли плохо. Но одна пуля все же попала мне в плечо и вышла в правую руку.

Хилл медленно поднял руку и с трудом разжал затянутые алой кожей скрюченные пальцы.

Хилтон знал, что из пансиона его перевезли в тюрьму, посадили в одиночку и объявили, что он обвиняется в убийстве бакалейщика.

— В конце концов я вытянул потому, что решил не умирать, — со вздохом произнес Хилл. — Ведь стоило им только убить меня, и они ловко покончили бы с этим делом. Какое пятно легло бы на организацию ИРМ¹. Тысячи жителей Запада поверили бы, что активист — уоббли² и песенник Джо Хилл — убийца. Теперь в этом многие усомнились.

Спокойствие, с каким Хилл рассказывал о себе, все больше поражало Хилтона. Словно и не нависла над ним назначенная судьями смерть! «Важнее собственной жизни честь ИРМ, — подумал Хилтон. — И так все просто выглядит, словно речь идет о самом обыденном».

Выступая на суде в качестве защитника Хейвуда и Петтибуда, Хилтон не дал возможности судьям запутать дело и выиграл процесс. На этот раз все выглядело куда труднее. Хилл находился на краю гибели. И нужно было спасти его.

Уточнив кое-какие обстоятельства, Хилтон предложил Хиллу подписать несколько бумаг, которые составил заранее.

Хилл неторопливо протянул руку, взял у него исписанные листы и, не читая, поставил подписи.

— Меня ужасно огорчает, что хлопоты, вызванные моим делом, опустошают кассу ИРМ, — сокрушенно произнес Хилл, возвращая бумаги.

— Ваша жизнь дорога не только вашим товарищам, но и многим тысячам других, — ласково возразил Хилтон. — И они уже вносят средства, кто сколько может, в фонд вашей защиты.

Растроганный Хилл молча смотрел на Хилтона. Голубые усталые глаза поэта влажно блестели.

Прощаясь, Хилтон осторожно пожал искалеченную руку. Хотел сказать что-нибудь в утешение, но обычны-

¹ Индустриальные рабочие мира — организация объединенных рабочих разных профессий.

² Пропагандисты, разъезжающие по стране.

мп словами невозможно было выразить то, о чем думал. Глядя на Хилтона, Хилл задумчиво теребил конец шейного платка и молчал.

«Этот истерзанный человек необыкновенен», — думал Хилтон, выбираясь на волю.

2

«Мой новый преданный друг!» — радовался Хилл, идя по узкому тюремному коридору.

Шестнадцать месяцев не видел он никого из товарищей по совместной работе в ИРМ. Только из писем, которые к нему приходили, знал Хилл, что друзья помнят о нем и борются за его жизнь.

Сидя в одиночной камере, он по-прежнему сочинял хлесткие песенки. Ему удавалось пересылать стихи на волю, и рабочие во время забастовок пели их хором.

На прошлой неделе по просьбе калифорнийского друга Сэма Мэррея Хилл сложил песню «Долог путь до миски супа», а теперь писал о девочке, потерявшей отца на войне...

На столике, привинченном к полу, лежали исписанные крупным почерком листки... Хилл устало опустился на стул, медленно провел по глазам рукой и глянул в окошко, забранное железной решеткой. Голубое весеннее небо, разделенное на квадраты. Далекие вершины Скалистых гор покрыты вечным снегом. Ни дерева там, ни кустика...

Заскрипела железом обитая дверь. Вошел надзиратель Дарст.

— Я принес почту, — бесстрастно произнес тюремщик. Он положил газеты и письма на койку, покрытую серым одеялом.

— Благодарю, — отозвался Хилл.

— В этой камере летом опять будет очень жарко, — глухо пробормотал надзиратель. — Нам придется переселить вас в другое место.

«Видно, в скором времени не собираются покончить со мной, если хотят выделить новую квартиру».

— Я прошу поместить меня в камеру, где сквозь решетку можно увидеть кусочек улицы, людей, — сказал Хилл, пристально глядя на Дарста.

— Это от меня не зависит, — буркнул надзиратель. — Переводами из камеры в камеру ведаст начальник тюрьмы.

— Передайте тогда ему и напомните: это просьба смертника.

— Какие еще у вас есть желания?

— Я уже не раз говорил: хочу увидеть моего друга, секретаря отделения ИРМ в Солт-Лейк-сити Эда Роуэна.

— Свидания с вами запретил губернатор штата господин Спрай.

— Что бы это могло значить, господин Дарст, если сам губернатор заинтересовался моей персоной?

— Мне это неизвестно.

Надзиратель толкнул плечом дверь и удалился.

Хилл отложил в сторону несколько номеров газеты «Денвер пост» и принялся разбирать письма. Писали отовсюду. Поэт бережно взял в руки одно письмо, поднес его ближе к свету, падавшему из окошка. Потом подержал на ладони, словно пытаясь ощутить вес. Письмо было от Элизабет Гарли Флинн.

«В начале мая во время агитационной поездки по Западу буду в Солт-Лейк-сити, — писала она. — Сделаю все возможное, чтобы увидеть вас...»

Дрогнула рука... Хилл знал, как популярна в народе Элизабет Гарли Флинн, прозванная «Жанной д'Арк рабочего класса». Он много слышал о ее публичных выступлениях и о том воздействии, какое она умела оказывать на слушателей. Хилл старался и никак не мог представить в своем воображении образ молодой женщины-пропагандистки.

Радость, которую она доставила сообщением о своем приезде, не меркла долго.

С мыслью о Элизабет Гарли Флинн Джо Хилл просыпался по утрам. Задолго до восхода солнца садился на жесткую койку, надевал на ноги войлочные туфли и подолгу смотрел в решетчатое окошко под самым потолком. О далекой, но близкой ему по духу женщине напоминал узкий солнечный луч, ненадолго проникавший в камеру. Оранжевое чудо быстро исчезало, но отблеск его не угасал. Он продолжал светиться в грустных, задумчивых глазах Хилла. По приходу солнца поэт считал дни.

Секретарь отделения ИРМ в Солт-Лейк-сити Эд Роуэн встретил Элизабет Гарли Флинн в местном профсоюзном клубе. Он позже других узнал о ее приезде и очень со-

жалел, что не смог встретить гостью на вокзале. Роуэн впервые увидел «девушку-буптарку» и неожиданно для себя почувствовал тайную робость, когда остался один на один в маленькой комнате клуба с красивой голубоглазой женщиной.

— Наша вина... и в особенности моя... Не уберегли мы Джо, — словно оправдываясь перед ней, прерывисто проговорил Роуэн. — В тот вечер состоялся концерт. Рудокопы хором пели его песни. После концерта мы допоздна засиделись с ним в этой комнате. Потом он ушел, а я остался заполнить карточки вновь принятых членов ИРМ и подготовиться к выступлению. Но если бы я знал, что случится такое... О том, что в Хилла стреляли, нам стало известно лишь после того, как ему предъявили обвинение в убийстве. Доктор Макхью, к которому Джо обратился за помощью, оказался заодно с полицией...

С лица Роуэна, изъеденного синими каплями медной пыли, не сходило выражение растерянности. Левый глаз, поврежденный во время обвала в руднике, покраснел и слезился.

— Мне не совсем ясно, почему на этот раз полицейские власти избрали своей жертвой поэта, а не кого-нибудь из руководителей ИРМ? — спросила Элизабет Гарли Флинн.

— Объяснить это нетрудно, — горестно покачал головой Роуэн. — Имя Джо в последнее время стало очень популярно на Западе. Здесь редкий человек не пост его песни. Однажды во время стачки хозяева железной дороги привезли штрейкбрехеров из другого штата. Никакие наши уговоры не помогли: штрейкбрехеры взялись вести составы с рудой. А песня «Кейси Джокопс», которую грянул рабочий хор, смела их будто метлой. Песни сплотили рудокопов и озлобили хозяев Медного треста. Они давно искали случая, чтобы расправиться с Хиллом. Полицейские власти, в полном согласии с хозяевами, устроили настоящую охоту за ним. Они решили прикончить Джо одним выстрелом. Но это не вышло. Тогда полиция воспользовалась убийством бакалейщика и пустила в ход судебную машину.

— В каком положении теперь находится дело Хилла?

Смуглое лицо Элизабет Флинн порозовело от волнения, и Роуэн почувствовал, насколько встревожена участием Хилла гостья с другого конца континента.

— В течение многих месяцев Джо не позволял нам

оказывать ему помощь, — продолжал Роуэн. — Он не хотел, чтобы мы тратили на него деньги, нужные организации. Не имея средств на адвоката, Джо сам как мог вел свою защиту на предварительном слушании. Потом он понял, что процесс не является его личным делом, а касается всей организации. Мы создали комитет защиты. Через «Солидарити» я обратился ко всем общественным организациям и частным лицам, и мы уже получили около двухсот долларов, да еще шестьдесят выручили, распродав песенники Хилла. Наконец, нам удалось уговорить Оррина Хилтона продолжать вести защиту нашего Джо.

— А что предпринимает Хилтон? Как он собирается спасти Хилла?

Элизабет Флинн пристально смотрела на Роуэна, нетерпеливо ожидая ответа.

— Хилтон готовится к процессу в верховном суде штата. — Роуэн все больше заражался волнением, которое передавалось ему от сидящей напротив женщины. — Он собирается выставить все имеющиеся доводы в пользу Хилла и надеется, что сумеет добиться оправдания.

Элизабет Флинн много слышала о Хилтоне как о способном и гуманном юристе. Он был самой выдающейся фигурой в колорадской коллегии адвокатов, выступающих в судах Запада. Элизабет Флинн знала о деятельности Хилтона во время забастовки в Лоуренсе, когда тот выступал в качестве консультанта, и о том, как он защищал Хейвуда и Петтибоуда. И все же тревога не утихла. Над певцом рабочих висел топор палача, готовый опуститься в любое время. Это невозможно было забыть. В сознании Элизабет Флинн возник образ поэта, томящегося в одиночной камере, но, как прежде, смелого, гордого.

— Я хочу увидеть Хилла до того, как выступлю на митинге протеста, — сказала она.

— Но каким образом вы добьетесь свидания? — удивился Роуэн.

— Я пойду к губернатору штата.

— Вы полагаете, что сможете его уговорить?

— Надеюсь...

Губернатор Спрай, прозванный рудокопами Проворным, сидел на открытой веранде и просматривал письма. Он

утратил привычный покой после того, как комитет защиты Джо Хилла обратился с призывом оказывать содействие осужденному. Каждый день приходили протесты. Писали каменотесы Вермонта, докеры Сан-Франциско, скотоводы Канзаса, грузчики Сан-Диего.

Начав читать протест настоятеля епископальной церкви штата Юта Поля Джонса, губернатор удивленно нахмурил брови. Розовощекое круглое лицо Спрая покрылось бусинками пота. Епископ просил изменить приговор Джо Хиллу ввиду того, что суд принял решение на основании косвенных улик, что никаких мотивов для совершения преступления не было и что, исполнив смертный приговор, штат Юта скорее станет убийцей этого человека, нежели вершителем правосудия.

«А ведь судья Ритчи — член правления этой церкви, — подумал Спрай. — Любопытно, знает он что-нибудь о симпатиях Поля Джонса?»

Через раскрытую дверь на веранду вступил дворецкий. Дождавшись, когда губернатор закончит чтение, он подошел к нему ближе и доложил:

— Леди Флинн просит принять ее.

— Какая леди? По какому поводу? — Спрай брезгливо скривил пухлые губы.

— Элизабет Гарли Флинн просит у вас аудиенции по делу Джозефа Хиллстрема, — повторил дворецкий.

Спрай вспомнил, что на прошлой неделе шериф Корблес докладывал о скором приезде в Солт-Лейк-сити этой женщины-пропагандистки. От неожиданности губернатор на миг растерялся и недоуменно смотрел на дворецкого, ожидавшего, какой будет ответ. Не принять известного повсюду оратора, да еще леди, — нельзя, оттягивать встречу — бессмысленно.

— Пригласи в кабинет, — распорядился Спрай. Заложив за спину короткие руки, он некоторое время ходил по веранде, стараясь собраться с мыслями, затем вошел в кабинет. Увидев Спрая, Элизабет Флинн встала:

— Я пришла заявить вам, господин губернатор... Джо Хилл — невиновен.

— Как невиновен?

Губернатор удивленно пожал плечами и с любопытством уставился на неожиданную посетительницу.

— Обвиняемый был слишком беден, он не мог воспользоваться услугами адвокатов, которые сумели бы распутать ловко завязанный клубок и доказать его невинов-

ность,— продолжала пачатую мысль Элизабет Флинн, после того как Спрай пригласил ее сесть.

— По делу Хиллстрема велось следствие, суд опросил множество свидетелей, — мягко возразил Спрай.

— Но ведь ни один из них в точности не показал на Хилла.

— У суда имелось достаточное количество очень веских косвенных улик, — невозмутимо парировал Спрай.

— А по законам вашего штата человек считается невиновным до тех пор, пока достоверно не доказана его вина, — заметила Элизабет Флинн.

— Окружной суд учел все «за» и «против», чтобы принять справедливое решение. — Спрай удобнее устроился в кресле и продолжал ровным голосом: — И давайте, милая леди, не будем обсуждать то, что не в моей и не в вашей компетенции.

Круглая, словно репа, голова Спрая, пухлый живот и короткие руки внушали к нему неприязнь.

— Джо Хилл — поэт и человек мыслящий, — энергично заговорила Элизабет. — Он не мог убить человека. Только невежественный злодей способен совершить такое преступление. Вы не должны допустить, чтобы оборвалась жизнь Хилла. Его казнь станет вечным позором для штата Юта... За последние пять лет я извездила страну из конца в конец. Находясь в среде рабочих, я замечала, что Хилл пользуется огромной популярностью. Его песни поют все, даже дети.

Спрай растопырил толстые пальцы и собрался сцепить руки, но передумал. Он заерзал в кресле, наклонился вперед. В его маленьких глазах Элизабет Флинн уловила промелькнувшую злобу.

— Да... но его песни доставляют властям одни лишь хлопоты, — сухо произнес Спрай.

Элизабет Флинн хотела высказать все, о чем думала, но этим она могла повредить Хиллу.

— Отмените смертный приговор! — напряженно выговорила она.

Чтобы добиться разрешения на встречу с осужденным, Элизабет шла на маленькую хитрость и просила большего.

— Я не в праве изменить решение суда, — ответил Спрай. Наступило молчание. Губернатор взял сигару из раскрытой коробки, лежавшей на письменном столе, и принялся разминать ее. Пухлые пальцы двигались мед-

ленно, осторожно. Элизабет услышала монотонное гудение шмеля, влетевшего в комнату через раскрытое окно.

— Джо Хилл — иностранец, в нашей стране у него нет ни матери, ни сестер, — печально сказала она. — Шестнадцать месяцев томится он в камере-одиночке, каждую минуту готовый к смерти. Как женщина и мать, я хочу хотя бы чуть-чуть облегчить его страдания... Я прошу вас: разрешите мне повидать его.

Зажженная спичка заплескала в руке Спрая и погасла.

— Законы штата запрещают свидания с преступниками, приговоренными к смертной казни, с момента суда и до того дня, когда будет свершена воля правосудия, — пояснил губернатор.

— Но этот случай особый, — упрямо продолжала Элизабет. — Народ не считает Хилла преступником и не хочет его казни. Общественность взволнована процессом. И наконец... наш милосердный бог не вызывает к убийству, он не любит жестокости...

— А ваш... ваш красный бог? — перебил ее губернатор.

— Наш бог зовет людей к справедливости.

Спрай сознавал, что начинает ненавидеть эту смелую женщину. Его обжигало желание сказать резкое «нет», по почему-то он не нашел в себе решимости и глухо произнес:

— Разрешаю один час.

5

Хилл еще спал, когда к нему вошел Дарст и объявил, что в канцелярии шерифа его ждет леди. Понадобилось несколько минут, чтобы умыться, причесать волосы и выйти из камеры. Шагая по коридору, Хилл испытывал необыкновенную легкость в теле. Радость его была так велика, что он не чувствовал зловонного запаха дезинфекции, которую сделали накануне этого дня, не замечал серых мрачных стен.

Рослая женщина в белой просторной блузе смотрела в окно, но сразу обернулась, как только Хилл открыл дверь и шагнул в комнату. Она быстро протянула руку, ее смуглое лицо осветила радостная улыбка.

— Вот я и здесь, — приветливо сказала Элизабет.

— Я отвык от людей... мне просто не верится... Как вам удалось проникнуть сюда? — растерянно проговорил Хилл, не отпуская ее руки.

— Это оказалось не столь сложно, как я предполагала.

Элизабет старалась не замечать шерифа Корблеса, сидевшего за столом, не смотрела в его сторону, но чувствовала на себе его тяжелый, пронизывающий взгляд. Он сковывал мысли и не давал возможности говорить то, что хотелось.

Корблес догадался сразу, что он мешает обоим, но по инструкции ему полагалось находиться при них. С минуты он молча прохаживался по комнате, потом вышел, но дверь оставил открытой.

— По правде сказать, разговор с губернатором получился такой, что я до сих пор не понимаю, почему он разрешил свидание, — призналась Элизабет, когда они остались вдвоем в конторе тюрьмы.

— Как поживает Эд Роуэн? — оживился Хилл. — Я не видел его целую вечность.

— Он здоров, и все его помыслы полны тем, как вытащить вас отсюда.

— Право, я не стою тех затрат, которые несет из-за меня ИРМ, — смущенно произнес Хилл. — Я не из того сорта людей, без которых не может существовать организация.

— Ваша жизнь нужна тысячам людей, — вспыхнула Элизабет. — Ваши друзья, в том числе Эд Роуэн и я, хотят видеть вас на свободе.

— Судя по процессу Лоусона в Колорадо и Кноблока в Огайо, полицейские власти умышленно высасывают денежные ресурсы ИРМ, — сокрушенно покачал головой Хилл. — Быют по самому больному месту.

— Вы находитесь в значительно худшем положении, чем другие, — сказала Элизабет печально.

— Я только капля в человеческом море.

— Но капли наполняют океан...

Они одновременно глянули в окно и умолкли. У подножий гор зеленели луга. Шапками бело-розовой пены были покрыты деревья, разросшиеся вдоль берега извилистой реки.

В усталых глазах Хилла на миг вспыхнули искорки и снова угасли. Больше полутора лет не слышал он шума листвы, пения птиц...

— Расскажите о себе, — попросила Элизабет. — Как вы жили? Где бывали прежде?

— Я никогда о себе не рассказывал. Мне казалось, жизнь моя не интересна.

Хилл задумчиво смотрел в окно, по мысли его находились далеко.

— До девятнадцати лет я жил в Швеции. Наш дом стоял на берегу залива, в лесу. В бурю мы могли слышать, как гудят сосны. Я, мои сестры и братья ходили в школу, учились музыке. Но потом все изменилось... Во время аварии на железной дороге погиб отец, и в наш дом вошла нужда. Поверив комиссионерам, которые приезжали в нашу страну и рассказывали о сказочной жизни за океаном, я очутился в трюме «Саксонии», пересек Атлантику. Первое время служил в баре на окраине Нью-Йорка, играл на скрипке — развлекал гостей. Но это было недолго.

Потом работал учеником на канатной фабрике. Платили мне так мало, что ел раз в день и ходил на работу пешком.

Однажды мастер послал меня в магазин за пивом. Я отказался. За это меня выгнали.

Побродяжив два месяца, я устроился на коробочную фабрику в Бронксе, но очень скоро дела владельца пошатнулись, и всех нас уволили... Не помню, сколько времени скитался вместе с такими же, как я, хобо¹, пока не поступил смазчиком на механический завод в Нью-Йорке. Там все было новое: станки, инструмент и даже комбинезоны с круглыми бляхами, на которых был выбит рабочий номер. Мастер мне объяснил, что электростанцию пельзя оставлять одну. Я работал без выходных, по двенадцать часов в сутки. Мне не разрешалось становиться на колени и к концу смены у меня каждый раз болели спина и ноги. Оттуда я бы не ушел, если бы не попал в «черный список». Словом, меня выгнали снова, и я решил перебраться на Запад в «страну свободных и родину храбрых».

В Нью-Йорке рухнули мои надежды. На крыше товарного вагона впервые пришла мне мысль о несправедливости. В Лос-Анжелесе я грузил уголь, в Вайоминге работал на ферме, в штате Невада рубил лес, в Южной Дакоте убирал пшеницу. И всюду видел замученных, отчаявшихся людей: американцев, негров, европейцев, индейцев. О гордых жителях прерий я читал у Фенимора Купера. Теперь они умирают с голоду в резервациях.

¹ Кочующий рабочий.

Встреча с уоббли открыла мне глаза, я понял: надо бороться! Вступив в ИРМ, я почувствовал себя частицей борющейся массы, осознал в себе человека. Долгие годы я старался понять, в чем состоит человеческое счастье... Порой мне казалось, что оно во мне, если я здоров и крепок, ваю лес, сосны и дышу свежим воздухом, напоенным запахом хвои. А ипогда я думал, что счастье — в ожидании жизненных перемен. Пройдя через многие беды, я пришел к заключению, что счастье не в том и не в другом...

Давно не делился Хилл ни с ком из друзей своими сокровенными мыслями и теперь, рассказывая о себе, испытывал необъяснимое чувство облегчения. Положив голову на ладони, Элизабет молча наблюдала за ним и очень внимательно слушала.

— Однажды во время стачки пришла мне в голову мысль написать песню, которая сплотила бы бастующих, — продолжал Хилл. — Я набросал строчки на листе бумаги, подобрал к ним ноты, взял банджо и вышел на астраду. Сначала я пел один. Потом подхватил весь зал.

Встань, рабочий! Выше зная!
Добывай права в борьбе!
Блага, созданные нами,
Богачи берут себе.

Сжимая в руках кепки, забастовщики хором пели мою песню, которая стала уже не моей, а нашей.

Вот тогда-то я и почувствовал нечто такое, чему не смог придумать сразу названия. Слова моей песни и музыка в одну минуту прошли через сотни сердец. Я понял свое назначение. И последние годы прожил не зря. Одно сознание, что мои песни нужны людям, давало мне право считать себя счастливым. Я не знаю, где окажусь в скором времени, но мне ужасно не хочется складывать оружие...

Уловив настроение Хилла, Элизабет заторопилась перевести разговор на другое.

— В Бронксе, где вы работали на коробочной фабрике, я жила несколько лет, — сказала она. — Там же начала выступать на уличных митингах. Тогда мне было шестнадцать лет. Я ходила в школу, но мысли мои были заняты революцией. В том же 1906 году меня впервые арестовали...

— И вы одна сидели в камере? — удивился Хилл.

— Нет, вместе со мной посадили моего отца.

— Ваш отец выступал на митинге?

— Он только слушал меня. Но мои родители достойны имени моего прадеда Пэдди, прозванного «бунтарем». Мы — выходцы из Ирландии, и все мои предки боролись за ее освобождение. Я до сих пор не могу понять, за что получила кличку «бунтарки». То ли она перешла по наследству, то ли меня прозвали так за мои выступления. Я объездила почти всю Америку, но к вам на Запад попала впервые. Моя поездка продлится еще месяц, а я уже успела соскучиться по сыну.

— Сколько ему теперь? — участливо спросил Хилл.

— Недавно исполнилось пять... А когда я разошлась с мужем, сыну не было года. Отца он не помнит. Когда-то муж просил меня отказаться от агитационных поездок и осесть на постоянное жительство; теперь сын торопит вернуться к нему, — весело усмехнулась Элизабет.

— Разве ваш муж не состоял в ИРМ? — спросил Хилл.

— Состоял. И первое время относился сочувственно к моей работе. Потом он изменил свое мнение. Но меня в девятнадцать лет отнюдь не прельщала домашняя жизнь.

Элизабет и Хилл, сами того не замечая, разговаривали, будто старые друзья, встретившиеся после долгой разлуки. Хилл торопился узнать о росте ИРМ, здоровье Большого Билла (так звали Уильяма Хейвуда), о работе среди сельскохозяйственных рабочих и о ходе дел, сфабрикованных над видными руководителями организации.

Элизабет видела людей сильнее, чем она сейчас, удрученный длительным заключением, и все больше удивлялась тому, как мало беспокоится Хилл о себе.

Они не заметили, как вошел шериф Корблес.

— Ваше время кончилось.

Как отдаленный раскат грома, прозвучали в ушах Хилла слова шерифа. Он встал и не отрываясь смотрел на Элизабет. Оба молчали.

В коридоре они остановились опять, но Корблес глухо произнес:

— Пора.

Еще ни разу с самого дня ареста не испытывал Хилл такого безудержного желания выйти на волю. «Если бы случилось чудо, если бы я смог выбраться отсюда с ней вместе!» — обожгла его мысль.

Элизабет медлила, старалась пробыть с ним оставшиеся секунды. Она пыталась ему улыбнуться, но улыбка получилась горькой и грустной.

6

Хилл торопливым шагом ходил по камере. Противоречивые мысли раздирали его. Душевный покой, приобретенный усилиями многих месяцев, нарушился.

«Я не боюсь смерти, но хочу участвовать в борьбе как можно дольше», — думал Хилл прежде. Теперь все летело кувырком! Хотелось жить! Он стремился на волю. Он до боли желал очутиться среди друзей. Он мечтал поехать вместе с Элизабет по стране и петь песни, которые нужны людям, как воздух. Эти желания причиняли ему одновременно страдание и радость. Хилл сознавал: близкая свобода для него несбыточна, но радовался оттого, что надежда не потеряна. Перед его глазами стоял светлый образ Элизабет Флипп. Хилл ничего не забыл из того, что услышал во время свидания.

Мысли и чувства, взволновавшие его, искали выхода. Он сел за стол и стал писать:

Есть княжны и принцессы на свете,
В блеске жемчуга тайна их чар.
Но единственной леди на свете
Назову ту, чье имя — Бунтарь.
Пусть грубы от трудов ее руки,
Пусть наряд победней, чем у дам,
Но в груди ее сердце выстукивает —
Клятву верности классу, друзьям...

Хилл вполголоса напевал мелодию, стараясь подобрать музыку к стихам. Хотелось, чтобы мелодия звучала просто и была доступна каждому. Под рукой не было инструмента, и некому было прослушать песню.

Жажда свободной жизни не утихала. Хилл снова и снова вспоминал все впечатления короткой встречи.

На второй и на третий день ему чудилось, что Элизабет ушла совсем недавно и в смрадном воздухе тюрьмы еще держится ее чистое дыхание... Хилл стал вести новый счет дням с того момента, когда она вошла в тюрьму. Пробежала неделя, вторая и третья... Прошел месяц.

Оррин Хилтон прислал письмо. «Верховный суд штата поддержал приговор нижней инстанции, — писал он. — Ирония злосчастного дела усиливается от сознания, что всего этого можно было избежать, если бы у вас в свое

время имелась мало-мальски порядочная защита. Я много ночей думал о вас и о той несправедливости, которой вы подверглись. Мне чрезвычайно мучительно сознавать, что даже при наличии денежных средств мы мало чего можем добиться и в верховном суде США...»

Хилл дважды прочитал письмо. Какое-то время он сидел не шелохнувшись, глядя в серую бездушную стену. В глазах его стояла бескрайняя горечь и смертельная усталость.

За несколько недель Хилл построил в своем воображении воздушные замки из вспыхнувших надежд. Ожидание счастливых перемен придавало бодрость и укрепляло душевные силы. Хилтон разрушил эти замки и заставил вернуться к действительности.

«Ну, что ж, все встало на прежнее место». Худое лицо Хилла выражало решимость.

«Со своей стороны считаю, что ИРМ должна использовать все средства для сохранения живых связей, — быстро написал он. — Я имею в виду ораторов и организаторов. Находясь за решеткой, они мертвы для дела. Я же и в этих условиях с успехом кропаю свою «музыку».

Если обстоятельства таковы, мистер Хилтон, я хочу поблагодарить вас за все, что вы сделали. И вы можете смело поспорить на ваш последний доллар, что я сумею показать банде политиканов, которые действуют именем правосудия, как должно умирать человеку!»

Накануне праздника независимости США Хилла перевели в каторжную тюрьму, оставив при нем шерифа Корблеса и надзирателя Дарста. Мысль о том, что в скором времени придется встать перед строем стрелков, пришла в голову, как только он вошел в узкую камеру смертника.

Койка стояла у самой двери, привинченная к цементному полу. Вместо стола — фанерная тумбочка. На ней едва помещались миска с бобовой похлебкой и кусок черствого хлеба на железной тарелке. Круглое окошко напоминало вентиляционную трубу.

Хилл поставил тумбочку на койку, залез на нее иглянул в окошко. Нежно розовел в лучах заката край белого облачка. Хилл стоял и смотрел, пока не онемели ступни...

В каторжной тюрьме жизнь шла своим чередом. Однообразно, тоскливо тянулись дни, похожие один на другой, как два потускневших от времени цента. Хилла начала мучить бессонница. Короткие летние ночи казались бесконечно долгими...

Хилтон не замедлил с ответом. «Письмо, которое вы написали, глубоко меня тронуло... Я с радостью отказался бы от вознаграждения и отдал еще столько же, если бы мог исправить чудовищную несправедливость, которую вам причинили. Я наконец понял, что это произошло не из-за отсутствия у вас денег или чьей-то уверенности в том, что вы действительно виновны. Нет! Сталкиваясь с множеством исполнителей правосудия, я убедился, что в заговоре против вас участвует немало влиятельных лиц.

Несмотря ни на что, я намерен немедленно обратиться в комитет помилований с ходатайством о смягчении приговора и сделаю все возможное, чтобы вы присутствовали на этом заседании.

Я восхищен вашим мужеством, ибо по-настоящему смелых людей немного. Ваш искренний друг О. Хилтон».

— Вместе будем бороться, мистер Хилтон, — вслух произнес Хилл. — Я уверен, вы добьетесь своего! Я должеп, как подобает мужчине, еще раз постоять за себя!

7

Комитет помилований собрался в начале осени, как только члены верховного суда штата Юта Строп, Фрик и Маккарти вернулись из летнего отпуска. Трое в черных судейских мантиях неторопливо, безмолвно вошли в зал заседаний дворца правосудия и заняли свои места. Следом за ними явились губернатор Уильям Спрай и министр юстиции Барпес. Четырнадцать вооруженных стражников в красных мундирах встали у входа во дворец и на лестнице.

Внизу, в комнате для посетителей, находился адвокат Хилтон. Седой ежик на его голове был аккуратно расчесан, щеки гладко выбриты, углы рта плотно сжаты. Он то и дело поглядывал на часы, ожидая появления Хилла.

В полдень раскрылись ворота тюрьмы, и на улицу выехал серый возок. Часы на тюремной башне равнодушно-тоскливо отбивали удары. Мирно цокали копыта двух лошадей, тапавших повозку.

На широких улицах Солт-Лейк-сити ховяйничал ветер. Хилл с жадностью вдыхал чистый воздух, щурился от яркого света. Больше полутора лет не видел он прохожих, не слышал детских голосов.

Навстречу ехали экипажи и кэбы, изредка попадались нарядно одетые женщины, куда-то торопились деловые люди.

Мелькали дома, вывески, фонари. Хилл пьянел от свежего воздуха, от множества забытых ощущений.

Проехали главную улицу. Здесь он, некогда веселый, здоровый, шагал по ней, впервые очутившись в этом городе. Перед глазами промелькнул черный зев переулка, в который он пошел январской ночью после того, как попрощался с Эдом Роуэном. Там прозвучал роковой выстрел. Хилл и теперь не мог понять, откуда взялись силы добраться до квартиры доктора Макхью. Потом беспамятство... И опять выстрелы... Новое покушение чем-то напоминало охоту на смертельно раненного зверя...

И вот наступил решающий день затянувшейся борьбы.

— Не терйте самообладания, когда начнете говорить, — советовал Хилтон, поднимаясь по крутой лестнице дворца правосудия. — Не горячитесь. Горячность сбивает с толку и путает мысли.

В зале заседаний их уже ждали. Пятеро членов комитета помилований сидели за столом, уткнувшись в толстые книги законов. При виде осужденного и его защитника они подняли головы и молча уставились на пошедших. Четверых Хилл видел впервые, а пятый — Маккарти — присутствовал в суде нижней инстанции. Усыяное мелкими бородавками лицо судьи было знакомо Хиллу.

Председательское место занимал главный судья Строп. На его длинной шее сидела очень маленькая голова с гладко зализанными редкими волосами. Плавными гибкими движениями Строп напоминал ужа.

Ничем не скрытой холодной враждебностью повеяло на Хилла от молчаливых людей. Его и Хилтона отделял от них высокий деревянный барьер. Хилл прямо и смело смотрел в лица врагов, имевших на своей стороне все преимущества силы и власти.

— Что вы можете сообщить комитету помилований? — обратился к Хилтону главный судья Строп.

— Я прошу членов комитета выслушать мое ходатайство по поводу приговора над осужденным к смертной казни Джозефом Хиллстремом, — твердо и еятно проговорил Хилтон.

Строп повернулся к губернатору Спраю. Сцепив короткие пальцы на пухлом животике, губернатор с враждебным любопытством смотрел на Хилтона. Спрай заметил на себе напряженный взгляд главного судьи и слегка наклонил круглую голову.

— Читайте ходатайство! — громко произнес Строп.

Судейский опыт и адвокатская практика последних десятилетий приучили Хилтона к точности и краткости. Как никто другой из его коллег, он умел выставить всесторонне продуманные и убедительные обоснования.

В своем ходатайстве Хилтон старался не касаться политической стороны дела. Пользуясь одними фактами и юридическими доводами, он шаг за шагом доказывал абсурдность косвенных улик, на которых строилось обвинение. Даже ребенку становилась очевидной невинность осужденного.

Хиллу казалось, что в зале произойдет нечто необычное, как только Хилтон кончит читать ходатайство. Ведь камня на камне не оставалось от насквозь лживого обвинения.

Ледяное молчание было ответом защитнику Хилтону. Немного спустя за столом правосудия произошло чуть заметное движение. Пять невозмутимых масок повернулись к Хиллу.

— Что может сообщить комитету помилований осужденный Джозеф Хиллстрем? — строго спросил Строп.

— Собираюсь сделать вам одно предложение, господа судьи, — оправившись после короткого замешательства, отозвался Хилл. — Я прошу пригласить сюда всех лже-свидетелей, и я даю гарантию, что сумею доказать мою совершенную невинность.

— Почему вы не привели своих доказательств на суде? — сердито поднял брови губернатор и недружелюбно уставился на Хилла. — Ведь у вас были все возможности высказать свои соображения.

— На суде было столько путаницы... а мой прежний адвокат выступал скорее в качестве обвинителя, чем защитника, — грустно усмехнулся Хилл. — В то время я даже не думал, что есть необходимость доказывать мою невинность. А прокурор Лезервуд задавал свидетелям та-

кие вопросы, что им оставалось только отвечать: «Да, сэр».

— Но ведь суд заседал в вашем присутствии?

— Да, в моем. Но все было так подстроено, что мои доводы оборачивались против меня. Поэтому я настаиваю собрать всех свидетелей, чтобы еще раз выслушать их показания.

Хилл стоял с высоко поднятой головой и казался с виду очень спокойным, но Хилтон заметил, как пальцы здоровой руки нервно перебирали край арестантской куртки. Острое чувство нежности к подзащитному охватило его.

— Комитет помилований не может даровать вам нового пересмотра дела, — объявил судья Строп, посоветовавшись вполголоса. — Это не в его власти.

— Я прошу не о пересмотре, а о том, чтобы по беспристрастным показаниям свидетелей вы приняли безошибочное решение.

— Здесь заседает не верховный суд, а комитет помилований, членами которого являются трое судей, — пояснил Спрай.

«Просить их просто глупо, — подумал Хилл. — Не станет ночной грабитель щадить свою жертву, как бы ни молила она сохранить ей жизнь. Догадывается ли об этом Хилтон?»

Да, Хилтон понимал, что ждать справедливости неоткуда. Его терзало желание сказать членам комитета все, что он о них думал, но он боялся повредить Хиллу.

— Нельзя забывать, сколь опасно выносить приговор на основании улики, абсурдность которых не подлежит сомнению, — звучал на весь зал уверенный голос Хилтона. — Одно маленькое показание, один дополнительный факт — и все построение рухнет.

Мне хочется напомнить вам, господа судьи, и вам, господин губернатор и господин министр, о деле, происшедшем на Пеликан Пойнт, когда обвинение было построено на косвенных уликах, а позже была установлена полная невиновность казненного.

Судья Маккарти дернулся и пробормотал что-то. Будучи членом суда нижней инстанции на Пеликан Пойнт, он подписал смертный приговор невинно осужденному...

— Я запрещаю говорить о том, что не имеет отношения к делу Хиллстрема! — резко сборвал Хилтона Строп.

Хилтон молчал, напряженно обдумывая, какое направление дать дальнейшей защите. Он уже сознавал, что деревянный барьер — граница, по обе стороны которой расположились два враждебных лагеря. «Те пятеро не уступят ни в чем, лишь бы угодить козьявам Медного треста». И тут его осенила мысль, что не имеет никакого смысла продолжать защиту в прежних юридических рамках.

— Я посвятил лучшие годы тому, что составляет сущность справедливого суда, — вдохновенно заговорил Хилтон. — И вот теперь без малейшего колебания заявляю, что судебный процесс над Хиллстремом явился самой злонамеренной пародией на правосудие. Мой подзащитный стал жертвой самой чудовищной несправедливости...

Говорить ему больше не дали. Главный судья Строп объявил, что комитет помилований удаляется на совещание.

Через четверть часа Маккарти огласил решение: «Приговор суда остается в силе».

Хилтон собрался сказать Хиллу о том, что намерен поехать в Вашингтон и обратиться в верховный суд США, но его оттеснили стражники. Он не собирался вводить ИРМ в денежные расходы и испытывал отрадное чувство от сознания, что поедет на свои средства и будет бороться до тех пор, пока хватит здоровья и сил.

8

Джо Хилл окончательно и бесповоротно выбрал себе расстрел. «Я воин, и петля — не для меня», — размышлял он наедине с собой, когда вернулся в тюрьму. Хилл старался приучить себя к мысли, что ничего не изменилось и все идет своим чередом. Но как ни пытался, не мог убедить себя, что казнь — нечто для него отдаленное и о ней можно не думать совсем.

«Все ли я сделал, что мог, и так ли, как нужно, жил последние годы? Не станет ли мучить меня горечь раскаяния, когда настанет час?.. Нет! Жил я правильно, ибо старался отдать все, чтобы легче было жить другим. Ни разу за всю мою жизнь не обманул я никого: ни мужчину, ни женщину, ни ребенка... Я счастлив, так как и после смерти останусь частицей великого класса. Ведь и после меня люди будут ездить по тем дорогам, которые я строил, жить станут в домах, срубленных моими руками, петь мои песни».

Но горько было оттого, что мать умерла, не дождавшись его возвращения, а сестры и братья так и не смогли получить образования. Хилл сожалел, что не сможет больше увидеть «девушку-бунтарку». Пока комитет помилований не утвердил приговор, Хилл продолжал надеяться, что встреча с Элизабет произойдет непременно. Мечты уносили его далеко-далеко из каторжной тюрьмы. Он частенько видел себя в кругу семьи Элизабет. Играл с ее сынишкой... А иногда ему виделось, как втроем они едут верхом на лошадях по росистой лесной тропе и гиганты деревья, окутанные утренним туманом, розовеют в лучах солнца.

Хилл нередко получал письма от Элизабет. Он знал о ее намерении попасть на прием к президенту Вильсону, но мало надеялся на успешный исход.

Однако после заседания комитета помилований письма приходиться перестали. Связь с друзьями прервалась.

Газеты также приносили с опозданием, но Хилл внимательно следил за событиями.

Тверже шаг! Идет подмога!
В бой, рабочий класс!
Близок час победы нашей,
Враг не сломит нас, —

писал он по поводу забастовки портовиков, начавшейся в Сан-Франциско.

Проснувшись утром накануне дня казни, Хилл увидел на тумбочке бутылку вина и сытную еду. Жареное мясо было горячее, пахло вкусно, совсем по-домашнему.

Вошел надзиратель Дарст. В последние дни он сгорбился и имел растерянный вид.

— Как спалось? — спросил надзиратель, стараясь не встречаться взглядом со смертником.

— Отлично спалось, — ответил Хилл весело, ему не хотелось показать виду, что он понимает значение начавшихся приготовлений.

— Выпейте вина, — заискивающим тоном предложил Дарст.

— Передайте начальнику тюрьмы: я прошу сообщить о предстоящей казни секретарю отделения ИРМ Эду Роуэну, — твердо выговорил Хилл. — Я настаиваю... наконец, требую пригласить Роуэна в тюрьму и устроить нам свидание.

— Я уже говорил о вашем желании господину Прэту, но он мне ответил, что к вам будет допущен лишь

тот член ИРМ, который содержится под стражей, — оправдывался Дарст.

— В таком случае я не прикоснусь ни к вину, ни к еде, — объявил Хилл.

Дарст наклонил голову и вышел. Через раскрывшуюся дверь Хилл заметил стражников в черном — пост наблюдения за смертником. Сомнений не осталось никаких: завтра казнь.

«Неужели друзья ничего не знают об этом? Но ведь не осмелятся убить меня без огласки».

О предстоящей казни он решил сообщить редактору «Солидарити» Бену Уильямсу. Хилл взял лист чистой бумаги, отодвинул бутылку вина и тарелку с мясом... Отрывочные, несвязные мысли проносились в голове.

Хилл вспомнил, как умирал в прериях Канзаса его друг итальянец Джованни. Они вместе рыли оросительный канал, жили в одном бараке и укрывались одним одеялом. Мучаясь от болотной лихорадки, Джованни крепился до конца. Слег он, когда понял, что не увидит больше голубого неба Италии и не услышит плеска прибоя родного моря.

Джованни лежал на раскаленной солнцем рогоже и просил Хилла играть на банджо и петь итальянские песенки. У Хилла катились слезы, но он пел и играл.

Воспоминание вернуло его к действительности.

9

Тридцать шесть часов отделяли Хилла от назначенной казни.

Элизабет приехала в Вашингтон и прямо с вокзала направилась к миссис Крэм. На эту женщину она возлагала последние надежды...

После поездки по Западу жизнь Элизабет все так же проходила в разъездах, но прежние дела теперь казались малозначительными. Их заглушила тревога за Хилла. Мысли о нем не покидали Элизабет.

Эд Роуэн сообщал ей обо всем, что делалось в Солт-Лейке. Она близко к сердцу принимала все неудачи в деле Хилла, а бездействие было не в ее характере. Элизабет выступала на митингах протеста, участвовала в сборе денежных средств, писала листовки в защиту Джо. Сообщение Хилтона об отказе в помиловании потрясло ее, но не лишило прежней энергии. Элизабет пришла к мысли:

необходимо вмешательство президента. Ей нужен был человек, который помог бы устроить встречу с Вудро Вильсоном... Миссис Дженни Крэм казалась падежной союзницей. Пользуясь поддержкой мужа, обеспечившего в свое время большинство голосов за Вильсона от штата Нью-Йорк, она стала с упорством добиваться для Элизабет аудиенции у президента. Два дня назад государственный секретарь Поулк обещал доложить просьбу миссис Крэм выслушать Элизабет...

Крэмов дома не оказалось. Элизабет поехала в Белый дом. В приемной Вильсона ее встретил секретарь Джозеф Тамалти.

— Президент вас примет через час, — объявил он с холодной любезностью. — Аудиенция продлится десять минут. Поторопитесь изложить вашу просьбу.

Элизабет сдержанно поклонилась ему и стала ждать очереди. Она старалась быть собранной, твердой, напрягала волю и ум, готовясь к встрече с государственным человеком, который, как ей казалось, мог решительным образом повлиять на правосудие штата Юта. Элизабет собиралась рассказать президенту самое важное о Джо Хилле и надеялась убедить его, что приговоренный к смерти — не виновек.

В зале ожиданий кроме нее находились четверо мужчин. Элизабет безотчетно стала определять их профессии по одежде и по внешности. Двое с огрубелыми большими руками, которым не находилось места на подлокотниках кресел, показались фермерами. Сердитый, в черном фраке, старик, вероятно, сенатор, а его сутулый и тощий сосед в пенсне мог быть банковским служащим.

Какими ничтожными и маленькими казались ей сейчас секретарь Джозеф Тамалти и четверо мужчин, ждавших аудиенции!

Уйдя в свои мысли, Элизабет не слышала, как назвали ее фамилию. В голосе Джозефа Тамалти звучало легкое раздражение, когда он вторично выговаривал имя наשמевшей на всю страну пропагандистки.

Элизабет запомнила, как открылась высокая дверь и как вошла она в залитый ровным светом просторный кабинет. Президент сидел в кресле с мягкой спинкой и пристально смотрел на вошедшую. Он был мало похож на того человека, которого знала она по портретам. Живой президент выглядел старше. Лицо Вильсона с глубокими морщинами показалось Элизабет утомленным.

— Я вас слушаю, Элизабет Гарли Флинн, — приветливо проговорил президент.

Элизабет села и какое-то время растерянно смотрела на Вильсона. Напротив нее сидел усталый, обремененный заботами пожилой мужчина. Ей почему-то подумалось: президент слаб здоровьем и не обладает той бесспорной властью, как казалось.

— Джо Хилл — поэт и человек гуманный... — с трудом выговорила Элизабет. — Он никого не убивал и не совершил никаких преступлений. В тот вечер, когда его ранили, в Солт-Лейке произошло несколько ограблений и убийство бакалейщика Моррисона. Хиллстрем находился в пяти милях от места преступления. Процесс над ним не имеет прецедента в судебной практике. Подсудимый отказался от услуг адвокатов, которые его не защищали, а, наоборот, старались помочь обвинению. Свидетели не могли даже описать внешность Хилла. Одна свидетельница заявила в суде, будто видела шрам на щеке Хилла. Но след давней рапы остался у него совсем незначительный, и ночью его заметить нельзя.

Любой человек, будь он не член ИРМ, был бы немедленно освобожден ввиду несостоятельности обвинения...

По материалам суда, с которыми ознакомил ее Хилтоп, Элизабет знала все подробности судебного разбирательства. Но ее не покидала мысль, что доводы ее не убедительны, времени остается все меньше, и она может просто не успеть изложить просьбу. Слегка наклонив голову, Вильсон задумчиво смотрел на нее. Он казался бесстрастным, но Элизабет заметила, президент слушал внимательно.

— Джо Хилл не мог убить человека, — спешила Элизабет высказать то, что считала главным. — Он творит добро и приносит людям одну только радость. Его стихи знают всюду. А творец бессмертных песен томится в темнице и ждет незаслуженной смерти. Господин президент! Отведите от него руки неправедных судей. Хилл должен жить!

Вильсон протяжно вздохнул, выпрямился. На его утомленном лице выступил слабый румянец.

— Все, что вы рассказали мне о Хиллстреме, звучит убедительно, — произнес президент. — Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь ему. Но поймите и вы меня правильно, госпожа Флинн. С некоторых пор верховный суд страны не принимает на себя право рассмотрения

уголовных дел, по которым имеются решения судов соответствующих штатов. Хотя следует заметить, что нашей конституцией дано право указывать на ошибки в их судопроизводстве. Но, к сожалению, в настоящий момент это является простой формальностью.

— Как же вы собираетесь помочь осужденному? — неуверенно спросила Элизабет.

— Я немедленно пошлю телеграмму губернатору Спраю с просьбой отложить казнь и тщательно пересмотреть дело Хиллстрема.

— Но об этом должен в первую очередь узнать его адвокат.

— Если вас не затруднит, вы сообщите об этом адвокату. А кто ведет защиту Хиллстрема? — заинтересовался президент.

— Адвокат Оррип Хилтон из Денвера.

— Я слышал о Хилтоне как о человеке больших способностей и неистощимой изобретательности, — с удовлетворением сказал Вильсон. — В свое время я с большим интересом прочитал его книгу «Надлежащее судопроизводство». У меня сложилось мнение о нем как об очень опытном адвокате. Я полагаю, он сумеет принять все возможные меры, чтобы помочь Хиллстрему, — И президент слегка поклонился Элизабет.

Поблагодарив его за сердечное участие, она вышла.

На улице моросил дождь. Деревья стояли поникшие. На желтых листьях тускло блестели серые капли.

В туманную мглу дневного неба врезались очертания сооружений из стали, стекла и бетона. А чуть дальше, на пологих холмах, сверкали яркими красками фешенебельные дома, где, казалось, обитают покой и безмятежность. Навстречу Элизабет мчались бесшумные лимузины, торопились пешеходы. Все это она видела словно сквозь мутную призму. Элизабет торопилась успеть до обеденного часа в ближайшую телеграфную контору. Она не знала, что Хилтон поехал в Солт-Лейк и телеграмма не застанет его в Денвере.

10

На тайное заседание губернатор Спрай собрал членов комитета помилований у себя дома. Дверь кабинета, выходящая на веранду, была заперта, окна занавешены плотными шторами. При свете зеленой лампы усеянное бородавками лицо Маккарти было бледным, как карма-

вальная маска. Судья Строп стоял у топящегося камина и грел руки. Отсвет пламени колыбался на его черной одежде, насквозь пронизывая узкие ладони.

Министр Барнес сидел в дальнем углу кабинета, нахмутив брови, плотно сжав тонкие губы.

— Господа! Вчера я получил телеграмму от Вудро Вильсона и послание из госдепартамента, — заговорил губернатор Спрай. — Президент просит отложить казнь Хиллстрема, который является шведским подданным, до тех пор, пока посол Швеции не представит мне свои соображения. Я указал министру юстиции дать соответствующие распоряжения. Я полагаю, вы уже дали нужные указания?

— Да, сэр. Я приказал шерифу Корблесу прекратить приготовления к казни, — ответил Барнес.

— Поведение президента ничуть не удивляет меня, — усмехнулся Маккарти. — Такое заступничество обеспечит ему голоса всех бывших арестантов, когда начнутся следующие выборы.

— Вмешательство Вильсона незаслуженно поднимает значение этого дела, — заметил Строп. — Оно может вызвать новую волну протестов. А в комитет помилований и без этого приходят тысячи писем.

Сидевший за столом Фрик удивленно пожал плечами:

— А мне непонятна заинтересованность президента в судьбе преступника. Неясно и то обстоятельство, под чьим влиянием послал он телеграмму?

Министр Барнес удобнее устроился в кресле и негромко сказал:

— С послом Швеции Экенгренем связался адвокат Хилтон. Через госдепартамент шведский посланник обратился к президенту. — Министр помедлил, пожевал ртом. — К тому же газеты публикуют письма протеста и листовки, которые распространяет ИРМ. Митинги проходят на улицах многих городов. О деле Хиллстрема президент, вероятно, знал и до вмешательства шведского посланника.

— Какое ваше мнение по этому поводу? — обратился губернатор к судье Стропу.

— По-моему, следует послать ответную телеграмму президенту о том, что Хиллстрем осужден за чудовищное убийство, улики подтверждают его вину и суд над ним был справедливый, — осторожно подбирая слова Строп. — Кроме того, нужно начать печатание ответных бюллетеней

для всех частных лиц и организаций, приславших протесты. Эти бюллетени должны подтверждать злодейское преступление Хиллстрема. Борьба есть борьба, все средства в ней хороши.

Предложение Стропа понравилось Спраку, чаще всех других членов комитета помилований получавшему протесты. Губернатор много думал над этим и давно искал способа, как оградить себя от нахлынувшего потока писем. А типографий, владельцами которых были надежные люди, могли выпустить любое количество ответных листовок.

— В вечернем выпуске «Денвер пост» я прочитал открытый вызов адвоката Хилтона нашему комитету, — заметил Барнес. — Хилтон выступает с требованием опровергнуть клевету на своего подзащитного. Он предлагает публично обсудить факты, связанные с делом Хиллстрема, в любое время и в любом городе Соединенных Штатов в присутствии любого из членов нашего комитета.

— Мы не можем допустить нового разбирательства, если даже в руки правосудия отдастся настоящий убийца Моррисона, — внятно произнес Спрай, поочередно переводя взгляд с одного члена комитета на другого.

Строп втянул в плечи маленькую голову. Бледно-зеленое лицо Маккарти растерянно вытянулось.

Каждый из них понимал это и раньше, но ни один не решался выговорить вслух три последние слова, которые с намерением произнес Спрай, чтобы внести во все полную ясность. Все пятеро знали, что совершена несправедливость, но сознание «вышей необходимости» заглушало в каждом из них сочувствие к жертве правосудия.

— А если мы заменим смертный приговор пожизненным заключением? — предложил Барнес.

— Нет! Нет! — запротестовал Строп. — Стоит только нам сделать небольшую уступку, и поблажка может вызвать новые осложнения. Ирмовцы воспрянут духом, и начнется такое, что и сам черт не разберет.

— Я полагаю, надо отложить исполнение смертного приговора до того времени, как улягутся страсти, — подытожил Спрай.

Ни один из них не желал изменить им самим принятое прежде решение. Все должно идти прежним порядком: приговоренный к казни должен умереть.

— А если адвокат Хилтон устроит разбирательство без

нашего участия? — выдвинул Барнес новое предположение.

— Мы посчитаем все факты, которые он выдвинет, действительными, если разбирательство будет происходить за пределами штата Юта, — первым нашелся Строп. — А в нашем штате, я думаю, господин губернатор, вы не позволите ему открыть собственный суд?

— Голос защитника Хилтона раздастся в зале судебных заседаний в пределах штата Юта в том случае, если он предстанет в качестве обвиняемого, — усмехнулся Спрай.

— А не лучше ли кончить все в назначенный срок? — поднял голову Фрик. — Шериф Корблес с таким трудом панял стрелков. Найти парней для этого дела — не простая штука. Как теперь быть с ними?

— Стрелков Корблес не должен отпускать, — ответил губернатор. — А чтобы не бездельничали парни, пусть займет их тренировкой в стрельбе.

Тускло мерцали угли в камине, подернутые серым пеплом. Уродливые тени метались по стенам.

11

Караул наблюдения за смертником спял. Хилл с благодарностью думал о друзьях, продолжавших борьбу за его жизнь и сумевших добиться отсрочки.

Стали приходиться письма, хотя свиданий, как прежде, не разрешали. Первым написал Хиллу пятилетний Бастер Гарли. В голубом конверте он прислал фотографию. Хилл не смог удержать улыбку, когда глянул на нее. Верхом на пони, крепко держась за лохматую гриву, сидел мальчик. Он смело и весело взирал на окружающий мир, пони грустно глядел себе под ноги.

Хилл выбрал лист самой плотной бумаги и крупными печатными буквами написал стихи:

Твой снимок, Бастер дорогой,
Где ты верхом на пони,
Я получил. Твой конь живой,
А не игрушка-конь!
Мужчиной став, всегда умея
Как следует дать сдачи,
Но хвастать этим ты не смей,
Как Тедди-бык — удачей.
И вот на запад, как ковбой
Из книжки, ты помчишь,
Но не свались с коня, родной,
Не ушибись, малыш!

Когда-то Хилл рисовал карикатуры. Ему захотелось проверить себя, не разучился ли в тюрьме владеть карандашом. Вместо подписи под стихами он сделал рисунок. Хилл набросал полосатую смешную лошадь и ковбоя в широкополой шляпе, сидящего на ней верхом. В воздухе взвилась петля лассо, которую крепко сжимал в руке ковбой. Чтобы дополнить картину прерий, Хилл нарисовал на заднем плане гремучую змею с высоко поднятой головой и кактусы...

Из газет Хилл узнал, что Элизабет добилаcь аудиенции у президента, после чего тот послал вторую телеграмму губернатору Спраю. Он просил еще раз тщательно разобрать дело Хиллстрема. В газете «Хералд-Рипаблик» Хилл прочел ответ губернатора Спрая президенту Вильсону и лишний раз убедился, что не следует ждать от комитета помилований ни правосудия, ни милосердия.

Напрасными оказались усилия друзей и возмущение шведских граждан, живущих в Америке, и заступничество посланника Экенгрена.

Депь казни приближался неотвратимо. Накопец наступило утро, когда Хиллу объявили:

— Вечером вы получите свидание с секретарем отделения ИРМ.

«На этот раз «Джон-закон», видно, не шутит, — горестно усмехнулся Хилл. — Теперь уж бесповоротно решили убраться меня».

Сознание близкой смерти омрачило радость предстоящей встречи с Эдом Роуэном. В течение многих месяцев Хилл стремился увидеться с ним. Ведь о многом предстояло поговорить. Хилл понимал: разговор теперь будет тяжелый. «Эд, наверно, знает о том, что произойдет завтра... Сможет ли он держаться как надо?» — встревожился Хилл.

Весь день он писал прощальные письма. Потом сел писать завещание. Ум его был, как никогда, ясен, и мысли ложились на бумагу простые и четкие. Ему казалось, что в них и заключался главный смысл того, во имя чего он жил на земле и во имя чего умрет.

Хилл сидел на кровати и, положив на колени толстую тетрадь в клепчатом переплете, усердно писал. Дважды входил в камеру Дарст. Он принес сперва чистое белье,

потом сытный обед. Хилл не замечал присутствия тюремщика...

О завещании ли думать мне,
Коль нечего делить родне?
А тело? Был бы выбор мой,
Я сжег бы в пепел огневой,
Чтоб ветры весело в полях
Цветам рассеяли мой прах.
Чтоб увядающий цветок
Опять воскреснуть к жизни мог.
Вот все, о чем бы я просил.
Желаю счастья дам. Джо Хилл.

Закончив писать, Хилл вырвал из тетради листок, сложил его вчетверо и положил в нагрудный карман блузы...

Как ни напрягал Хилл усилия воли, а все же не мог не думать о завтрашнем дне. Шагая по коридору впереди караульного, он отчетливо различал тревожный грохот сердца... «В последний раз я увижу сейчас своего друга».

Эд Роуэн стоял лицом к Хиллу. При виде товарища он с трудом удержался, чтобы не выдать своего изумления. Перед ним стоял живой скелет, обтянутый кожей. Роуэн подошел ближе. Две толстые железные решетки и несколько футов расстояния отделяли их друг от друга. Они собирались высказать свои сокровенные мысли, накопившиеся за месяцы разлуки, но не находили нужных слов и молчали. На бледном лице Эда Роуэна был напряжен каждый мускул. Он изо всех сил старался быть твердым, но горькая улыбка кривила его тонкие губы.

— Как рука, Джо? — ласково спросил Роуэн, глядя на покалеченные пальцы, касавшиеся поперечных брусьев решетки.

— Служит пока, — не спеша отозвался Хилл.

— Я начал добиваться свидания, как только все узнал, — быстро сказал Роуэн. — Но как эту степу не прошибешь кулаком...

Он не договорил и снова устремил взгляд на Хилла. Роуэн хотел запомнить на всю жизнь выражение глаз друга, чтобы таким сохранить его в своей памяти.

— Этого часа я ждал двадцать два месяца... и всегда получал отказ, а теперь вот сами, — тихо произнес Хилл. Они оба подумали о том, что произойдет завтра.

— Мы так надеялись... — начал Роуэн и сразу осекся.

— Я бесконечно благодарен за то, что вы обо мне помнили. Теперь меня беспокоит только одно... Я не хочу

оставаться даже мертвым в штате Юта. Если удастся получить мое тело, то сожгите его, а пепел развейте по всей планете, кроме...

Хилл не договорил, уловив чуть заметное движение на лице Роуэна, и понял, что обидел его. Ведь кроме подлых врагов, не побрезговавших ничем, чтобы совершить преднамеренное убийство, в штате Юта останутся сотни друзей — рудокопов.

— Я бы не хотел...

— Все сделаем так, как ты желаешь, — промолвил Роуэн.

— Продолжайте наше доброе дело, Эд, которое мы делали вместе, и постарайтесь забыть меня, — негромко произнес Хилл. — Горечь утраты мешает бороться. Организуйтесь и действуйте! Как видишь, от меня остались лишь кожа да кости. Поэтому легко мне будет парить в межзвездном пространстве, — усмехнулся Хилл.

Роуэн видел перед собой друга, возвышавшегося над собственной смертью, и одновременно узнавал в нем прежнего Джо, веселого и жизнерадостного.

— Возьми себе на память, — сказал Хилл, снимая с шеи шелковый белый платок и протягивая его сквозь решетку.

— Спасибо, Джо, — с трудом выговорил Роуэн и протянул руку. Кончики его пальцев коснулись теплой ткани. Роуэн просунул руку по самое плечо и осторожно взял из рук Хилла шейный платок.

— Завещание мое пусть узнают все, письма отдай друзьям... — Он достал из кармана незапечатанные конверты с письмами и листок бумаги, вырванный из тетради и сложенный вчетверо. — Теперь я спокоен. Осталось только выспаться и встретить утро.

— Мы никогда не забудем тебя, Джо...

Роуэн больше не старался сдерживать себя. Губы его тряслись, лицо стало неузнаваемо.

Хилл сжал кулаки и потряс ими в воздухе:

— Прощай, Эд!

— Прощай, Джо!

Потом долго молча смотрели друг другу в глаза.

Хлестал дождь. Холодные брызги стегали Роуэна по разгоряченному лицу, скатывались за воротник блузы. Чавкала под ногами грязь. Не различая в темноте дороги,

походкой смертельно уставшего человека шагал он по пустырю вдоль мрачной тюремной стены. Отрывочные мысли проносились в сознании Роуэна. «С восходом солнца умрет лучший из друзей — и ничего нельзя сделать! Ничем невозможно помочь ему! Завтра не станет нашего Джо!»

Выбравшись на освещенную улицу, Роуэн повернул на южную окраину города. Он не мог находиться дома, когда смерть окончательно нависла над Хиллом. Роуэн решил отправиться в профсоюзный клуб, чтобы наедине с собой, как Джо в своей тесной камере, провести ночь.

На перекрестке двух улиц, примыкавших к рыночной площади, он увидел толпу людей. В жидком колеблющемся свете фонаря тускло блестели мокрые спины. На возвышении стоял оратор. Лица его не было видно Роуэну, но голос показался очень знакомым. Взмахивая рукой, оратор выкрикивал:

— Джо Хилл никогда не умрет! Вы слышите? Все слышите? Хилл никогда не умрет!

Роуэн остановился позади всех и, послушав немного, медленно зашагал прочь...

Профсоюзный клуб пустовал. В крайней комнате, откуда вышел Хилл в последний раз, все стояло на прежних местах: стол, книжный шкаф, стулья. «Все так и останется, а его завтра не будет», — подумал Роуэн.

Он осторожно вынул письма из нагрудного кармана. Верхний конверт промок. Он был адресован Элизабет Гарли Флинн. Роуэн не собирался читать письмо, но, чтобы просушить его, вынул листок из конверта и разложил на столе.

«Я просто не могу удержаться, чтобы не послать Вам еще несколько строк, — писал Хилл. — Вы были моим вдохновением и, когда я сочинял «Девушку-бунтарку», находились возле меня и помогали мне. Так как Вы подали идею, я передаю Вам теперь, когда меня уже нет, все права на эту песню, и обязательно разыщите на свете таких же девушек-бунтарок, как Вы, потому что они очень нужны людям.»

Я отдал карточку Бастера Хильде, и она посторожит, чтобы его пони не убежал.

С горячим рукопожатием через весь континент и с нежным «прощайте» остаюсь, как всегда, Вашим Джо Хиллом».

Роуэн невольно смутился оттого, что стал свидетелем

небольшой тайны, которую не успел, а может быть, не хотел поведать Джо.

За окном по-прежнему лил дождь. Крупные капли то-ропливо катились по мутному стеклу.

Роуэн ждал рассвета. Утром должен был явиться казначей отделения ИРМ Джордж Чайлд. Вдвоем они решили пойти к начальнику тюрьмы и потребовать тело Хилла.

13

В камере Хилл быстро разделся и лег. Впервые за всю жизнь у него не было никаких дел и не тяготило сознание незавершенности земных трудов. Но как перед самым тяжелым экзаменом, он хотел хорошо выспаться, чтобы утром проснуться бодрым и свежим.

Хилл не заметил, как уснул, но память его продолжала работать... Он увидел себя и сестренку в лесу, снизу доверху залитом солнечным светом. Высокие ели упирались в небо своими острыми вершинами. Клубящиеся колонны света колыхались в просветах между деревьями. В руках у него и сестренки большие корзины, сплетенные из ивовых прутьев. Они собирали еловые шишки. Серая в яблоках лошадь паслась на поляне. На земле, покрытой слоем пожелтевшей хвои, валялось много шишек, но тяжело было наклоняться, и корзины все оставались пустыми. Потом лошадь тихо приблизилась к нему, осторожно коснулась губами его плеча. Оборачиваться не хотелось. Лошадь подталкивала его все сильнее и настойчивей...

Хилл открыл глаза и сел. Щурясь от света, он удивленно смотрел на людей. Начальник тюрьмы Прэтт... шериф Корблес... тюремный врач Колвилл. Хилл стал одеваться.

Тщедушный низкорослый Колвилл приблизился к Хиллу. Врач был по плечо осужденному. Прослушав сердце, Колвилл спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Разве это имеет какое-нибудь значение? — усмехнулся Хилл.

Врач опустил глаза. Начальник тюрьмы о чем-то вполголоса переговаривался с шерифом Корблесом.

— По законам штата Юта вы имеете право выбрать любой вид казни, — обратился Прэтт к Хиллу. — Я в последний раз предоставляю вам возможность, если вы желаете, заменить расстрел виселицей.

— Я предпочитаю расстрел, — резко ответил Хилл, — ибо только так умирают войны. А я воин, плененный в классовой схватке.

Хилл с горечью сознавал, что последние минуты вынужден находиться среди чужих, враждебных ему людей. Он пошел к выходу неторопливо, как на утреннюю прогулку, мысленно отсчитывая собственные шаги, первым спустился по узкой винтовой лестнице на глухой тюремный двор.

Рассветало. Небо было по-прежнему пасмурно, слегка моросил дождь. Хилл догадался, что за стеной всходит солнце. Он огляделся и увидел пятерых мужчин в черных масках. Парни сбились в кучу и топтались на месте. Караульные принесли ружья, но дело почему-то затягивалось.

Нанятые для убийства были в растерянности. Перед ними с непокрытой головой стоял светловолосый и очень худой человек. Он был прямой и высокий. Он смотрел на них без тени страха, скорее с любопытством, словно случайный прохожий. Человек, которого нужно было убить, совсем не походил на преступника.

— Да поймите вы, олухи, только в четырех ружьях боевые патроны! — услышал Хилл недовольный возглас Корблеса. — В одном из них холостой патрон, каждый из вас вправе думать, что убил не он.

«Ловко придумано!» — удивился Хилл.

Надзиратель Дарст принес повязку на глаза и веревку. После быстрой ходьбы он задыхался, и его тучное тело тряслось в мучительном кашле.

— Я прошу не завязывать мне глаза и руки, — потребовал Хилл.

Какое-то время все молчали. Потом к Дарсту подошел начальник тюрьмы и приказал:

— Уберите веревку!

Пятеро в масках выстроились в ряд и взяли ружья на изготовку.

Двадцать футов расстояния отделяли Хилла от наведенных на него ружейных стволов. К нему подошел Колвилл. Он опять приставил к груди Хилла свой стетоскоп, отыскивал живое сердце и припался прикалывать к блузе напротив него клочок белой бумаги. Руки его тряслись, и он никак не мог открыть булавку.

— Постарайтесь, мистер Колвилл, тут нужна точность, — насмешливо проговорил Хилл.

Приколов бумажное сердце, Колвилл бочком отошел в сторону.

— Приготовиться! — поднял руку Корблес.

Хилл невозмутимо смотрел на стрелков. Изможденное лицо его слегка порозовело на свежем воздухе, глаза светились. Поверх ружейных стволов он увидел по-прежнему хмурое небо, а за спиной убийц — наблюдателей и репортеров.

Грохнул залп. Хилл покачнулся и упал прямо — лицом вперед. Из груди его хлынула кровь. И словно стремясь смыть ее с мокрых камней, полил дождь.

Тюремный врач приблизился к телу, наклонился и глухо произнес:

— Он мертв.

14

В мучительном ожидании выстрелов в сознании Роуэна вспыхнула надежда, что казни не будет. Ведь случилось так, что помилование объявляли за несколько минут до расстрела. Мысль о том, что Хилтон и Элизабет Флипп находятся в Вашингтоне и продолжают бороться, еще больше укрепляла внезапно появившуюся надежду.

Раскатистый залп прозвучал, будто грохот орудий в начавшейся схватке. Потом наступила тишина — жуткая, гнетущая, страшная.

— Его убили, Эд, — еле слышно промолвил Джордж Чайлд.

Окаменев, стояли они у ворот тюрьмы под дождем не в силах сдвинуться с места.

Роуэн смутно помнил, как вступили они во двор тюрьмы, поднимались по крутой лестнице и шли по коридорам, сопровождаемые взглядами надзирателей. В копторе их встретил Прэтт.

— Мы требуем выдать нам тело нашего Джо, — глухо, но твердо произнес Роуэн, стоя посреди комнаты.

— Я не смотрел еще законы по этому поводу, мистер Роуэн, — растерянно забормотал Прэтт. — Но я позвоню сейчас губернатору и выясню. Вы идите за ворота и ждите, я быстро дам знать, — засуетился он, прочитав в глазах Роуэна и Чайлда презрение и ненависть.

Ждать пришлось недолго. Вскоре появился незнакомый шериф и объявил:

— Вы можете прислать за Хиллстремом в любое время.

Когда тело Хилла поднимали с земли, в ушах Роуэна вновь раздался гулкий раскатистый залп. Он повторился еще раз, когда автомашина с телом убитого выезжала из ворот тюрьмы...

Хилла вымыли, одели и внесли в маленькую часовню.

Он лежал на столе в своем черном пиджаке со значком отделения ИРМ на лацкане. В колеблющемся мягком свете свечей тонкое лицо Хилла казалось живым. Роуэну, стоящему в карауле, казалось, что вот-вот появится на нем ироническая усмешка и Хилл тихо промолвит: «Зачем это, Эд?»

Через раскрытые двери часовни доносятся с улицы слова песни, написанной Хиллом:

Коль не хочешь быть рабом наемным,
Вступай в Индустриальный наш союз.
Не хочешь нищим быть, голодным и бездомным —
Иди в союз! Мужчиной будь, не трусы!

Это поет профсоюзный хор.

Мимо гроба бесшумно проходят рудокопы, одетые в черные пиджаки. Роуэн узнает товарищей, членов ИРМ. У изголовья поэта вырастает гора алых гвоздик.

Роуэн с трудом узнал в высоком седом человеке Орри-па Хилтона. Глаза адвоката скорбно смотрели на Хилла.

Проводив его взглядом до двери, Роуэн заметил, что Хилтон остановился в углу часовни, видимо желая сказать ему что-то.

Как только вступил в караул Джордж Чайлд, Роуэн подошел к Хилтону, осторожно взял его под руку. Они вышли на улицу.

— Где собираетесь хоронить? — тихо спросил Хилтон.

— Мы хотели завтра везти его в штат Вайоминг, а сегодня получили телеграмму от Хейвуда, — сказал Роуэн. — Он сообщил нам, что кремация и похороны будут в Чикаго.

— А я думал похоронить Хиллстрема в Денвере, рядом с моими близкими, — печально произнес Хилтон.

— Джо написал завещание, — замялся Роуэн. — Он просит развеять пепел по свету...

— Да, да... теперь я понимаю... В Денвере ему было бы тесно.

Он попрощался с Роуэном и устало зашагал к отелю.

«Нет! Не все для меня кончилось! — подумал Хя-тон.— Я поеду в Чикаго и расскажу на похоронах все, что знаю об этом чудовищном деле. Я распутаю хитро-сплетение продажных судей и докажу, что в штате Юта совершено неслыханное преступление».

о серой поверхности моря стремительно неслись шесть светлых всплесков, поднятых гребными винтами, утреннюю тишину буравил грохот моторов — отряд торпедных катеров шел из бухты Койвукюля на перехват немецких транспортов. Как стало известно из сообщения воздушной разведки, вражеский конвой взял курс в Ирбенский пролив, чтобы высадить десант в Моопзунде.

Катер лейтенанта Хлебникова шел головным.

На козырьке боевой рубки, в двух шагах от Хлебникова, находился командир отряда капитан-лейтенант Росинов.

— Слева сорок, дистанция семьдесят кабельтовых — силуэты кораблей! — закричал боцман Журавин, наблюдавший за поверхностью моря в носовом секторе.

— Я ничего не вижу, боцман! — насторожился Хлебников. Он всматривался в полоску, где небо сливалось с морем.

— Поглядите левее, — подсказал Журавин.

Хлебников различил три крохотных черных крестика.

— Однако глазаст ты, Журавин, — похвалил он боцмана.

Торпедные катера легли на курс сближения.

Из облачка всплыли еще четыре едва заметных силуэта. Потом еще и еще. Они постепенно вырастали. Стали заметны трубы, мачты, надстройки. Хлебников мог уже определить их класс и тип, примерную скорость и курс.

Ветер стих, и дымы из труб кораблей

поднимались вертикально вверх. По ним лейтенант стал считать, сколько идет транспортов и самоходных барж внутри конвоя кораблей охранения.

«Хорошо, что можно выйти в атаку со стороны солнца, — подумал Хлебников. — Косые лучи будут слепить глаза пемцам и не дадут поймать нас в прицел».

Лейтенант увидел три эскадренных миноносца вблизи берега острова Сааремаа. Обрадовался. Это были свои.

Эсминцы шли параллельным курсом, навстречу вражескому конвою.

Маскируясь в огненных бликах, торпедные катера продолжали идти прежним курсом, все еще не замеченные противником.

Немецкие корабли настолько приблизились, что стал виден белый бурун, поднятый форштевнем головного миноносца.

Конвой шел тем же курсом, словно никакая опасность ему не угрожала. Наступило время открыть огонь по атакующим катерам, а вражеские пушки молчали.

«Они нас не видят!» — догадался Хлебников.

— Сбавить обороты! — приказал Росинов.

Катер уменьшил ход.

— С головного миноносца передают «ферт»-«ша»-«буки», — доложил Журавин. Из-за шума моторов Хлебников ничего не расслышал. Бодман повторил громче: — Стучат по морзянке! Что делать?

— Передай им те же буквы! — приказал командир отряда.

— За своих принимают! — возликовал Хлебников. — Если бы удалось выиграть еще две-три минуты!

2

Старший лейтенант Раев выбрал в строю походного ордера большой трехтрубный транспорт. У судна были широкие обводы и высокий ходовой мостик. Железная громадина чем-то напоминала утюг. Транспорт был перегружен и глубоко ушел в воду.

«В его чреве тысячи снарядов», — с удовлетворением отметил старший лейтенант. Он повернул катер чуть влево. В прорези торпедного прицела появился крутой высокий форштевень.

— Получили радио: «Поставить дымовую завесу!» — крикнул на ухо Раеву бодман Флюгов.

— Передай Росинову: «Не работает аппаратура», — ответил старший лейтенант.

У Раева барахлило что-то. Но Флюгов заверил:

— Дым будет.

— Выполняйте приказание! — обрезал командир бочмана.

— Почему? — удивился Флюгов.

Раев ему не ответил.

Нет ничего опаснее во время атаки, чем быть дымзавесчиком. Весь огонь немцы обрушивают на него, чтобы не дать возможности закрыть завесой другие «москиты».

Старший лейтенант считал себя опытным торпедником и этим старался оправдаться перед собой. «И что за блажь вынудила Росинова назначать мой катер в дымзавесчики? — возмущался Раев. — Он ведь знает, что точнее, чем я, вряд ли кто выйдет на цель. А начнешь ставить дым и упустишь удачу...»

Старший лейтенант шел третьим после головного. Мимо него стремительно пронесся катер Афонина, назначенный поставить дымзавесу. Он вырвался вперед и повернул вправо. За его кормой за клубился желто-белый дым. Немецкие миноносцы открыли огонь по дымзавесчику.

Пройдя сквозь дым, Раев снова увидел в прорези прицела нос тяжело нагруженного транспорта. Дистанция до него не превышала десяти кабельтовых.

«Выстрелю двумя торпедами сразу: все равно не удастся прорваться к нему еще раз», — подумал Раев. Он помнил, как перед боем Росинов приказал экономить торпеды и залповую стрельбу не применять.

Строй немецкого конвоя сломался. Один транспорт резко повернул вправо, уклоняясь от чьей-то торпеды, и спрятался за миноносец.

Подойдя ближе, Раев рассчитал торпедный треугольник и лег на боевой курс. Нужно было атаковать с псовых курсовых углов. В прорези катерного прицела обозначился борт транспорта. Старший лейтенант разглядел на палубе танки, прикрытые брезентовыми чехлами.

Он резким движением перевел переключатель в положение «залп» и выстрелил. Торпеды выскользнули из желоба и плюхнулись в воду. Вот они вынырнули на поверхность и снова исчезли.

«Плохо пошли!» — расстроился Раев, заметив метнувшуюся из воды головку боевого зарядного отделения. Светлая пузырчатая дорожка потянулась к транспорту.

Секунды тянулись медленно; казалось, торпеда пройдет мимо, взрыва не будет. А снаряды рвались совсем близко. Осколки в нескольких местах прошили тонкую дюралевую обшивку.

Раев вдруг почувствовал, что воротник его кителя стал тесен. Он попытался расстегнуть крючки, но пальцы не слушались.

И, словно в награду за все, раздался грохот взрыва:

— Я подбит, не имею хода, прикройте меня дыма-весой! — прозвучал в наушниках голос Росипова.

Раев резко отвернул и лег на курс отхода. В сплошном дыму не видно было поблизости катера Хлебникова. Раев не знал также, где находятся остальные. Он шел, стараясь быть в стороне от огневого шквала. Этот путь оказался длиннее. Старший лейтенант мог не успеть оказать помощь гибнущему катеру Хлебникова и выручить командира отряда. Он это знал, но продолжал двигаться тем же курсом, уходя все дальше от разрывов.

3

Водяные всплески, расцветенные изнутри багровым пламенем, вставали впереди катера Хлебникова. Он все чаще менял курс и старался идти прямо на взрывы. Воздух сотрясали грохот и свист летящих осколков.

Огонь открыла тяжелая береговая батарея. Всплески поднялись из воды в центре немецкого конвоя.

«Молодцы!» — похвалил Хлебников. В ту же минуту блеснули вспышки на наших эскадренных миноносцах. В бой вступили легкие силы.

Со стороны суши показались штурмовики. Они перестроились и начали прицельное бомбометание. Самолеты стремительно снижались и с малой высоты бросали бомбы на немецкие корабли. Хлебников вынужден был все чаще переключивать руль. Его катер пробивался к десантным судам сквозь огневой шквал.

— Который транспорт мой, товарищ капитан-лейтенант? — спросил Хлебников.

— Выбирай любого! — крикнул в ответ Росинов.

Для Хлебникова ничего уже не существовало в тот миг, кроме подвигавшейся на него армады вражеских кораблей. Его катер и ближний немецкий минопосец сходились все стремительнее.

Две кильватерные колонны транспортов шли сомкнутым строем, не меняя ни скорости, ни курса. Немцы были уверены в успехе задуманной операции, так как силы русских были незначительны.

Хлебников испытывал непривычное радостное возбуждение. Вот все ближе и ближе к нему вражеский миноносец. Нужно проскочить мимо него и ворваться внутрь конвоя, чего бы это ни стоило! Лейтенант прищелкнул глазом к торпедному прицелу, поймал в прорезь нос миноносца. Светлые молнии отрывались от его левого борта и кормовой надстройки. Это летели снаряды навстречу атакующему катеру. «Еще немного, и катер выйдет из опасной зоны!» — подумал Хлебников.

Лейтенант то и дело менял курс и каждый раз приказывал Журавину поставить отсечную дымовую завесу. Но немецкий командир, словно угадывая его намерение, повторял маневр — и миноносец продолжал хлестать по катеру частыми залпами.

«Если не сумею прорваться, то всажу ему в борт торпеду! — прикидывал Хлебников. — А уж второй отправлю на дно концевой транспорт...» После удачного маневра миноносец остался за кормой торпедного катера. Впереди показался тяжело нагруженный транспорт. На его мостике уже заметили надвигающуюся опасность. Транспорт резко вильнул вправо и дал самый полный ход.

«Не уйдешь!»

Перекрестие нитей прицела разрезало широкую корму транспорта на две равные доли. У Хлебникова было такое чувство, будто все прошлые месяцы он ждал этой минуты. Он уже не замечал ни оказавшихся вблизи двух немецких сторожевиков, начавших ставить огневой заслон по его курсу, ни командира отряда, который с силой сжимал ему локоть, приказывая выстрелить торпедой.

«Пройду еще немного, чуточку поближе, — и тогда уж наверняка!» — прикидывал Хлебников.

Транспорт уходил зигзагом, пытаясь спастись. В прорези торпедного прицела появлялись то борт, то корма. На верхней палубе транспорта в панике метались солдаты с ранцами за спиной... В последний раз он подставил широкий борт. В него и вошла торпеда.

Хлебников не расслышал грохота взрыва, но когда дым рассеялся, он увидел рваную пробойну в высоком железном корпусе. Транспорт топул, опускаясь все глубже в воду.

Снаряд прошел сквозь палубу и взорвался в кормовом отсеке катера. Взрывом разворотило правый мотор и пробило у левого водяной коллектор.

Теперь он стоял без движения, слегка разворачиваемый ветром, не способный произвести выстрел второй торпедой. От походного строя немецких кораблей отделился миноносец. Вокруг подбитого катера перестали рваться снаряды.

«Хотят живыми в плен взять», — подумал Хлебников.

— Катер приготовить к взрыву? — произнес он сдавленным голосом.

— Нет, пока не нужно! — не сразу ответил Росинов. — Усильте огонь из пулеметов.

Хлебникову не давала покоя мысль, что не чей-то другой, а его катер потерял ход в самый ответственный момент. Да еще вместе с ним попал в беду командир отряда.

Миноносец продолжал приближаться к подбитому катеру.

Росинов почему-то еще надеялся, что миноносец не осмелится подойти. Отвернет. Он не хотел выводить из боя ни один катер. И все же пришлось передать по радио сигнал об оказании помощи.

Раньше всех появился Афонин. Одной торпедой главстаршина поразил сторожевик, вторая прошла мимо. Он уже оторвался от немцев, когда получил радиogramму от командира отряда. Закрыв катер Хлебникова дымовой завесой, Афонин вышел в ложную торпедную атаку. Какое-то время немец продолжал идти на сближение. Но нервы у фашистов не выдержали. Миноносец круто отвернул и стал уходить.

...Как только миновала опасность, Хлебников заглянул в моторный отсек. Через пробитые внутри катера, бурля и пенясь, поступала вода. Моторист Васин, обняв руками пробитый водяной коллектор, неподвижно лежал вниз лицом на залитых кипящей водой паёлах. На волосах у него темнела кровь. Хлебникову вначале показалось, что Васин только ранен.

— Что с ним? — спросил Росинов. Он смотрел на обожженные руки Васина.

Хлебников осторожно поднял голову моториста. Глянул в его потускневшие глаза. Долго щупал пульс, пытаясь уловить биение.

— Он мертв, — тихо произнес лейтенант.

— Поднимите его наверх, накройте корабельным флагом, — распорядился Росинов.

Из дыма показался катер Раева. Счастливое возбуждение после удачного попадания торпедой еще не прошло у него.

Капитан-лейтенант отрывисто бросил:

— Бери на буксир Хлебникова!

— Есть, взять на буксир, — невнятно произнес Раев.

Пока Журавин крепил буксирный конец к носовому кнехту, Раев и Хлебников успели поговорить...

— Тебя что, задело? — громко спросил командир звена, заметив на щеке лейтенанта следы крови.

— Нет, это моего моториста ранило, — ответил Хлебников. — Сначала осколком его... потом обожгло кипятком... Скончался.

— Как торпеды пошли? — заинтересовался Раев.

— Попал одной в концевой транспорт, — глухо произнес Хлебников, вытирая ладонью запачканное кровью лицо. — Вторую не успел выстрелить. А ты... как?

— Сначала попали плохо, — протянул Раев. — Почему-то высупулись из воды головки зарядных отделений. Но попадание оказалось на редкость точное. — Он улыбнулся, довольный удачей. — Переломился надвое транспорт. Вероятнее всего, сдетонировал боезапас, либо взорвались котлы.

— Сразу обоими выстрелил? — удивился Хлебников.

— Нет, одну за другой выпустил, — замялся Раев. Ему стало неловко оттого, что сказал неправду.

Они помолчали.

— Будет мне сегодня мороки с тобой. — Раев перевел разговор на другое.

— Я бы рад своим ходом... — Лейтенант догадался, что Раев недоволен тем, что назначен в буксировщики.

Остальные катера получили более серьезные повреждения, чем Раев. Все знали об этом. Но катер Хлебникова был из другого звена, а расхлебывать чужую кашу приходится ему, Раеву.

Поредевший конвой повернул прочь. Не удалось немцам высадить десант на острова. На месте боя остались несколько миноносцев и сторожевиков да два тонущих

транспорта. На одном из них бушевал пожар. Пламя охватило всю верхнюю палубу. Второй транспорт, задрав к небу тупой форштевень, обнажил красное днище...

Отряд находился в двадцати семи милях от Койвукюля, когда приняли по радио приказ: «Следовать в бухту Рынту».

В рыбацкой гавани Койвукюля, откуда вышел отряд в поисковую операцию, осталась стоять возле причала самоходная баржа, нагруженная боевыми торпедами. Там же находилось все имущество отряда.

Необходимо было послать туда катер для охраны баржи во время перехода к новому месту базирования.

Какое-то время Росинов задумчиво смотрел на лист бумаги с текстом радиогаммы. Он прикидывал: кого послать? Все катера были неисправны.

— Отряд пойдет в Моонаунд, Раев, тебе придется следовать в Койвукюля, — сказал Росинов старшему лейтенанту. — Проверь, чтобы погрузили на баржу оставшийся боезапас и все наше имущество. На переходе будешь охранять ее. В случае нападения самолетов в первую очередь ты должен оградить баржу. Без торпед — сам знаешь — мы никому не нужны.

— А как... с ним? — Раев кивнул на буксируемый катер Хлебникова.

— Придется дотащить до Койвукюля. Потом его поволочет самоходная баржа.

Раев невесело усмехнулся, поглядел в небо. Росинов понял: командир звена не на шутку встревожен.

В синей дымке высились над водой острова Моонаундского архипелага. Их много — больше тысячи. Они отделены один от другого неглубокими проливами.

Торпедные катера обогнули невысокий мыс и медленно вошли в закрытую бухту. На пригорке шелестели листвою клены старинного парка. В глубине бухты чернело каменное здание с узкими окнами. Это был заброшенный баронский замок.

Берега бухты поросли березой, ольхой и осинной. В конце бухты виднелся заброшенный причал.

Росинов первым ступил на берег. Доски причала были серые, как заброшенные дома. Сквозь щели темнела вода. Деревянные сваи позеленели. Местами их проела гниль.

«Придется поменять больше половины досок, но такими же старыми», — прикидывал Росинов.

...Капитан-лейтенант шел по заброшенному полотну узкоколейки, от которой остались одни только шпалы да куски заржавленных рельсов, кое-где прихваченные костылями.

Железная дорога когда-то соединяла причал с береговой батареей. Теперь она вся поросла травой и деревцами. Неожиданно Росинов наткнулся на стройную, тоненькую белую березку и остановился. Она поднялась на полотне узкоколейки, выломав полустгнившую шпалу и вздыбив кусок красного рельса.

«Вот сила жизни!» — в восхищении подумал капитан-лейтенант.

Встречный бой

1

«Не нравится мне эта прогулка», — думал Раев, оглядывая чистое небо.

За кормой метрах в пятнадцати тащился подбитый в бою катер Хлебникова.

До бухты Койвукюля шли долго...

У опустевшего пирса одиноко стояла самоходная баржа. В ее трюм опускали ящики с патронами и запасными частями к катерным моторам. На мостике в своей неизменной позе возвышался капитан Ян Веборн. Зажав потухшую трубку в углу рта, он молча управлял погрузкой.

— Сколько времени еще понадобится вам? — окликнул Раев молчаливого шкипера.

— Может, полчаса либо чуть больше, — невозмутимо проговорил капитан, стиснув трубку в руке. — Слышите, стреляют?

Раев прислушался. Издалека доносились приглушенные автоматные очереди, взрывы ручных гранат. Судя по звукам, бой перемещался в сторону гавани.

Капитан вызвал механика Айвара Волдиса. На мостик петоропливой походкой поднялся сутулый датыш. Он па ходу вытер ветошью руки, молча уставился на капитана. Лицо у него было темное, морщинистое, глаза усталые, грустные.

— Как машины? — спросил капитан.

— В порядке, Яп, — ровным голосом произнес Волдис.

Из машинного отделения доносился уверенный шум работающих механизмов.

— Надо выходить в море...— начал капитан. И не договорил. Вблизи гавани начали рваться снаряды.

— Через четверть часа машины будут прогреты,— спокойно, будто речь шла о чем-то обычном, проговорил Волдис.

В трюм, где находились торпеды и боезапас к пулеметам, уже грузили макароны и сахар, крупу и консервы. Поверх ящиков с продовольствием складывали матрасы и одеяла.

На верхнюю палубу выбежала буфетчица Аустма. Увидев Раева, она остановилась, растерянно посмотрела на него.

— А где другие катера? — спросила девушка.

— Ушли.

— А вы?

— Я буду охранять вас,— ответил Раев.

— Приходите обедать к нам,— пригласила Аустма.

— Спасибо.— Командир звел слишком внимательно разглядывал девушку.— Только вряд ли мы успеем здесь пообедать.

И словно в подтверждение его слов, вдалеке от шкиперского сарая взорвался снаряд. Облако пыли и дыма медленно пронесло ветром мимо баржи.

— Не страшно? — спросил Раев после того, как еще один взрыв прогрехотал около склада боепитания.

— Нисколько,— пожала плечами Аустма.— Я была под бомбежкой. Там пострашнее...

Самоходная баржа стала отходить от стенки.

2

Хлебников по-прежнему находился в боевой рубке своего подбитого катера. Он в раздумье смотрел на провисавший до воды буксирный трос и все больше хмурился.

Лейтенант упорно думал о бое, из которого не смог выйти своим ходом и оказался теперь на буксире у тихоходной баржи.

Так славно началась торпедная атака и так скверно закончилась! Хлебников старался понять, в какой момент совершил неверный маневр и подставил катер под немецкий снаряд. Мысленно он сопоставлял курсы, которыми шел, чтобы поразить еще один транспорт оставшейся в желобе торпедой. Выходило, что все маневры были верные, а в результате катер вышел из строя.

Лейтенант рассчитывал, что сумеет за неделю отремонтировать оба мотора и опять начнет выходить в море. Пробоины в переборках были уже заделаны. Вода перестала поступать внутрь. Но Хлебников продолжал беспокоиться, как бы не сорвало деревянные чопы и не хлынула опять вода. Время от времени он выбирался из рубки и спускался в моторный отсек, чтобы посмотреть, все ли в порядке. Там неотлучно находился механик Шарков.

— Выдержат... чопы? — спросил Хлебников у механика.

— А куда они денутся, выдержат, — заверил Шарков командира. — Вот только самолеты ихние не налетели бы. На таком ходу они сразу накроют.

— Бродя бы неоткуда взяться им здесь, — неуверенно произнес Хлебников, испытывая смутное беспокойство.

Вернувшись в боевую рубку, лейтенант внимательно поглядел вокруг и снова углубился в свои невеселые мысли. Какое-то время он видел только корму впереди идущего судна с надписью: «Миного» — и провисавший в воздухе трос.

Неожиданно на палубу баржи выскочила Аустма. Она выплеснула что-то за борт из медной кастрюли, мельком посмотрела на буксируемый катер и повернула обратно.

Лейтенант провожал девушку взглядом, пока она не скрылась из виду.

Никогда ему не приходило в голову, что Аустма сможет увидеть его в таком положении. В вихре пены и брызг, на полном ходу катера — вот как он хотел появиться перед ее изумленным взором.

Аустма понравилась Хлебникову сразу, как только пришла в отряд. Он чаще, чем другие катерники, заходил на баржу, хотя и не было в этом нужды. Лейтенант направлялся туда с твердым намерением найти повод и заговорить с ней. Но как только она появлялась поблизости, он начинал испытывать противное чувство неловкости и не знал, как и с чего начать.

Так и не удалось Хлебникову ни разу поговорить с ней. Он даже не слышал, как звучит ее голос.

3

Катер Раева шел впереди баржи, держа курс на архипелаг. Старший лейтенант старался находиться от нее неподалеку. Время от времени ему приходилось глушить

моторы. Самый малый ход катера превышал полную скорость сильно перегруженной баржи.

Над морем стояло безветрие. Солнце заливало всю ширь его щедрым светом. «Бывало, светлого дня не увидишь, а тут светит и светит! — думал Раев. — Ветерок бы хоть слабеющий поднялся да туч нанесло!»

Немецкие самолеты могли появиться в любую минуту.

«Налетят — верный гроб», — рассуждал про себя старший лейтенант.

Бедна навалилась не с воздуха. Прошли уже больше половины пути, и стали заметны неясные очертания острова, когда появились на горизонте пять торпедных катеров. Они увидели крупный остов баржи и устремились на нее.

Раев дал катеру полный ход. Десять спаренных пулеметов противника открыли огонь. Разноцветные трассы широким веером хлестали с пяти направлений. Они сходились в том месте, где метался в пене и брызгах катер Раева. Старший лейтенант стал маневрировать, стараясь не подпустить немцев к нагруженной торпедами самоходной барже. Он все время менял курс и скорость, но пулеметные трассы находили его катер...

Немцы отжимали Раева все дальше от самоходной баржи.

Лишенный маневра, катер Хлебникова попал под перекрестный огонь и загорелся. Раев лег на курс по направлению к нему, но немцы, вероятно, разгадали его намерение. Десять спаренных пулеметов стали хлестать снова, не давая возможности подойти к объятому пламенем катеру Хлебникова.

Вода вблизи борта вскипала от пулеметных очередей.

Пробиться Раев не смог.

Боевое задание не выполнено. Баржа — в руках немцев. Горит катер Хлебникова.

«Но разве я виноват, что немцев впятеро больше?» — старался оправдаться перед самим собой Раев.

Строительные работы в Рынту приближались к концу. Торпедники расширили причал, соорудили ложный пирс, поменяли гнилые доски, укрепили сваи. Оставалось только оборудовать дом для жилья, когда Раев пришварто-

вался у стенки и вступил на пирс. Ему навстречу шел командир отряда.

— Один? — спросил Росинов.

— Погибла баржа... и Хлебников тоже погиб, — ответил Раев.

— Как же так?..

Росинов смотрел на него в упор.

— Они свалились будто снег на голову, — начал рассказывать Раев. — Их было пять... пять катеров со спаренными пулеметами...

— Ну и что же? — грубо и резко оборвал его Росинов.

— Как — что?

Старший лейтенант осекся под жестким взглядом командира отряда.

— Что же мне оставалось делать? — спросил он после продолжительного молчания.

— Как — что?! Драться! — вспыхнул Росинов.

— Катер Хлебникова вспыхнул сразу, — нерешительно проговорил старший лейтенант, чтобы как-нибудь нарушить вновь наступившее молчание.

— Отряд остался без торпед!

Слова командира отряда услышали все, кто паходился поблизости.

Росинов, ни на кого не глядя, прошел в дежурную рубку. Капитан-лейтенант не в силах был поднять трубку и доложить командиву о случившемся. Он не решался сообщить ему о гибели баржи с торпедами.

Комдив знал, чем закончился дневной бой, и не предполагал, что на отряд Росинова обрушатся новые беды. Капитан-лейтенант был уверен, что ответ будет короткий и однозначный: «Где хотите берите торпеды, а к выходу на поиск катера ими обеспечьте! Хоть со дна моря достаньте!»

Не замечая никого, Росинов сошел с пирса, поднялся на горку. Пропагал мимо своей командирской землянки, заглянул в шкиперский сарай. Оттуда донесся прерывистый звук обстругиваемого дерева. Двое матросов, не оглянувшись, продолжали свою невеселую работу. Курчавилась и отлетала в стороны пахнущая смолой свежая стружка. Однообразно и тягуче звучало «вжиги-вжит, вжиги-вжит».

Трое погибших лежали тут же в углу, на разостланном брезенте. Там был полумрак, но по бело-голубому совсем

новому корабельному флагу, которым накрыли обожженное лицо и грудь, капитан-лейтенант угадал моториста Васьина.

«Нужно написать письмо родителям, рассказать, как все произошло... Непременно напишу и сегодня же отошлю... с первой оказией», — решил он, выбираясь из полумрака на солнечный свет.

Мысль о том, где и как достать торпеды, не давала покоя. Росинов не мог действовать через голову командира дивизиона. А торпеды хранились на флотских тыловых складах, где-то на материке. Доставить их на остров могли только по приказанию командования. Но на скорую доставку торпед рассчитывать трудно. Нужно было что-то предпринять. Но что?

«Со дна моря достаньте!» — неожиданно прозвучало в ушах. «А если попробовать? Ведь глубина невелика там».

И Росинов стал думать, как связаться с командиром порта Курессаре, чтобы затребовать в Рынту водолазный бот.

5

В машинном отделении вспыхнул пожар. Горящими парами Шаркову обожгло руки и лицо. Он упал. Пламя охватило отсек. Перекинулось на верхнюю палубу...

Огонь подбирался к турели. Там находился командир. Он стрелял из пулемета, заменив убитого пулеметчика.

Хлебников вступил в бой, как только немецкие торпедные катера подошли на дистанцию прицельной стрельбы. Он старался поддержать огнем своих пулеметов метавшийся под градом пуль катер Раева. Но тот отходил все дальше. Хлебников понял, что это конец, но продолжал вести бой.

Ему вдруг показалось, будто начали тлеть ботинки, так сильно жгло пятки.

— Ботман! Всем немедленно покинуть корабли! — приказал он.

Немцы подошли ближе. Хлебников собрался вставить новую ленту, но в лицо ему пахнуло жарким дымом, и он рукою закрыл глаза. В следующий миг лейтенант увидел, как загорелись сигнальные ракеты. Словно игрушечные, они вылетали из своих гнезд, с шипением и треском перекатывались по палубе, разбрасывая в стороны снопы разноцветных искр.

«Пора уходить!»

Журавин уже находился в полсотне метров от корабля. Хлебников пытался найти рядом с ним Шаркова, но дым и пламя мешали смотреть. Лейтенант выбрался из турели, хотел выпрыгнуть за борт, но увидел задраенный люк в моторный отсек. «Шарков остался там!»

Закрыв рукою лицо, лейтенант стал подбираться к люку. Едкий дым разъедал глаза. Было невыносимо жарко. Хлебников схватился за рукоятку люка и попытался его повернуть. Резкая боль обожгла ему пальцы. Уже тлела резиновая прокладка. Металлическая крышка прикипела к палубе. Открыть ее было невозможно.

И тогда Хлебников выпрыгнул за борт. Он успел отплыть не дальше полкабельтова, как взорвался бензин.

Немцы старались держаться в стороне от пожара. Заstopорив ход, они вели огонь по самоходной барже и не видели троих русских моряков.

Хлебников плыл на боку и старался не высываться из воды. Лейтенант находился уже далеко, когда взорвалась оставшаяся в желобе вторая торпеда. Врывом взметнуло вверх горящие обломки.

У Хлебникова болели глаза. Он никак не мог высискать на воде боцмана и радиста. Но внезапно лейтенант увидел Журавина и моториста Юрова совсем недалеко от себя. Радиста не было видно.

— Где Голошеин? — спросил Хлебников.

— Его убило в воде, — с трудом выговорил боцман.

Два немецких катера подошли к неподвижно стоявшей самоходной барже. Хлебников перевернулся на спину, чтобы немного передохнуть, и увидел, как немцы поднялись на палубу...

После боя

1

Механик Волдис нырнул в люк и наглухо задрал его изнутри. Трое немецких катерников, громко стуча подкованными ботинками, ходили по палубе. Волдис отчетливо слышал их голоса, когда они разговаривали, осматривая трюм.

Старик часто и подолгу бывал в Германии, когда плавал кочегаром на теплоходе при Ульманисе¹. Он немного знал немецкий язык.

¹ Ульманис — президент в буржуазной Латвии.

— Что у них в кузове, Курт? — спросил немец, находившийся наверху.

— Матрасы, одеяла, барахло разное, — ответил другой.

— Черт с ними; идем посмотрим, нет ли кого на мостике?

— Взорвать бы эту старую галошу.

— Сама потопет.

Немец неохотно выбрался из трюма. Шаги удалялись и вскоре стали едва слышны. Прошло еще некоторое время, и один за другим прозвучали два выстрела.

Волдис просидел еще с полчаса в темном отсеке после того, как немцы покинули баржу. Потом выглянул из люка и осторожно вылез на верхнюю палубу.

Механик обошел баржу с кормы до носа и не нашел пигде ни души. Он долго не решался подняться на ходовой мостик. Медленно, словно боясь разбудить кого-то, ступал Волдис по трапу, залитому кровью.

В углу, раскинув руки, лежал мертвый капитан Веборн. Крест-накрест упали рулевой и сигнальщик. Волдис понял, что немцы, поднявшись на мостик, пристрелили раненых.

Механик собрался было пойти в машинное отделение, но прежде заглянул в маленький кормовой кубрик. Там жила Аустма. В дальнем углу он заметил алую косынку. Ему показалось, будто кто-то пристально смотрит на него.

— Аустма! — громко позвал механик.

— Это я, дядюшка Айвар! — не сразу откликнулась девушка.

Они вдвоем отправились в машинное отделение. Там было по колено воды. Волдис повернул рукоятку пуска. Заработал водоотливной насос.

Одна машина была сильно повреждена пулями. Вторую Волдис остановил сам, когда немцы подходили к борту. Механик какое-то время не решался подойти к правой, по-видимому, исправной машине, чтобы проверить, работает ли она.

«Без хода — нам труба, — подумал Волдис. — Вода поднимется еще выше, в конце концов затопит отсеки, и баржа пойдет на дно».

Испытывая сильное волнение, сжал руками маховик пуска старый Айвар. Вначале он тронул его осторожно, легонько, словно боясь причинить боль. Потом повернул

колесо резким и сильным движением. Машина грузно вздохнула. Раздался ровный, ритмичный шум. «Работает!»

Волдис сразу выключил ее. Нужно было выкачать воду, дожидаться темноты и продолжать плавание.

Деревянными чопами, паклей и ветошью механик и Аустма целый день заделывали пулевые пробоины в корпусе. Уровень воды перестал повышаться. Но водоотливной насос работал плохо, и выкачать всю воду не удавалось.

К вечеру Волдис и Аустма совсем выбились из сил.

— Довольно, Аустма,— вздохнул механик и вытер рукавом мокрый лоб.

— А если затопит трюм? — неуверенно спросила Аустма.

— Теперь не затопит,— ответил Волдис.— Нам бы до Рынту как-нибудь доплести. Но если даже потащимся со скоростью четыре узла, то утром будем там,— словно пытаясь приободрить себя, продолжал механик.— Лишь бы немцев еще раз не встретить.

Волдис запустил машину. Стрелка на манометре стремительно пошла вправо и, покачавшись, остановилась, не доходя до красной черты. Механик проверил показания приборов на доске и сказал:

— Я поднимусь на мостик, Аустма, а ты побудь здесь...

— Что я должна делать... одна? — растерянно проговорила девушка.

— Смотреть за приборами,— спокойно произнес Волдис.— Как только вот эта стрелка начнет приближаться к красной черте, беги на мостик. А если поднимется вода и закроет фундамент машины, тоже дашь мне знать.

— Хорошо, дядюшка Айвар.

Волдис поднялся на мостик, стал к штурвалу. Рулевое хозяйство и компас были ему мало знакомы, но держать судно на курсе он научился еще в молодости.

В предвечерней дымке виднелся впереди остров Сааре-маа. Сипеватой расплывчатой массой возвышался он над водой. Волдис переложил руль вправо, чтобы направить судно на нужный курс. Баржа, сильно пакренившись, неуверенно стала поворачивать.

Зрение у Волдиса было слабое. Он очень боялся потерять из виду еле заметные очертания знакомого острова. Шли так медленно, что временами механику начинало

казаться, будто баржа стоит на одном месте. Через каждые четверть часа он спускался в машинное отделение и смотрел за показаниями приборов. Волдис внимательно прислушивался к тяжелому, ровному шуму машины, быстро замерял, насколько поднялась вода, и опять шел на мостик.

На рассвете самоходная баржа обогнула мыс и вошла в бухту Рынту.

2

Трое катерников держались вместе... Расстояние до земли сокращалось медленно. Но баржа заметно удалялась от них и становилась все меньше.

К вечеру моторист устал и все чаще останавливался. Потом стал заметно отставать.

— Плывите ко мне, Юров, я буду поддерживать вас! — приказал Хлебников.

Всю ночь они плыли, стремясь держаться одного направления, смутно различая чуть заметные контуры островов.

Рассвело...

Вначале послышался отдаленный шум мотора, потом все трое увидели на поверхности моря крохотный силуэт. Маленькое судно пло вдоль побережья в сторону Сааре-маа. Расстояние между ним и пловцами быстро сокращалось. Это был водолазный бот.

— Э-э-э! — заорал Журавин и поднял из воды руку.

Бот продолжал идти прежним курсом. На мостике стоял рулевой. Он был в дождевом плаще с капюшоном и в сапогах с загнутыми голенищами.

— Оглохли вы там, что ли?! — закричал боцман громче.

Трое пловцов выбрасывали из воды руки, поднимали головы, кричали. Бот повернул к ним. На палубу вышли двое водолазов. Старшина бота — он же рулевой — осторожно подвел корму. Водолазы спустили за борт железный трап.

Хлебников попытался подняться на палубу сам, но сорвался и протянул водолазам руку. Следом за ним вытащили из воды Журавина и Юрова.

— Куда вы идете? — спросил Хлебников.

— В Рынту, — ответил старшина. — Немцы потопили баржу с торпедами. Придется поднимать торпеды со дна.

— Эта баржа буксировала мой подбитый катер,— сказал Хлебников.— Катер сгорел, а баржа осталась. Вчера вечером она была еще на плаву.

— Черт знает какая перазбериха кругом! — Старшина вытащил пачку папирос из широченного голенища, долго разминал папироску короткими толстыми пальцами.

Водолазный фельдшер, худой, в очках, принес полбутылки спирту. Он поровну разлил его в железные кружки и дал выпить всем трем, чтобы согрелись.

Журавин залпом выпил весь спирт.

— Горяча, аж в пятки ударяет!

Юров отхлебнул один глоток, поперхнулся и лег на жпвот.

— По всему видно, немцы решили наступать на архипелаг с востока,— петоропливо проговорил старшина, одним глазом поглядывая на недопитый Хлебниковым спирт.— Вчера они захватили остров Вормси и ворвались еще на один островок в проливе между материком и Муху.

— Ну и что там творится теперь? — заинтересовался Хлебников.

— Немцы подтягивают технику и штурмовые батальоны,— неохотно ответил старшина и вытер ладонью сухой рот.— Остатки стрелковой роты на том островочке отошли к маяку и держатся у самой воды... за камнями.

Хлебников предложил старшине свой спирт. Тот помедлил малость и, не отпуская штурвала, взял кружку.

— У нас в Курессаре слышно, как бьет артиллерия на Муху,— продолжал старшина.— В штабе я был вчера. Там говорят, будто собираются наши выбивать немцев с островков в проливе Вооси-Курк.

Юрова затрясло. Фельдшер поднес к его посипевшим губам кружку со спиртом и попытался разжать ему зубы. Моторист отвел рукою кружку, лег снова лицом вниз на палубу.

Водолазный бот обогнул песчаную косу и стал поворачивать в бухту Рынту. Неторопливо побежали навстречу деревья, росшие на берегу у самой воды. Они были окутаны легким туманом и слегка розовели в лучах солнца.

Впереди показался ложный пирс. А чуть левее, где были замаскированы катера, стояла самоходная баржа.

— Что за чертовщина?! — поднял брови старшина бота. — Это же ваша посудина!

— Наша, — удивился Хлебников.

3

Усталый, раздраженный и злой, сидел Росинов в своей командирской землянке.

Благодаря лишь оплошности, которую допустили немецкие катерники, уцелела баржа с торпедами, остались в живых Хлебников, Журавин и Юров.

Капитан-лейтенант находился в нерешительности. Он не знал, что предпринять.

«Если отдать Раева под суд — это будет слишком жестоко, а если наказать своей властью — слишком мягко», — думал Росинов.

Гроза, нависшая над отрядом, пронеслась...

Командир отряда то брал под защиту Раева, то осуждал его, то снова оправдывал... Прошли уже сутки после того, как вернулись на базу Хлебников, Журавин и Юров, а он все еще не пришел ни к какому решению. Да и забот слишком много свалилось на него в те дни.

В Рынту не было ни дока, ни мастерской, а катера имели серьезные повреждения. Их следовало отправить на судоремонтный завод, но об этом теперь нельзя было и помышлять: к Таллину — главной базе флота — подходили немцы...

Невеселые мысли капитан-лейтенанта прервал неожиданный стук в дверь. Вошел Хлебников, ставший теперь безлошадным командиром.

Росинов поднял голову:

— Садись. Что у тебя?

— Я прошу списать меня из отряда, — сказал Хлебников.

Капитан-лейтенант бегло прочитал написанные скорописью слова на листке бумаги.

— Я не советую.

— Почему?

— Здесь ты нужнее.

— Но я ж без катера...

— Обстановка может измениться, и пришлют новые катера, — сказал Росинов. — А где я возьму командиров?

— Мне нельзя оставаться в отряде, — задумчиво произнес Хлебников. — Безделье вконец докопает.

— Я найду занятие,— пообещал Росинов. Ему вдруг пришло на ум сформировать роту обслуживания. В Рынту уже набралось человек двадцать матросов из береговых команд. Люди прибывали каждый день, а командира не было.

Капитан-лейтенант решил назначить на эту должность Хлебникова и оставить его в отряде. Тот с неохотой взял свой рапорт обратно, сухо буркнул:

— Незнакомое это мне дело.

— Ничего. Привыкнешь,— заключил Росинов.

Так Хлебников сделался командиром роты.

Какое-то время они молчали. Хлебников собрался уходить, но Росинов остановил его жестом.

— Что ты думаешь о последнем переходе из Койвукюля? — спросил командир отряда.

— Мне трудно судить.— Лейтенант пожал лишь плечами в ответ.— Со стороны виднее.

— На этот раз из меня тоже никудышный судья получился,— пожаловался Росинов.— Слишком много всяких «если бы»... Ты ответь мне прямо: Раев струсил?

— Не знаю,— уклонился от ответа Хлебников. Он не мог вымолвить слова обвинения, хотя понимал, что Раев не должен был выходить из боя до тех пор, пока не убедится, что защищать больше некого.

— Не можешь ответить? — не то с обидой, не то с горечью в голосе переспросил капитан-лейтенант.

— Не могу.

— Я тоже затрудняюсь сделать окончательный вывод.

4

Они находились вдвоем в тесной камерке канцелярии роты. Время было позднее. Матросы спали. Из барака, переоборудованного в матросский кубрик, доносился дружный храп.

Раев пришел неспроста к Хлебникову в такой поздний час. Ему хотелось «очиститься». Разговор должен был состояться с глазу на глаз, без свидетелей.

Оба испытывали неловкость.

— Скверно получилось,— первым нарушил молчание Раев.

— Да,— согласился Хлебников.

— И надо же так было случиться, что на нас с тобой и безобидную баржу напали немцы,— начал сокрушать-

ся старший лейтенант,—ведь могло же получиться так, что они не заметили бы нас?

— Могло,—протяжно вздохнул Хлебников.

Начавшийся разговор с командиром звена был ни к чему. Поздно махать кулаками, когда драка кончилась...

— Ты вправе на меня обижаться, что не сумел снять тебя,—изменившимся голосом произнес Раев.—Но я стремился к тебе прорваться...

— Полно, я не в обиде,—прервал его Хлебников.

Сказав это, лейтенант потупился. Он сознавал: несмотря ни на что, Раев обязан был действовать решительнее и биться до конца. Таков жестокий закон войны!

— И Росинов молчит, будто в рот воды набрал,—пожаловался Раев.—Такая неопределенность хуже всего...

— Ему не до тебя теперь,—сказал Хлебников.—Я видел сегодня, как он вместе с мотористами нес гребной винт в кузницу... Ремонт там идет вовсю!

— Я диву даюсь, как ловко мы вышли из такого безвыходного, казалось бы, положения,—повеселел неожиданно Раев.—Устроили сами подъемное устройство — и пикакой дон не нужен.

— Не было бронзы — нашли на свалке металлолома у летчиков,—подхватил Хлебников.—Матросы сами латают пробойны! Ну, молодцы!

— Пройдет неделя-другая, и отряд снова начнет выходить в море,—сказал Раев и осекся, заметив, как изменился в лице Хлебников.

— Да-а,—невесело протянул лейтенант. Он знал, что не скоро теперь выйдет в море.

Они поговорили еще немного, но разговор между ними не клеился.

Б

Не проходило дня, чтобы в Рынту не появился кто-нибудь новый из расформированных. Приходили кто с чемоданом командира, кто с вещмешками со специальными принадлежностями, а кто с гитарой. Случалось, моряки рассказывали такие небылицы о совершенных подвигах, что оставалось только строчить наградные.

Из раскрытых дверей сарая, где они жили, доносился по вечерам переливчатый звон гитары. Звучала на весь пирс мелодия разудалой моряцкой песни о бодмане Биле, о старом корабле, уходящем в жаркие страны...

Хлебников каждое утро являлся к Росипову с докладом.

— Что делать с архаровцами? — возмущался лейтенант. — Они не имеют понятия, что такое дисциплина! Это же клешники! Привыкли по бульварам шлепать да на счетах щелкать. Метлу они называют карандашом, отпорный крюк — ручкой.

— Были случаи невыполнения приказаний? — вспыхнул капитан-лейтенант.

— Да.

— Придется отдать в трибунал одного либо двоих самых злостных разгильдяев! — раздраженно проговорил Росинов. — В противном случае пагубный пример неповиновения может перекинуться на других.

Были среди матросов разудалые, лихие парни, честно прослужившие по несколько лет на берегу, но не знавшие трудностей плавания и не имевшие понятия, что такое служба на торпедном катере. Не обошлось и без тех, кто бежал подальше от передовой и теперь старательно подметал пол в кубрике, рыл земляпки. Разные были люди. Но любого было жалко отдавать под расстрел.

— Будет лучше, Хлебников, если сумеем обойтись без крайних мер, — после продолжительного молчания сказал капитан-лейтенант, как бы зачеркивая сказанное ранее. — Больше заставляй их заниматься делом. Но не понуждай совершать бессмысленный труд. Это только озлобляет, а пользы никакой не приносит. Если погода не летняя, выводи роту в парк, занимайся строевой подготовкой. Учи матросов окапываться, делать перебежки, кидать гранату. Одним словом, обучай тому, что в первую очередь в бою понадобится.

— Я-то сам не ахти как силен в этом, — замаялся Хлебников.

— Возьми пехотное наставление, почитай, поучись, — советовал командир отряда. — Действуй настойчиво, уверенно! Да почаще проводи беседы...

Мысль о том, что морякам придется воевать на суше, была не новой теперь. Никто к этому не готовился в мирное время, и нужно было начинать все сначала. Но успели только начать.

Всего лишь неделю занималась рота учебой...

Немцы рвались к Ориссарской дамбе, чтобы переправиться на Сааремаа. На передовой не хватало людей, и роту базового обслуживания перебросили в Курессаре.

Начальник порта в Курессаре назначил Хлебникова командиром на плавбазу «Меркурий». На ней жили экипажи портовых буксиров, рейсовых катеров, водолаев и водолазных ботов. Плавбазу обслуживали мотористы и боцманская команда.

«Меркурий» был очень старый пароход, весь потемневший от времени, с позеленевшими трубами и зацементированным днищем, много лет стоял он без движения в углу Купеческой гавани, доживая свою вторую жизнь на приколе.

«Не корабль, а старая развалина!» — с обидой думал Хлебников.

Ночами он подолгу не мог уснуть, вспоминал товарищей, оставшихся в Рынту, и тосковал по ним... Спал беспокойно и видел сны. Обычно снилась ему торпедная атака... Мечта стать военным моряком овладела Хлебниковым с детства. Он родился и вырос в маленьком районном городке и ни разу, пока не поступил в училище, не видел моря. В девять лет мастерил игрушечные деревянные кораблики с парусами из лоскутков материи и пускал их в речку. Это было самое счастливое время его детства.

Хлебников рано лишился родителей и жил вдвоем с бабушкой. Закончив школу, он заявил ей, что намерен поступить в военно-морское училище. Бабушка расплакалась. Море ей представлялось чем-то коварным и страшным. Она очень боялась, что единственный внук утонет. Но ни просьбы, ни слезы старушки не остановили Хлебникова.

Вспоминая прошлое, лейтенант невольно думал о том, что настоящее место его не на этом судне.

«Командую плавучей базой, которая никогда не снимается с мертвого якоря», — приходило ему в голову в грустные минуты.

Он пробыл на плавбазе «Меркурий» недолго. Как только стали набирать добровольцев на фронт, лейтенант подал рапорт командиру базы.

Покидая судно, Хлебников с невольной грустью подумал о том, что, может быть, надолго расстанется с морем. Соленый запах судовой сырости, ржавчины и пеньковых тросов напомнил ему кабинет морской практики в училище, первое плавание, и ему стало тоскливо.

Хлебников получил направление в стрелковую бригаду в Курессаре.

Город был затемнен, но движение на улицах не прекращалось. На площади Ратуши выстраивался батальон добровольцев-матросов. Они уходили на Муху. Немцам удалось оттеснить наши стрелковые роты к Ориссарской дамбе. Положение там создавалось тяжелое.

В штабе бригады Хлебникова встретил высокий бритоголовый майор Канунников. Он взял направление начальника порта, бегло прочел его.

— Вы — моряк, к тому же торпедник. Вам, вероятно, знакомо минное дело? — спросил майор.

— Да, минное дело я знаю немного.

— Я направляю вас в инженерный батальон. Штаб пока находится на улице Триги, девятнадцать.

— Что же я должен буду делать?

— Подойдите сюда поближе, — сказал начальник штаба и жестом пригласил лейтенанта к оперативной карте. — Эта узкая полоска земли — Ориссарская дамба. Немцы рвутся к ней. Они стремятся любой ценой овладеть дамбой. У нас большая нехватка людей и мало огневых средств, — пояснил Канунников. Он помолчал немного, как бы прислушиваясь к отдаленному гулу артиллерийской стрельбы, потом сказал: — Вы будете минировать вот этот рубеж. — Он осторожно провел карандашом прямую линию от северной оконечности острова до мыса Репала на южном берегу. — Эту позицию, я полагаю, мы сумеем удержать.

Получив предписание, Хлебников торопливо вышел из комнаты начальника штаба. В коридоре он столкнулся с Аустмой.

— Вы... здесь? — удивленно произнес лейтенант.

— А как вы очутились в штабе? — в свою очередь спросила девушка.

Она говорила с заметным акцентом. Ее ровный голос показался Хлебникову очень приятным.

Аустма узнала его сразу.

— Получил назначение в инженерный батальон, — сказал лейтенант, восторженно глядя на девушку.

— И куда теперь?

— В Репалу. Командовать ротой. А вы что здесь делаете?

— Подшиваю бумаги, немножко печатаю на машинке, — смутилась Аустма.

И Хлебников уже не чувствовал прежней неловкости. Он разговаривал так, словно был знаком с Аустмой давно и лишь долгое время не видел ее.

— Как вы живы остались тогда? — спросил лейтенант.

— Сперва я была наверху и все смотрела, — начала рассказывать Аустма. — Видела, как стреляли немцы и как упал наш капитан. Я даже заметила, как дядюшка Айвар рубил топором буксирный трос... Вначале он послал моториста Юргенса, но его убили. И тогда дядюшка Айвар побежал с топором на корму. Он крикнул что-то на ваш катер, но вы его не услышали. У вас уже горело...

— Немцы видели тебя?

— Нет. Они даже не заглянули в кубрик. Но если бы открыли люк, то непременно заметили мои босые ноги...

Девушка улыбнулась.

Улыбнулся и Хлебников. Ему не хотелось уходить. Он вдруг подумал, что уйдет и, может быть, никогда больше не услышит ласкового и чистого голоса Аустмы. Встретил ее случайно, и опять она исчезнет, будто счастливое видение.

— Пора мне, — глухо проронил лейтенант.

Аустма крепко пожала его руку. Посмотрела на него.

С тех пор он больше ее не видел. Может быть, Аустма погибла, попав под бомбежку. Либо в окружении осталась. Хлебников пытался ее разыскать потом. Наводил справки, но безуспешно. Он так ничего и не узнал о судьбе этой латышской девушки, оказавшейся на острове Сааремаа в самые трудные дни обороны.

На суше

1

Удержать Ориссарскую дамбу не удалось. Не смогли сдержать натиск немцев и у мыса Репалу.

Войска отступали по шоссе и проселочным дорогам.

Над лесами висела пелена сизого дыма. Неутихающий лесной пожар вторую неделю бушевал на южной окопечности острова. В воздухе стоял запах гари и пыли.

Немцы вели наступление вдоль побережья на Триги и по шоссе на Курессаре. Они стремились отеснить обороняющихся от двух портов и лишить их возможности

вырваться из окружения на остров Хиумаа. Чтобы сузить линию фронта, пришлось отвести войска на полуостров Сырве, соединенный с островом нешироким перешейком. Это был самый западный выступ острова, длиною не более двадцати километров.

Рота лейтенанта Хлебникова заняла оборону у развилок двух проселочных дорог. Справа от нее залегли саперы, слева — стрелковая рота.

Хлебников в бинокль наблюдал за немцами, находившимися метрах в двухстах впереди, в ложбине. Ему хорошо было видно, как взлетали вверх комья земли и взблескивали на солнце лопатки: противник спешно окапывался.

Один из штабных командиров предложил закопать в землю на рубеже обороны оставшиеся на складе аэродрома тяжелые авиабомбы, снаряды и боевые зарядные отделения от торпед. Командующий одобрил эту идею. Так начали сооружать последнюю оборонительную полосу...

Командир инженерного батальона вызвал Хлебникова на командный пункт, оборудованный в каменном погребке.

— Отправь людей в Рынту! — приказал комбат.

— Зачем? — спросил лейтенант.

— Получен приказ: разоружить на ваших катерах все имеющиеся в наличии торпеды, — сказал с неохотой Киршин. Хмуро глянув на ротного, он потянулся к деревянному ковшику, чтобы зачерпнуть из кадки холодной воды.

— Для чего?

— Чтобы привезти сюда боевые зарядные отделения и закопать в землю.

— Чушь какая-то!

— Не ваше дело, лейтенант, обсуждать приказы командования! — сердито произнес капитан. Он торопливо отпил несколько глотков ледяной воды и добавил: — Ваше дело — их выполнять.

— Но у меня голова на плечах...

— А у меня, по-твоему, что?! — вспылil Киршин.

— Зачем гробить торпеды?

Хлебников считал безрассудством разоружать торпеды.

Но приказ нужно выполнить. Лучше было поехать самому, но ликвидировать торпеды он просто не мог и ре-

шил послать в Рынту своего помощника младшего лейтенанта Кудрявцева.

Выйдя из погреба, Хлебников попал на заброшенный хутор. Он был пуст. Серый покосившийся сарай за домом, со всех сторон окруженный соснами, привлек его внимание.

Хлебникову пришла в голову мысль: оборудовать в нем командный пункт. С этой же целью пришел туда и младший лейтенант Кудрявцев.

— Тебе придется поехать в Рынту, — сказал лейтенант своему помощнику. — Бери три автомашины и отправляйся. Привезешь оттуда боевые зарядные отделения от торпед.

— Есть, привезти боевые зарядные отделения! — выткнулся Кудрявцев перед ротным командиром.

2

Немцы находились совсем неподалеку, но Росинов по-прежнему подавлял мысль о том, что немцы сумеют проорваться на полуостров Сырве... Капитан-лейтенант проверял готовность катеров к выходу в море, когда из кабины подъехавшей трехтонки выпрыгнул молоденький нехотный командир. Он что-то спросил у вахтенного по шпрсу и быстрым шагом направился к нему.

— Командир минного взвода младший лейтенант Кудрявцев! — представился приехавший.

— Командир отряда торпедных катеров.

— Мне приказано разоружить имеющиеся у вас на базе торпеды, — сказал Кудрявцев. — Вот приказ. — Он достал из нагрудного кармана бумагу и протянул Росинову.

— Здесь какая-то путаница, — удивился Росинов.

— Никакой путаницы нет, товарищ капитан...

— Капитан-лейтенант...

— Прошу прощения.

Росинов медленно прочитал приказ генерала и вернул младшему лейтенанту. Командующий в категорической форме приказывал разоружить все торпеды, а боевые зарядные отделения передать инженерному батальону, который занимался сооружением оборонительной полосы на перешейке.

Капитан-лейтенант хотел связаться с генералом по телефону и объяснить, что не следует губить торпеды. Оставить отряд без оружия ему казалось бессмыслицей.

Росинов посмотрел на Кудрявцева, на его выгоревшую до белизны гимнастерку, сапоги с полуоторвавшимися подошвами, невольно подумал, что дела на сухопутном участке фронта весьма плохи. «Может быть, придется уйти отсюда, — тут же пришло ему в голову, — эвакуироваться на Хиумаа. Но в таком случае не на чем будет перевезти торпеды! Не нахожусь ли я в роли собаки на сене?»

— Забирайте на складе двадцать девять зарядных отделений, — сказал Росинов. — Но восемь торпед, которые на катерах, я не дам никому разоружить! Если даже отправят меня в трибунал!

Сопровождать автомашины, нагруженные боевыми зарядными отделениями, Росинов отправил Раева, так как его катер был поврежден и стоял в ремонте.

Старший лейтенант сидел в кабине головной автомашины, медленно продвигавшейся по ухабистой проселочной дороге. Всматриваясь в незнакомые дали, окутанные дымом лесных пожаров, Раев хмурился и молчал. Он не обмолвился ни словом с курносый красноармейцем — шофером, энергично крутившим барапку.

...Хлебников встретил Раева неподалеку от места, где занимала оборону его рота.

— Разоружили торпеды, — с мрачным спокойствием произнес старший лейтенант.

— Жаль, — сказал Хлебников. — Но что делать? Положение на сухопутье — хуже некуда.

Он еще не совсем привык к тому, что и сам теперь сухопутный. Хлебников по-прежнему считал себя моряком, но лишь временно оказавшимся в пехоте.

— До Рынту осталось — рукой подать, — сказал Раев.

— Да, теперь недалеко, — согласился Хлебников. — Что в отряде?

— В западню угодили недавно, — ответил Раев неохотно. — Еле выбрались.

— Где? Как?

— Да что говорить! — пытался отмахнуться Раев. — Мой катер привели на буксире с пробойной в днище, погнутым рулем и неисправными моторами.

— Остальные как?

— Другие в строю. Ты лучше скажи, удержитесь вы здесь?

— Трудно сказать, — уклончиво ответил Хлебников. — Но, скорее всего, удержимся.

Хлебников пригласил Раева в сарай, на свой командный пункт, предложил поест.

— Сыт. Не хочу,— наотрез отказался старший лейтенант.

Они сели на охапку прошлогоднего сена в углу. Хлебников стал настойчиво расспрашивать Раева об исходе последней операции. И тот не выдержал. Начал рассказывать:

— Мы несли поисковый дозор немного севернее мыса Кыпу. Три катера ходили параллельными курсами с зюйда на норд. Под вечер обнаружили два их миноносца и собрались атаковать, но неожиданно заметили малые корабли немцев. На пересечку нашего курса из Ирбенского пролива полным ходом шли торпедные катера. Нам оставалось только повернуть на обратный курс и укрыться в Рынту. Но справа показались морские охотники. Они закрыли нам дорогу... Тогда мы решили обогнуть остров. Но не успели. Немцы стали прижимать нас к берегу... Я отчетливо увидел черные камни. «Конец!» — подумал я и направил катер в расселину между скалами. Мышеловка, куда мы попали, была настоящая. Немцы встали на якорь у самого входа в бухточку. Они считали, что нам из нее не выбраться... Во время ночного прилива мы перебросили катера на катках в межостровной бассейн. Но там было так мелко, что скрипела галька под днищем катера. И все же мы выбрались. А подбили меня уже в Ирбенском проливе. Догнать нас не смогли немцы, но обстреляли. И вот результат,— закончил Раев скорбным голосом.

«Раскис и расквасился,— подумал Хлебников.— Со старшим лейтенантом стряслось что-то... Не стало прежнего Раева, уверенного и довольного собой. Будто другой человек в него вселился».

— Не знаю, когда теперь встретимся,— сказал он на прощание Хлебникову.

— Остров так тесен, что наверняка скоро увидимся,— старался приободрить его лейтенант.

3

На берегу бухты Рынту валялись тюки шелковой ткани, мужские гражданские костюмы, демисезонные пальто, шубы. Товары привезли на территорию базы торпедных катеров и повыбрасывали из грузовых автомашин на

землю. Мимо сваленных в кучу вещей пробежали хмурые катерники.

Моряки пообносились за лето и осень. У большинства командиров потертые кители были надеты на голое тело: нижние рубашки истлели, а достать белье было нигде. Матросы несколько месяцев подряд не вылезали из походных комбинезонов. Росинов разрешил каждому взять по две шелковые рубашки и носить вместо белья...

Совсем неподалеку шел бой. Четыре торпедных катера стояли у пирса с заведенными моторами...

Росинов разорвал пакет, полученный из штаба, развернул лист плотной бумаги и стал читать... Через шесть часов должна была начаться эвакуация. Все, кого следовало вывезти с острова Сааремаа, уходили на торпедных катерах. Первыми значились в списке штабные командиры, работники прокуратуры и политотдела.

Капитан-лейтенант потер кулаком мокрый лоб.

На каждом катере, рассчитанном на шесть человек экипажа, придется разместить по сорок человек! А береговая команда торпедистов и механиков? А катерники, находящиеся в госпитале? Их тоже нельзя оставлять здесь. Нужно было немедленно посылать за ними людей из отряда. Первый, кого увидел Росинов, был Журавин. Бодман мерз в своем прорезиненном комбинезоне и решил поверх него надеть шубу на лисьем меху. Еще утром Росинов видел ее на берегу в куче разбросанных товаров.

— Добротная на тебе шуба, Журавин! — похвалил капитан-лейтенант. — Но ты сними ее и оставь на катере. Сам же возьми троих матросов и бегом отправляйся в госпиталь.

— Зачем? — удивился бодман.

— Доставишь на пирс Флюгова и всех остальных раненых торпедников. Понял?

— Понял, товарищ капитан-лейтенант. Как не понять? Но на чем я их доставлю сюда? Ведь ни одной машины не осталось в базе.

— Тех, кто не может идти сам, на себе понесете!

Где-то над головой с протяжным клекотом закаркала лоропа. Невидимая в тумане птица орала все громче, и с разных сторон слеталось к ней напуганное воропье. «Беду кличет, стерва», — подумал капитан-лейтенант.

Катер Раева был по-прежнему неисправен и не мог двигаться своим ходом. Он все еще висел в воздухе, под-

вешенный к двутавровым балкам. Под днищем круглосуточно копошились механик Окаёмов и все мотористы звена.

Росинов думал, как поступить с катером Раева. Самое простое из всех решений было взорвать катер, а команду расформировать. Но даже эти несколько человек могли стать обузой для сверх всякой меры перегруженных «москитов».

«Оставить людей на берегу? Но с часу на час здесь могут появиться немцы».

Долго раздумывать не было времени. Росинов направился на край пирса, где висел на балках покалеченный катер. Он взял Раева под руку, отвел его в сторону, чтобы их разговор никто не услышал.

— Что будем делать? — озабоченно пропалес командир отряда.

— Латаем, — неопределенно начал старший лейтенант. — Уже исправили рулевое устройство. Моторы разобраны и...

— До начала эвакуации осталось шесть часов, — перебил Росинов. — Давай обсудим: как быть? Времени осталось совсем мало. Вы не успеете до ночи ввести катер в строй?

— Окаёмов обещал дотемна исправить правый мотор, — ответил неуверенно Раев.

— Если это удастся, ты сможешь выйти в море под одним мотором и следовать на Хиумаа! — распорядился командир отряда. — А если не успеете?

Раев на миг замаялся. Потом ответил:

— Я думаю, сможем.

— Буду надеяться, что придеешь следом за нами, — пожимая руку старшему лейтенанту, заключил Росинов. — Уходи отсюда, как только будет исправлен мотор. Дополнительных приказаний не жди. Никого из пехотинцев я не стану к тебе присылать. Списки эвакуируемых у меня. Все они будут размещены на других «москитах». Если появится на пирсе Хлебников, заberi его с собой.

Никогда Раев не испытывал в душе такого замешательства. «Значит, уходят...» Он не был уверен, что удастся исправить мотор. Но и не решался на то, чтобы в качестве пассажира отправиться на Хиумаа. Раев находил

ся в растерянности. Если бы Росинов хоть немного догадывался о его состоянии!

Старший лейтенант всем своим существом сознавал, что на карту поставлена жизнь. В тот момент он думал только о себе, хотя понимал, как и всякий, что участь всех других мало чем отличалась от его собственной. Даже те, кто уходил на исправных катерах, находились не в лучшем положении. Они не способны были «подняться на редан» и могли идти лишь малым ходом.

4

Со стороны баронского замка доносились глухие разрывы ручных гранат и винтовочные выстрелы.

На торпедные катера один за другим вступали штабные командиры, работники прокуратуры и политотдела. Привыкшие ходить по земле, они чувствовали себя неуверенно на маленьких военных кораблях. Раненых пехотинцев катерные боцманы направляли в моторный отсек и таранное отделение, здоровых — в боевую рубку и торпедные желоба.

Катера глубоко ушли в воду, но люди продолжали прибывать.

Росинов всматривался в незнакомые лица проходивших мимо командиров и бойцов. Он хотел увидеть среди них лейтенанта Хлебникова.

Уже перевалило за полночь, и давно прошло время выходить в море.

Внесли на катер Афонины полковые знамена и сейфы с шифрованными книгами. Потом прибежали посланные в госпиталь Журавин и трое матросов.

— Нету там Флюгова... никого наших нет! — запинаясь, доложил боцман.

— Как нет?! — вспыхнул Росинов.

— Ушли, должно быть... сами ушли перед нашим приходом, — неуверенно ответил Журавин.

Одна из немецких мин, которые уже рвались там и тут, угодила в барак. Тот вспыхнул, загорелся и осветил катера, командиров в боевых рубках и пехотинцев, заполнивших верхние палубы.

— Ты что, под расстрел захотел?! — заорал на боцмана командир отряда. До предела напряженные нервы вдруг сдали, и он уже не замечал, что кричит. — Своих товарищей на гибель бросил?!

— По госпиталю прошел слух, что уходим отсюда, —

сдавленным голосом выговорил Журавин.— Трое пехотных положили Флюгова на плащ-палатку и потащили куда-то... Мне так сказали... Наверно, по другой дороге пошли они...

Бодман не оправдывался. Росинов понял, что Журавин говорит правду, и, словно извиняясь, негромко выговорил:

— Идите, бодман, на катер, и вы все тоже идите...

На пирс вступил генерал в сопровождении своего адъютанта. Он подошел к капитан-лейтенанту, сказал:

— Пора выходить.

Четыре катера один за другим отвалили от пирса.

На черной поверхности воды заколыхались алые отблески пожара.

В море было ветрено, холодно. Порывистый зюйд-вест разгонял крутую волну.

Черные водяные холмы с рокотом шли на приступ. Но «москиты» поднимались на гребень, выпрямляя свои упруго гнущиеся мачты, по которым стекали вниз белые струи.

Катер Афонина получил большую осадку. От встрябвирировал корпус. Надрывно гудели снасти.

Очутившись на военном корабле, генерал, как и все другие пехотные командиры, старался держаться так, чтобы своим присутствием не стеснять моряков. Он был мокрый и очень замерз, но спуститься в моторный отсек отказался.

— Здесь, на ветерке, быстрее обсохну, — ответил генерал Афонину.

Перегруженный торпедный катер направился в открытое море. За ним следом потянулись остальные три. В таком положении атаковать противника было равносильно самоубийству. А встреча с немецкими кораблями была весьма вероятной. Капитан-лейтенант не сомневался, что немцы сосредоточили морские силы в проливе, и он теперь только и думал о том, как бы прорваться к острову Хиумаа.

Начинал накрапывать дождь.

Нетрудно было разгадать замысел немцев, но тяжело выбрать нужный курс.

У входа в пролив Росинов принял решение разделить отряд на две группы и прорываться звеньями. По его сигналу два катера взяли правее. Прошло некоторое время — и два маленьких корабля исчезли...

Те, кому не хватило места в моторном отсеке, устроились в торпедных желобах. Чтобы не заморозить от холода, пехотинцы сидели, плотно прижавшись друг к другу.

Генерал покинул рубку и теперь находился в окружении своих штабных помощников, в левом желобе.

В полдень в сером дождевом тумане показался остров Хиумаа.

Обогнув мыс, катера вышли к маяку. Высокие волны с шумом разбивались о пирс. Присмотревшись, Росинов понял, что подойти к причалу невозможно. Он приказал командирам встать на якорь. До берега было метров тридцать.

5

...Снаряды береговой батареи разметали скапливающихся на опушке немцев и сорвали атаку. Но прошло какое-то время, они подтянули свежие силы. Удар пришелся по тому месту, где на стыке двух потрепанных батальонов занимала оборону рота лейтенанта Хлебникова.

Пришлось снова отступить... К вечеру остатки роты пришли в Рынту.

Оглядевшись, Хлебников увидел висевший в воздухе торпедный катер, освещенный пламенем пожара. Остальных катеров не было. «Ушли!» Он первым вошел внутрь баронского замка. За ним следом потянулись в заброшенный дом оставшиеся в строю девятнадцать моряков.

Когда-то эту баронскую мызу сложили из прибрежных камней средневековые каменотесы. Стены были толстые, окна узкие, словно бойницы. Не дом, а крепость. Лучшего места для обороны не сыскать.

Через парк в сторону пирса небольшими группами брели усталые бойцы. Завидев пустой причал, они останавливались и начинали растерянно оглядываться. Спасительная пристань на берегу моря не сулила спасения.

Мимо баронской мызы проезжали грузовики и конные повозки. На них отвозили раненых к пирсу. Стопущих, окровавленных бойцов укладывали на доски. Но и на пристани не хватало места для всех.

Хлебников расставил моряков на втором этаже и в чердачном помещении, определил секторы наблюдения.

Чердак на баронской мызе моряки переименовали в

«фор-марс», второй этаж стали называть «спардеком», первый, где находились пехотинцы, «палубой», а подвалы — «трюмом».

Наступал медленный дождливый рассвет. Немцы почему-то не открывали огня. По всей видимости, они ждали парламентариев с предложением о добровольной сдаче в плен остатков гарнизона.

Положив локти на подоконник, Хлебников в бинокль разглядывал дорогу, по которой шел сюда. Было по-прежнему тихо.

На второй этаж, тяжело дыша, поднялся высокий майор в длинной, забрызганной грязью шинели. Он опирался на суковатую палку, срубленную где-то в лесу, и с трудом волочил ногу.

— Вы... здесь старший?

— Да.

Хлебников поднял голову и узнал майора Канунникова. Тот тоже вспомнил моряка-лейтенанта.

— Я назначаю вас комендантом этого замка. Мне удалось собрать и свести в роты несколько десятков разрозненных групп. К сожалению, мало осталось в строю средних командиров, — сказал Канунников.

— Набралось около тысячи бойцов, — ответил Хлебников. — Вот только пулеметов мало и боеприпасы на исходе.

По крутой лестнице поднялись на второй этаж трое связистов. Войдя в зал, где находились пехотный майор и лейтенант Хлебников, бойцы стали устанавливать связь. Когда телефон заработал, майор снял трубку и вызвал Сорок седьмого.

— Вы меня слышите? — спросил он. — С вами говорит Канунников.

В микрофоне запищало. Потом с батареей ответили.

— Как только немцы пойдут в атаку, лупите по ним прямой наводкой! — приказал командиру башенной батареи майор Канунников. — Устроим им еще «праздник»! Я сейчас пройду вдоль линии обороны, а вы в случае атаки немцев вызывайте батарею от моего имени, — сказал он Хлебникову.

Они молча посмотрели в окно на дорогу, откуда должны были появиться немцы.

— Ну держись, лейтенант! — Канунников крепко сжал руку Хлебникову, тяжело повернулся и, сильно прихрамывая, направился к двери.

...Не дождавшись парламентаров, немцы пошли в атаку. По валитой водою проселочной дороге, лязгая гусеницами, двигались в сторону парка танкетки.

— Сорок седьмой! Я от Канунникова! — кричал Хлебников в телефонную трубку. — Подбросьте тяжелых на дорогу! Немцы идут на меня!

Батарея открыла огонь. Тяжелые снаряды сметали все на своем пути. Атака захлебнулась...

Воспользовавшись затишьем, Хлебников надумал побывать на пирсе, где стоял оставшийся в Рынту торпедный катер. Ему хотелось повидать бывших своих сослуживцев и узнать, что у них. Куда подевались другие катера? Что случилось с оставшимся? Чей он?

Разными курсами

1

На берегу догорали два дома. Оранжевые угли и языки пламени освещали небольшое пространство вокруг пожарища.

Раев выглянул из моторного отсека и увидел унылые фигуры пехотинцев.

Катер уже спустили на воду. Команда находилась в моторном отсеке, все помогали Окаёмову и мотористам. С правым мотором по-прежнему что-то не ладилось, а левый был так разворочен, что с ним ничего нельзя было сделать.

Старший лейтенант ругал себя за то, что не предложил Росинову взорвать катер. Он с запоздалым раскаянием думал о том, что командир отряда, наверно, согласился бы с ним. Раев смутно догадывался, что капитан-лейтенант направился к нему перед выходом в море уже с решением покончить с негодным для плавания кораблем. И это было бы вполне разумное решение.

Теперь расхлебывай кашу, которую сам заварил.

Старший лейтенант мучительно раздумывал, как спастись. Может быть, соорудить плот и на нем отправиться в путь? Но ведь вряд ли удастся добраться до Хиумаа в такую погоду. Ненадежное это занятие — переплывать бурные проливы на бревенчатом плоту.

Подавленный, мрачный, уставился Раев на своих мотористов. На потном, измазанном маслом лице Окаёмова светились радостью шальные глаза.

— Исправили, товарищ командир! — выдохнул механик и принялся вытирать ветошью руки, заляпанные до локтей.

— Все по местам! — объявил команде старший лейтенант. — Через час выходим в море!

Раев поднялся в ходовую рубку и увидел на пирсе Хлебникова.

— Ты... здесь?! — удивился старший лейтенант.

— Пришел узнать, как вы, — слабо улыбнулся Хлебников.

— Один?

— Нет, со мной девятнадцать бойцов.

— Где они?

— В баронской мызе. Мы заняли там оборону. А у тебя... что?

— Исправили неполадки в правом моторе, через час выходим, — ответил Раев. — Следуем на Хиумаа.

— А где остальные катера? — спросил лейтенант.

— Отряд ушел прошлой ночью отсюда! — отрывисто произнес Раев. — Росинов повел катера через пролив. Там немецкие дозорные корабли стоят... А катера вряд ли «на редан» поднимутся. Перегружены очень.

Он собрался добавить: «Все сухопутное начальство эвакуировалось», но передумал. Теперь Хлебников был тоже сухопутчик.

«Сказать или не сказать ему, что Росинов приказал забрать его с собой?» — размышлял Раев. Что-то останавливало его. А что именно, он и сам не мог толком понять.

Хлебников в странном оцепенении смотрел на торпедный катер. С уходом Раева обрывалась последняя надежда выбраться из этого пекла. Лейтенант понимал, что не удастся сдерживать натиск немцев бесконечно, хотя и крепки стены мызы. Пройдут еще сутки, может быть, двое — и придется отступить к пирсу. А дальше отходить уже некуда...

— Может быть, за нами пришлют сюда транспорт? — спросил Хлебников.

— Этого я не знаю, — ответил Раев. — Но... — Он собрался передать последнее распоряжение Росинова, но заколебался опять. Помедлив, Раев произнес неопределенно: — Ты можешь эвакуироваться отсюда на моем катере. Росинов одобрит...

Предложение Раева заставило Хлебникова сбросить с

себя оцепенелость. Ведь стоило только, сделав несколько шагов, ступить на палубу — и все кошмары останутся позади. Он окажется среди своих.

— Я не могу, не имею права бросить бойцов и уйти отсюда, пока нет приказа.

— Как знаешь, — не стал настаивать Раев.

— Желая тебе скорее добраться до Хиумаа, — пожелал ему Хлебников.

2

Когда немцы пошли в атаку, Хлебников запросил Сорок седьмого дать несколько залпов. Но на этот раз тот не сразу поддержал лейтенанта огнем своих пушек. Батарея стреляла по атакующим фашистам на другом участке. Потом пришлось перенести огонь, чтобы стрелять по немцам, которые наступали на батарею. И лишь после этого Сорок седьмой приказал начать стрельбу по дороге, которая вела в Рынту.

Немцы ослабили натиск, валили. Но как только перестали рваться снаряды в боевых порядках, они снова ринулись в атаку.

Тяжелая батарея поочередно помогала артиллерийским огнем Хлебникову, его соседу справа и защищала себя.

С трех сторон наступали немцы. Они шли по берегу бухты и двигались со стороны леса, совершая обходный маневр.

Два пулемета на «фор-марсе» стреляли по перебегавшим от дерева к дереву немецким солдатам.

Фашисты уже обстреливали мызу из минометов. Но толстые стены старинного здания по-прежнему защищали моряков.

— Эй, на «фор-марсе»! — по телефону окликнул Хлебников Кудрявцева, засевшего на чердаке с ручным пулеметом.

— Есть, на «фор-марсе»! — ответил тот не сразу.

— Почему молчишь?

— Вставляю новый диск.

Из подвала сообщили, что продолжают держаться, но что многие ранены и мало осталось патронов.

— А ну спустись в «трюм», поддержи ребят! — приказал лейтенант Кудрявцеву.

Тот сразу бросился к двери, а Хлебников поднялся наверх, залег за его пулемет и продолжал стрелять.

Немецкие автоматчики окружили мызу.

Из окон первого этажа полетели в подступивших к зданию фашистов ручные гранаты.

Хлебников ждал, когда вернется Кудрявцев, чтобы передать ему ручной пулемет, а самому спуститься в подвал и оттуда продолжать управление обороной. Кудрявцев не возвращался долго. Временами лейтенанту начинало казаться, что он остался совсем один во всем доме и немцы бьют из орудий, чтобы убить только его — последнего защитника мызы.

«Спардек» и «трюм» все еще держались...

Наступил вечер, и стрельба стихла.

— Вы меня слышите? — закричал Хлебников в телефонную трубку.

— Слышим! — отозвались по очереди отовсюду.

— Выходите все из этого адалия!

Всего вышло из баронской мызы четырнадцать здоровых и раненых бойцов. Хлебников повел своих людей в сторону мыса. Лейтенант бывал там не раз. Мыс, заросший лесом, вдавался далеко в море. Это был самый малоллюдный клочок земли в бухте Рынту.

Впереди заплескалось ночное море. Дальше идти было некуда.

— Я предлагаю связать плот, — сказал Хлебников. — На нем мы сумеем добраться до Хиумаа.

Первым нашелся Кудрявцев. Собравшись говорить, взводный встал.

— За одну ночь мы не успеем добраться до Хиумаа. А днем нас обстреляют самолеты либо катера прихватят. Я лично думаю: надо подаваться на восток. Сплошного фронта сейчас нет. Мы легко сможем пробраться в глубь острова. Спрячемся в лесу... Либо у эстонцев. А как только схватит льдом проливы, выберемся на материк...

— Мы замаскируем плот, — стоял на своем Хлебников.

Четверо заявили, что пойдут с младшим лейтенантом и будут пробираться на материк, а оттуда — к своим. Остальные решили попытать удачи на море.

Как только стихли в лесу шаги ушедших товарищей, Хлебников скомандовал:

— За дело, ребята!

На берегу нашлось полдюжины бревен. Для большого плота их было недостаточно. К тому же нужны были гвоз-

ди и скобы. Идя по берегу, набрали на чей-то заброшенный дом. Дверь оказалась незапертой. Вошли внутрь. Все находилось на своих местах, словно ховяева только что вышли оттуда.

Моряки притащили моток проволоки и брезент, валявшийся возле дома.

Сообща повалили несколько сосен. Распилили каждую на четыре части, подтащили к воде. Нужно было в два ряда скрепить бревна гвоздями и проволокой.

В доме нашли топор, гвозди, катушку суровых ниток и сапожную иглу. Хлебников разрезал брезент на несколько кусков. Потом стал их сшивать, стараясь смастерить парус.

Когда стемнело, погрузили на плот оружие. Сели. Оттолкнулись от берега. Лейтенант укрепил мачту и парус.

Попутный зюйд-вест потащил плот от берега. Переваживаясь с волны на волну, он медленно удалялся от Сааремаа.

В пасмурном небе, втянутом черными дождевыми тучами, не появлялась луна, не сверкала ни одна звездочка. Хлебников вел плот к острову Хиумаа, ориентируясь по направлению попутного ветра.

«Я делаю открытие в кораблевождении, — мысленно усмехнулся лейтенант. — До сих пор водили суда, определяясь по маякам, створным знакам, высоте луны и солнца, а я заставил ветер стать ориентиром...»

Не занятые на вахте моряки не спали. Студеный ветер насквозь продувал мокрые шинели, бушлаты и гимнастерки.

Время от времени Хлебников пробирался на корму, к своему бывшему связанному, стоявшему за рулем, и приказывал слегка подвернуть, если плот начинал уходить в сторону от линии ветра. Изредка он подходил к тем, кто работал с парусом.

Рассвет встал над плотом в открытом море. На всем пепельно-сером пространстве катились высокие волны. Заметить плот теперь можно было только с очень близкого расстояния.

Хлебников приказал спустить парус и срубить мачту. Погода была нелетная, и все же лейтенант решил накрыть всех брезентом. Одновременно это спасало людей от дождя и холодного ветра.

Трое раненых лежали на мокрых бревнах, плотно

прижавшись друг к другу, согреваясь своим теплом и дыханием...

К вечеру ветер еще больше усилился. Вспучивались и горбатились волны. Хлебников приказал поднять парус. Он не отходил теперь ни на шаг от стоявших на вахте моряков, стараясь удерживать плот на прежнем курсе — вдоль линии ветра. Лейтенант считал наиболее вероятным, что ветер не успел изменить своего направления.

Мощным барабаном гудел наполненный ветром парус. Ревущие валы нагоняли затерявшийся посреди воли маленький плот.

3

Раев испытывал острую радость от сознания, что ему удалось выйти из Рынту и что удача по-прежнему начинает сопутствовать. Всю ночь он лежал в дрейфе, а теперь держал курс к острову Хиумаа. Мотор работал исправно. Катер шел малым ходом.

Небо постепенно прояснилось. В распахнувшемся водном просторе Раев заметил крохотные силуэты двух кораблей. Глянув в бинокль, он определил, что впереди дозорные миноносцы немцев.

Старший лейтенант резко повернул штурвал. Катер лег на обратный курс.

— Куда же вы? — спросил Окаёмов, глядя снизу вверх на командира. Механик считал, что надо не раздумывая атаковать фашистов.

Раев думал иначе. Старший лейтенант решил, что следует пройти севернее и как можно дальше от берега. Там, по его расчетам, не должно быть немцев.

Больше часа катер двигался курсом норд, не встречая никого на своем пути. Потом Раев повернул вправо и вскоре опять увидел силуэты кораблей, маячившие на горизонте. Немецкие миноносцы и сторожевики заняли позицию до самой северной точки пролива. В каком бы месте ни пытался пройти Раев, везде были немецкие корабли.

— Долбанем их торпедами! — предлагал Окаёмов командиру. — Я встану вместо боцмана за рычаги залпа. Пробьемся...

— Нас расколошматят раньше, чем окажемся на боевом курсе, — возразил механику Раев.

— Так и будем мотаться туда-сюда, — буркнул Окаёмов педовольным голосом. — А если кончится топливо, что тогда?

Это был веский довод. Чтобы сохранить горючее, Раев лег в дрейф и стал ждать темноты... Ночью он также не отважился войти в пролив.

Наступил еще один рассвет, холодный и неприветливый. Немецкие корабли стояли на прежних местах. Может быть, немцы уже обнаружили катер, но не считали нужным его обстрелять только потому, что некуда было ему деваться.

Впереди была верная гибель. Возвращаться в Рынту тоже не имело смысла. Этим можно было лишь оттянуть на какое-то время неизбежную развязку. Ведь, скорее всего, немцы уже оттеснили к пирсу последних защитников острова.

Оставалось только стоять на месте и ждать. Но чего ждать? Ловушка, в которую неожиданно попал катер, оказалась худшей, чем можно было придумать. Выход из нее оставался только один — погибнуть бесславно.

Чего бы это ни стоило, а нужно выбраться из нее... Было досадно и горько оттого, что вокруг такой простор, а пути нет.

— Дать ход! — приказал Раев механику.

Варевел исправный мотор. Катер двинулся в открытое море. Обескровленное и хмурое лицо Окаёмова вдруг посветлело. Он обрадовался, что командир принял наконец решение и намерен обойти корабли немцев с севера.

Уже давно пропали из виду силуэты двух крайних дозорных миноносцев, а катер все продолжал идти тем же курсом — на норд.

Услыхав треск пулеметной очереди, Раев схватился за пистолет и резко повернул его. Катер покати́лся в сторону, Окаёмов выскочил из рубки и бросился в турель. Вцепившись в гашетки крупнокалиберного пулемета, механик открыл огонь по немецкому «лапотнику», летевшему низко над морем. Тот делал новый заход, намереваясь разделиться с тихоходным «москитом». Новая очередь с самолета резанула по левому борту.

Раев оглянулся назад и увидел, как безжизненно сползал Окаёмов на палубу. С его виска стекала по щеке струйка крови.

«Лапотник» с брешущего полета еще раз ударил по катеру. Зажигательные пули попали в моторный отсек. Загорелось сразу в нескольких местах. Потом взорвался бензин в баках, и катер превратился в пылающий факел.

4

Грузные волны с бешеной яростью ударялись о гранитную башню маяка. Шипя и пенясь, они откатывались назад. Отходили, сплетаясь своими белыми гривами, и шли на новый приступ.

Торпедные катера стояли в защищенной от шквального ветра Маячной бухте.

В Ирбенском проливе хозяйничали немцы. По несколько раз в день подходил близко к берегу крейсер в сопровождении сторожевиков и миноносцев. Они вели огонь по передней линии обороны на северной оконечности острова.

Поднявшись на ажурную башню маяка, Росинов в бинокль наблюдал за действиями вражеских кораблей. Они становились на якорь и открывали прицельную стрельбу по дотам и блиндажам.

«Что делают, гады!» — возмущался Росинов.

Никакой связи с островом Сааремаа не было вторые сутки. Но капитан-лейтенант считал, что пирс в бухте Рынту еще не захвачен немцами. Он не терял надежды, что сумеет выручить Раева из беды. Под покровом ночи Росинов собирался выйти в море, чтобы незаметно проскочить через линию немецких кораблей.

Ему разрешили отправиться в Рынту с двумя катерами.

Из-за тяжелых туч на западной кромке неба показалось закатное солнце.

«Если выйдем сейчас, то с наступлением темноты форсируем Соэла-Вяйн и незамеченными пройдем мимо немцев, — рассуждал Росинов, вступая на пирс. — К полночи доберемся до Сааремаа, возьмем Раева на буксир и до рассвета вернемся назад».

— Алексей, прикажи заводить моторы! — сказал капитан-лейтенант выглянувшему из моторного отсека Афонину.

— Идем в море?

Росинов утвердительно кивнул.

Два катера, переваливаясь на волнах, вышли из Маячной бухты.

Алый отблеск заката играл и переливался на верхушках волн. Море бушевало и пенилось. С зюйд-веста пабегали тяжелые волны. Катер бросало, встряхивало.

В наступившей темноте, избежав встречи с немцами, благополучно форсировали пролив. В открытом море усилилась бортовая качка. Временами стрелка кренометра в рубке показывала тридцать пять градусов. Казалось, еще одно усилие разбушевавшейся стихии — и катер опрокинется.

— Не пробиться нам сквозь этот шторм, — первым нарушил молчание Алексей. — Только корабли погубим и самих себя.

Росинов молчал. В нем боролись стремление пробиться во что бы то ни стало во имя спасения людей и здравый смысл, который подсказывал: не пройти, операция не может увенчаться успехом. Он знал, что стоит только совершить один неосторожный поворот — и катер зачерпнет бортом воду.

Ветер все усиливался. Шум и рев заглушали грохот катерных моторов.

Наконец капитан-лейтенант пришел к решению, что надо возвращаться на Хиумаа. Но какое-то время он еще медлил... А катер продолжал отчаянную борьбу со стихией. Когда корабль вскарабкивался на волну, то два винта начинали крутиться в воздухе, сотрясая дюралевый корпус. Потом он падал в яму, и на него обрушивались сверху каскады воды. Холодные струи окатывали с головы до пят тех, кто находился в рубке.

Росинов собрался уже крикнуть Афонину: «Поворачивай назад, Алексей!» — но заметил впереди парус. Косым вздувшимся клином покачивалось полотнище на черной поверхности моря. Всмотревшись внимательно, капитан-лейтенант увидел плот.

— А ну-ка возьми правее, Алеша, да сбавь обороты! — крикнул он на ухо командиру катера. — Ты видишь плот?!

— Вижу.

— Держи на него.

Моторы стали работать спокойней. Катер осел и стал медленней приближаться к парусу.

Афонин осторожно подвел борт к бревенчатому плоту. Журавин отпорным крюком стал удерживать катер на близком расстоянии от плота. Один за другим карабкались на борт люди.

— Хлебников! — окликнул Росинов человека, последним перебравшегося на корабль.

Это был он. Лейтенант с трудом держался на ногах и не смог сразу выговорить ни слова в ответ. Китель у него был расстегнут. Под ним белели лохмотья рубашки.

— Неужели прошли от Сааремаа? — удивленно произнес капитан-лейтенант.

— Д-да, — лягнул зубами лейтенант.

— Иди в моторный отсек да обсохни, обогрейся, — предложил Росинов. — Иди, — добавил он.

Обратный путь оказался еще труднее. Волны с такой силой ударили в корпус, что казалось, он не выдержит и расползется по швам. Струи воды перелетали поверх мачты; корабль временами скрывался в волнах.

В пролив вошли, когда уже перевалило за полночь.

Декабрьской ночью комдив вызвал к себе командира эсминца «Горделивый» капитана 3 ранга Деянова. Не предложив даже снять шинель, он подвел его к оперативной карте и стал неторопливо излагать суть задания.

— За час до наступления рассвета ваш эсминец выйдет из бухты,— начал комдив.— По имеющимся сведениям, вот тут заняты боевые позиции немецкие подводные лодки. Ваш курс будет проходить здесь,— капитан 1 ранга взял карандаш и провел на оперативной карте чуть заметную линию предполагаемого пути.— Встреча с вражескими подлодками весьма вероятна.

— Какую задачу буду выполнять?— спросил Деянов.

— Производить воздушную и подводную разведку на пути следования. О всех замеченных самолетах, кораблях и обнаруженных подводных лодках сообщать мне по радио закодированным условным сигналом. Через семь часов после вашего выхода двинется весь караван с людьми, техникой и продовольствием,— заключил комдив.— Конвоировать транспорты будет наш дивизион, морские охотники и отряд торпедных катеров.

— На какой волне я должен держать с вами связь?— поднял от карты голову капитан 3 ранга.

— Основная волна —прежняя,—заглянув в оперативный план, ответил флагман.— Через каждые полчаса сообщайте мне обстановку в районе плавания. С приходом па рейд становитесь па якорь и

ждите. Рандеву должно состояться завтра в 23.30. После этого вы занимаете место в походном отряде и будете следовать в составе конвоя.

Они оба отошли от карты. Сели. Комдив набил табаком трубку. Закурил. Деянов был некурящий.

— Задание очень ответственное, — затянувшись, тихо произнес капитан 1 ранга. — Я всегда считал «Горделивый» лучшим эсминцем в дивизионе. У вас исправные двигатели, натренированные комендоры, самый опытный штурман и отличный слухач — гидроакустик. Мне думается, подводные лодки — самый вероятный противник. Немецкое командование отлично понимает, что послать сюда подводные корабли не только рискованно, но и опасно...

Протяжно и ровно гудели сосны под напором ветра, когда Деянов вышел из флагманской каюты и ступил на пирс.

«Горделивый» стоял крайним возле узкого пирса, дальше всех от берега. Мачты, трубы и ванты его побелели от инея и слабо искрились в неярком свете луны.

На юте находился низкорослый и тщедушный на вид матрос в белом полушубке с винтовкой на ремне. Глянув ему в лицо, Деянов узнал старшину гидроакустиков Пипегина.

— Сдайте вахту и отправляйтесь в гидрорубку, — бросил на ходу капитан 3 ранга. — Готовьте аппаратуру к действию.

— Есть, сдать вахту и готовить к работе гидроакустическую станцию! — вытянулся перед командиром Пипегин.

Деянов вошел в каюту, на ощупь отыскал выключатель. Вспыхнул электрический свет.

Сняв с себя шинель, командир аккуратно повесил ее на крючок в платяном шкафу, сел в кресло. Нажал грушу звонка. Через минуту вошел старший помощник капитан-лейтенант Ковров. Он был громадного роста, широкоплечий, длиннорукий.

— Распорядитесь, Алексей Сергеевич, изготовить эсминец к походу и бою, — сказал Деянов.

— На какое время назначен выход? — деловито осведомился старпом.

Командир взял с полки астрономический ежегодник,

нашел нужную страницу. В соответствующей графе отыскал начало рассвета на тот декабрьский день. Потом отбросил ровно час.

— Выход в море в семь пятьдесят.

— Значит, времени осталось немного,— протянул Ковров.

— Вполне достаточно, чтобы прогреть главные двигатели,— сухо заметил Деянов.

Отношения между командиром и старшим помощником с самого начала совместной службы установились чисто деловые. Очень редко завязывался между ними разговор о посторонних делах, не имевших отношения к корабельной службе. Деянов в глубине души отдавал должное Коврову за его распорядительность и строгость в выполнении уставных требований.

— Как поступить с арестованным вами командиром БЧ-1¹, — спросил старший помощник, прежде чем уйти.

— Скажите ему, чтобы приступил к исполнению служебных обязанностей,— ответил Деянов.— Я освобождаю от оставшихся двух суток. Пусть занимается делом...

На эсминце раздались резкие звуки колоколов громкого боя.

— Корабль к походу и бою изготовить! — прозвучал по трансляции голос старпома.

У командира оставалось еще немного времени, чтобы чуточку отдохнуть, прежде чем подняться на ходовой мостик и не покидать его до конца похода. Он прилег на койку, закрыл глаза и собрался уснуть. Но сон не шел. Из головы не выходили мысли о предстоящей операции.

Деянов привык считать себя одного ответственным за жизнь сотен вверенных ему людей. Он знал каждого на своем корабле. А о тех, кто служил с ним вместе до войны, ему было известно почти все. Но лучше всего капитан 3 ранга знал командиров боевых частей. Отношения с ними сложились у него за время совместной службы самые разные, порой сложные и запутанные.

С тревожными мыслями в голове командир заснул, по вскоре его разбудил шум заработавших главных двигателей. С минуту он продолжал лежать с закрытыми глазами, прислушиваясь к мелодичному звону разворачиваемых торпедных аппаратов наверху. Потом достал штормовые сапоги из-под койки, обулся. Привычным движением на-

¹ Артиллерийская боевая часть.

дел на себя штормовой плащ, надвинул на брови кожаную шапку и вышел из каюты.

Поднявшись на мостик, капитан окинул взглядом эсминец. Полчаса назад еще тихо и мирно дремавший корабль вдруг ожил весь от кормы до носа. Комендоры проверяли орудия. Минеры готовили к действию глубинные бомбы на юте. Матросы верхней команды крепили по-штормовому шлюпки. Из трубы валил дым.

Прежде чем пройти в боевую рубку, Деянов заглянул на пост прокладки.

Штурман эсминца капитан-лейтенант Архипов подбирал путевые карты для плавания. Заметив командира, он поднял голову от прокладочного стола и молча уставился на него неподвижным взглядом.

— Пойдем северным минным фарватером, Глеб Еремевич, — первым нарушил молчание Деянов.

— Он слишком узок и извилист, Артемий Захарович, — заметил штурман.

— Зато возможность встречи с подводными лодками немцев намного меньше.

— Это верно, — вздохнул Архипов, — но... мины. Их могло притянуть течением. Могли накидать с самолетов...

— Не станем гадать, — подытожил капитан 3 ранга.

Они замолчали. Тишина в штурманской рубке длилась долго. Она становилась тягостной для обоих. Слишком хорошо знали друг друга командир и Архипов.

Незадолго до начала войны представилась Архипову возможность поехать учиться на Высшие штурманские курсы, но командир отложил его поездку до следующего года... Вспоминая об этом, Деянов не мог дать себе отчета, из-за чего помешал Архипову уйти с эсминца. Командир давно и без взаимности любил жену своего штурмана. Может быть, зависть к человеку, которого выбрала та, единственная женщина, была причиной тому, что совместная служба продолжалась так долго? А может, другое?

Деянов порой ловил себя на том, что иногда становился излишне придиричив к аккуратному, исполнительному и грамотному штурману. Но чаще всего держался с ним по-приятельски просто, словно это был не подчиненный ему командир, а друг или родственник. Архипов смутно догадывался о причине столь страшного к нему отношения со стороны командира. От этого временами в нем поднималось чувство неприязни к Деянову.

Так и не сказав больше ни слова друг другу, командир

и корабельный штурман разошлись. Деянов взошел на ходовой мостик. Архипов, приложив на карту транспортир и параллельную линейку, стал проводить первоначальный курс эсминца...

Навалившись грудью на обвес мостика и широко расставив крепкие длинные ноги, стоял в углу командир БЧ-III лейтенант Углов. Меховая штормовка плотно обтягивала его широкую спину и мощные плечи.

Услышав знакомые шаги за спиной, лейтенант резко обернулся и, приложив к головному убору руку, отрывисто произнес:

— Приступил к исполнению служебных обязанностей, вахту принял, товарищ капитан 3 ранга.

— Добро,— миролюбиво ответил командир, придиричливо разглядывая висевшие на груди лейтенанта бинокль и сигнальный свисток.

Арестованный командиром за сон в служебное время, лейтенант Углов был снова вовлечен в боевую жизнь корабля. Этот человек был увлекающийся, страстный, азартный. Он с курсантских лет занимался боксом. Это увлечение не прошло у него и после того, как он пришел на эсmineц и стал командиром боевой части.

Деянов всячески поощрял все виды спорта на эсминце, но с неохотой отпускал на соревнования командиров боевых частей и групп. Он считал, что командный состав не должен отвлекаться никакими посторонними делами.

На «Горделивом» была самая сильная гоночная команда, занявшая на парусных состязаниях незадолго до начала войны второе место по флоту...

Ночь была на исходе. Один за другим поступали на запасной командный пункт доклады от командиров боевых частей о готовности к походу и бою.

2

В гидроакустической рубке было тесно. В ней едва помещались два человека: старшина 1-й статьи Пипегин и младший гидроакустик Яшкин. Гидрорубка находилась ниже ватерлинии, и было в ней очень холодно, пока станция не работала. При включенной же аппаратуре становилось жарко, хотя переборка со стороны борта корабля по-прежнему оставалась ледяной.

Сняв с себя голландки, в одних тельняшках копошились у раскрытых блоков генератора и приемника двое акустиков. Гидроакустическая станция, еще утром действовавшая исправно, вдруг забарахлила. Почему-то перестало срабатывать посылочное реле. Никакой реверберации¹ в наушниках не было слышно. Это значило, что в случае обнаружения подводной лодки по шуму винтов уже невозможно будет определить точную дистанцию и выйти в атаку, чтобы наверняка забросать ее глубинными бомбами.

Засучив по локоть рукава тельняшки, Пинегин то пинцетом, то маленькой отверточкой выправлял лепестки посылочного реле. Это дело было ему знакомо и привычно. Реле капризничало и раньше, но всякий раз Пинегину удавалось его исправить.

Один из репитеров рекордера² находился в боевой рубке. Вахтенный начальник либо командир эсминца мог определить дистанцию и примерную глубину погружения вражеской подводной лодки, не дожидаясь доклада гидроакустика. В настоящий же момент этого никак нельзя было сделать...

— Может быть, не в реле этом окаянном дело? — упавшим голосом произнес Яшкин. Он припаял к запасному реле новые лепестки, вытер со лба крупные капли пота и уставился на Пинегина.

— А в чем еще? — задумчиво проговорил старшина 1-й статьи.

— Конденсатор, может быть?

— Нет, — с сомнением покачал головой Пинегин.

Он уже проверил исправность всех генераторов и приемных ламп, надежность электрических цепей, заменил не внушавшие доверия индуктивные катушки. Оставалось только одно — реле. Это была самая капризная и несовершенная деталь во всей гидроакустической аппаратуре.

В маленьких умных глазах Пинегина под белесыми редкими ресницами проглядывало упорство. На щеках и кончике острого носа поблескивали капли пота. Он забывал вытирать их, и горячие струйки медленно стекали ему на подбородок.

¹ Послезвучание, напоминающее звук катящегося по чистому льду камня.

² Прибор, отмечающий расстояние до обнаруженной подводной лодки.

А время шло... Уже близился поздний рассвет. Пинегин и Яшкин трудились раздетые до пояса. В гидроакустической рубке стоял крепкий запах расплавленной канифоли, жженой изоляции и пота. Никаких иллюминаторов в помещении не было.

Зазвонил телефон. Пинегин снял трубку, прислушался.

— Почему не докладываете о готовности гидроакустической аппаратуры? — прозвучал грозный и властный голос старпома. — Все боевые части и группы уже доложили. Вы задерживаете выход корабля в море!

Телефонная трубка задрожала в руках Пинегина. Что делать? Доложить о неисправности станции? Но это значит, выход «Горделивого» в море будет отменен.

Из-за неисправности какого-то реле пятно позора ляжет на эсминец!

— Вы что, оглохли, Пинегин?! — заорал старпом. — Почему молчите?

— Я... я, — пролепетал старшина 1-й статьи.

— Что — я?! — рявкнул капитан-лейтенант Ковров.

— Станция к работе готова, — негромко произнес Пинегин.

На него испытующе смотрели усталые глаза Яшкина. Оба молчали какое-то время.

— Не откладывать же из-за нас с тобой выход на задание, — тяжело вздохнул Пинегин. — Есть еще время. А если не успеем исправить, пока находимся у пирса, будем работать, когда отвалим и выйдем из бухты. Сдерем с пальцев ногти, а станцию наладим.

Они опять принялись за дело. Яшкин стиснул в руке паяльник, Пинегин вооружился пинцетом и отверткой. Он еще с большей осторожностью стал регулировать лепестки передающего реле. Они не могли видеть, как эсминец отошел от пирса, но по скрежету льдов, тершихся о металлический корпус, догадались, что корабль уже движется.

3

Эсминец шел полным ходом, легко ломая неокрепший лед. Сквозь задраенные иллюминаторы не проникала наружу ни одна полоска электрического света. Вместе с густым дымом, валившим из трубы, не вылетала вверх ни единая искорка. Неосвещенный корабль двигался тем намеченным курсом, который провел на путевой карте штурман Архипов.

Деянов молча прохаживался по ходовому мостику и отчетливо видел сверху замерзавших на встречном ветру комендоров возле носового орудия, притулившихся у горячей трубы, торпедистов и минеров на юте неподалеку от приготовленных к сбрасыванию за борт глубинных бомб. По сигналу «Корабль к походу и бою изготовить!» комендоры расчихали пушки. Возле них стояли раскрытые ящики со снарядами.

Вглядываясь в темные фигуры людей, Деянов невольно думал о них. У каждого кроме мысли об успешном проходе через минные поля и благополучном прибытии в Кронштадт были еще и свои особые, сокровенные думы. Не всякое ведь расскажешь даже товарищу. А то, о чем думал он сам, не сказал бы, пожалуй, и лучшему другу...

Иногда капитан 3 ранга заходил в штурманскую рубку. Через плечо Архипова он вглядывался в карту — курс эсминца проходил по минному коридору. Через каждые полчаса Деянов составлял зашифрованную радиогамму о месте нахождения корабля и с рассыльным отправлял в радиорубку. При виде штурмана Деянов всякий раз испытывал нечто похожее на зависть к своему подчиненному, но тут же, словно поймав себя на чем-то постыдном, старался подавить это непрошеное чувство. В присутствии штурмана было ему тягостно и неловко.

Свежий ветер приятно охлаждал лицо, бодрил неотдохнувшее тело. К утру мороз усилился... Острый нос эсминца обледенел и стал похож на оплывшую свечу.

Кроме командира на мостике по-прежнему находился лейтенант Углов. Твердым, пружинистым шагом он прохаживался по мостику из одного угла в другой и пристально всматривался в пачавшее полемного светлеть море.

— А вам не во вред пошел трехдневный отдых, Андрей Ильич, — заговорил неожиданно командир.

— Не обижаюсь, товарищ капитан 3 ранга, — быстро обернулся к нему Углов.

— Отдохнули, наверно? — повеселевшим голосом спросил Деянов.

— Что верно то верно, товарищ командир, — признался лейтенант.

Они замолчали опять. «О бабах, наверно, думает», — со снисходительной усмешкой подумал капитан 3 ранга.

— Вы любили когда-нибудь, Андрей Ильич, одну-единственную женщину? — спросил Деянов.

— По-настоящему? — переспросил лейтенант.

— Да, конечно, по-настоящему. Разве можно любить иначе?

— Нет, не любил, — чистосердечно признался Углов. — А так было...

— Значит, нет, — заключил Деянов и опять умолк. На этом их разговор прекратился.

Мглистый морозный воздух постепенно серел. Очертания эсминца становились четче.

Лед на воде сделался толще и крепче. Но под ударами форштевня сразу ломался. Лдины становились на дыбы, лезли одна на другую.

Наступил холодный зимний рассвет. Берега позади, как и предполагали, не было видно. Немцы могли обнаружить эсминец только с воздуха.

Пришло время смены вахты.

Лейтенант Углов сдал свои обязанности минеру старшему лейтенанту Немову и отправился в свою каюту.

Сняв штормовку и китель, он по привычке натянул боксерские перчатки и принялся избивать тренировочную грушу, которая свободно висела под подволоком. Нарботавшись, лейтенант разделся до пояса, ополоснул над раковинной грудью ледяной водой, потом вытерся махровым, не казенным, полотенцем. Постоял несколько секунд в раздумье. Спать в боевой обстановке отдыхающему после вахты командиру полагалось одетым. Но Углов все еще не мог избавиться от той прежней привычки. Он считал, что спать раздетым полезнее. Лейтенант собрался снять брюки, но в дверь постучал кто-то.

— Войдите! — крикнул Углов недовольным голосом.

Дверь открылась. Вошел командир носового орудия старшина Павлюченко.

— Что у вас стряслось? — спросил командир БЧ.

— Я только что проверял заряды первых выстрелов, товарищ лейтенант, — начал старшина. — Они оказались сырые. Как бы осечки не получилось в случае чего...

— Замени их сухими немедленно! — распорядился Углов. — Что еще?

— Стоять на вахте под встречным ветром два часа подряд нет силы, — пожаловался Павлюченко. — Командоры мерзнут. Того и гляди, в сосульку превратятся.

— Распорядитесь, чтобы установили часовую вахту у орудий.

— Есть! — вытянулся старшина.

— Идите, — устало произнес Углов.

С минуту он посидел в кресле, стараясь сосредоточиться на одной мысли, которая неожиданно пришла ему в голову. Лейтенант вдруг вспомнил, о чем спросил его командир на мостике. Углов и сам толком не знал, была ли у него когда-нибудь настоящая любовь. Теперь он пытался разобраться в этом. Лейтенант думал о женщине, которая ждала его возвращения. Он стремился к ней. Но это, по его понятиям, была не любовь. А просто-напросто следовало размагнититься после долгого отсутствия.

Углов разделся до трусов, несмотря на запрет командира, лег в чистые простыни, накрылся топким суконным одеялом. «Война — войной, отдых — отдыхом», — заключил лейтенант.

Война оказалась совсем иной, чем предполагал Углов. С курсантских лет он мечтал принять участие в грандиозном сражении больших надводных кораблей. Ничего этого не произошло. А были лишь бесконечные бои с немецкими самолетами. Деянов умело уклонялся от них, а орудия эсминца ставили по курсу воздушного противника огневую завесу.

Зато крепко запомнился Углову один эпизод, который произошел в конце лета... Вместе с наблюдателем и радистом лейтенанта высадили на берег, занятый немцами. Он должен был корректировать огонь кораблей, обстреливавших прибрежную группировку фашистов. Углов поднялся на вершину высокой сосны и довольно удачно прокорректировал стрельбу корабельных орудий. После боя ему не разрешили сразу вернуться на эсминец. Томясь от бездействия, лейтенант забрел на опушку леса, лег в траву и уснул на солнцепеке... Проснулся он совершенно неожиданно, почувствовав кого-то рядом. Слегка приоткрыв один глаз, Углов увидел склонившегося над ним немецкого унтер-офицера. Понадобилась какая-то доля секунды на то, чтобы немец с выбитым из руки пистолетом лежал без сознания в траве. Углов и теперь с удивлением думал о том, как ему удалось предотвратить пистолетный выстрел.

4

Гидроакустическая станция на «Горделивом» по-прежнему была неисправна.

Пинегин многократно отрегулировал посылочное реле, но реверберация все так же отсутствовала. Ответный сигнал на рекордер не поступал. Отсутствующим взглядом

старшина 1-й статьи смотрел куда-то мимо Яшкина и о чем-то озабоченно думал. Он не собирался сдаваться.

Станция должна быть исправлена во что бы то ни стало! Иного быть не должно.

Старшина старался не обращать внимания на удары льдин о корпус, хотя временами грохотало так сильно, что казалось, обшивка не выдержит и забортная вода с бешеной силой хлынет в гидрорубку.

Но вскоре удары льдин сделались слабее. Потом стал слышен только шорох за бортом.

Пинегин догадался, что эсминец вышел из полосы береговых льдов и движется в просторе чистой воды, где лишь местами попадает на навстречу плывущее сало.

— Включить гидроакустическую станцию! — донесся по переговорной трубе голос командира корабля.

— Есть, включить станцию! — машинально отозвался Пинегин. Он понял, что корабль уже находится в районе, опасном для плавания, где, по всей видимости, стояли на позициях немецкие подводные лодки. Продолжать игру в прятки было уже невозможно. Следовало поставить в известность командира эсминца о том, что гидроакустическая аппаратура неисправна. Но оставалась еще одна маленькая лазейка, чтобы на какое-то время выйти из этого затруднительного положения. Может быть, командира удовлетворит работа станции в режиме «шумопеленгования»? Какое-то очень короткое время Пинегин раздумывал, потом взялся рукой за холодную переговорную трубу.

— В каком режиме прикажете вести поиск, товарищ капитан 3 ранга? — стараясь придать голосу твердость, обратился старшина к командиру эсминца.

Какое-то время на ходовом мостике молчали. «В режиме «шум» или «эх»?», — мучительно думал Пинегин. Режим «шума» выручал его на короткое время. Старшина почувствовал кожей фук, как командир взялся за другой конец переговорной трубы, и даже почудилось ему неровное дыхание.

— Ведите поиск в режиме «эх»! — приказал Деянов. — Через каждые пять минут докладывайте мне обо всем, что вызовет у вас хотя бы малейшее подозрение о возможном присутствии подводной лодки!

Пинегин вспотел и, все больше сутулясь, опустился в креслице. Теперь уже ничего больше не оставалось ему, как доложить командиру эсминца, что станция неисправна и работа в режиме «эх» невозможна. Но как это сде-

лять? Язык не поворачивался произнести эти несколько слов! Доложить о неисправности, когда стояли у пирса, было куда проще. А теперь корабль в открытом море. «Такой доклад заставит командира вернуться обратно либо изменить курс,— подумал Пинегин.— И черт знает что еще может произойти после этого». Старшина в растерянности посмотрел на Яшкина. Ему вдруг вспомнился случай из детства.

...Вдвоем с младшим братишкой он отправился в лес, который находился неподалеку от деревни. Пинегин любил слушать пение птиц и мог часами сидеть в лесу затаив дыхание. Но в тот раз лесная прогулка кончилась печально. Братика укусила змея за босую ступню. Малыш закричал от боли. Не растерявшись, Пинегин снял свой брючный ремень, перетянул братишке ногу выше места укуса и на себе потащил его домой. Он гнулся под тяжестью хнычущего братишки и с ужасом думал о том, что будет, когда доберется до дома, виноватый предстанет перед разгневанным отцом...

Нечто подобное Пинегин испытывал теперь, мучительно раздумывая, как выйти из такого затруднительного положения. Медлить было уже невозможно. Оставалось только доложить командиру корабля о неисправности станции.

Сделавшись, вдруг вдвое тяжелее, старшина поднялся из кресла и прижался ртом к переговорной трубе.

— Товарищ капитан 3 ранга, я не могу вести поиск в режиме «эхо», — выдохнул разом Пинегин.

— Почему?! — крикнул Деянов громче обычного.

— Станция не совсем исправна, — отчетливо старшина дрогнувшим голосом. — Не срабатывает передающее реле и нет реверберации.

— Меня не интересуют технические подробности! — резко оборвал старшину капитан 3 ранга. — Впрочем, поднимитесь на ходовой мостик и толком все объясните.

Как приговоренный к казни, наверно, поднимается по крутой лестнице на эшафот, так пробирался по корабельным трапам Пинегин.

На военном корабле не разрешается ходить шагом даже по трапам, и он торопливо забегал от одной площадки к другой. Путь на этот раз показался ему, как никогда, крутым и тяжелым.

Деянов с ног до головы смерил старшину пристальным, изучающим взглядом. Ничего доброго не сулил этот суровый и долгий взгляд.

— Когда вы обнаружили неисправность? — спросил командир.

— В базе. У пирса...

— Почему не доложили сразу?

— Я думал... я хотел, — замаялся Пинегин.

— И вы столько времени молчали?! — возмущился Деянов. — Да знаете ли вы, что это такое?! Это — преступление! По вашей вине эсминец вышел в море с неисправной гидроакустической станцией! — все больше расцалаялся капитан 3 ранга. — После прибытия в пункт назначения я передам вас в суд военного трибунала! А сейчас идите. Поиск ведите в режиме «шумопеленгования». Если сумеете исправить станцию, переходите в режим «эхo».

— Есть!

Пинегин усталым шагом спустился в гидроакустическую рубку.

— Ну что? — участливо спросил его Яшкин.

— Ни-че-го, — сам удивляясь своему спокойствию, ответил старшина. Он посчитал нужным не говорить своему подчиненному, что придется предстать перед судом военного трибунала. Ничье сочувствие не могло ему помочь.

— Включай и веди поиск в режиме «шум», а я попытаюсь еще! — приказал старшина Яшкину. — Может, еще и получится...

Яшкин включил аппаратуру, надел на голову наушники и начал равномерно разворачивать вибратор. Таким образом прослушивалось все подводное пространство вокруг эсминца.

Взяв в руки пинцет и отвертку, Пинегин стал осторожнее прежнего выправлять лепесточки посылочного реле. Прошло немного времени — и оно стало срабатывать. «Действует!!!» Словно к любимой мелодии, прислушивался старшина к этим знакомым щелчкам, которые издавало реле. Пинегину как-то даже не верилось, что станция стала наконец исправна.

— Слышу шум винтов подводной лодки! — напряженным голосом произнес Яшкин. — Она совсем неподалеку. Идет быстро на нас!

Пинегин надел наушники и сразу уловил характер-

ный шум. Такой звук в воде издает подводная лодка вращением гребных винтов. Прислушавшись, старшина уловил стук работающих дизелей.

— Товарищ капитан 3 ранга, по пеленгу триста десять — подводная лодка! — громко крикнул Пинегин в переговорную трубу. — Станция исправна. Приступаю к поддержанию контакта с лодкой в режиме «ахо».

Он занял в креслице место Яшкина, переключил станцию. После трех холостых посылок раздался звук чистый и звонкий, напоминавший звучание камушка, катящегося по замерзшей поверхности пруда. Лодка пацупана! Контакт есть!

— Пеленг двести девяносто градусов, дистанция восемь кабельтовых — лодка! — закричал Пинегин в переговорную трубу. — Пеленг быстро меняется!

— Передайте контакт Яшкину и поднимитесь в боевую рубку! — раздался в ответ голос командира эсминца.

— Есть, подняться в боевую рубку! — повторил приказание Пинегин и бросился наверх.

Не дождавшись доклада из гидроакустической рубки о том, что станцию удалось исправить, Деянов послал вахтенного начальника на ют, приказав ему приготовить к сбрасыванию за борт среднюю серию глубинных бомб. Капитан 3 ранга принял решение начать бомбить немецкую подводную лодку. Но вслед за этим из гидроакустической рубки поступило сообщение о точных координатах лодки. Теперь можно было выйти в атаку и произвести правильное глубинное бомбометание.

Деянов с большим недоверием относился к капризной акустике. Он даже не решался собственноручно включать в работу рекордер...

В боевую рубку стремительно вбежал Пинегин. Он сдернул с рекордера дерматиновый чехол, повернул переключатель «пуск». На валик рекордера стала медленно накручиваться пропитанная йодом розоватая бумага. Коричневые черточки-отметки появлялись на ней против цифры «7,5», выбитой на верхней шкале.

Подводная лодка шла на сближение. Курсовой угол на нее был близкий к траверзному. Деянов сразу понял, что она идет на эсминец боевым курсом и вот-вот последует с нее торпедный залп.

— Лево тридцаты! — скомандовал он рулевому. — Атака подводной лодки!

Нос эсминца стал резко поворачивать влево. На юте

зашевелились закоченевшие на ветру минеры. Они стали подтаскивать глубинные бомбы к самому срезу кормы, чтобы, не мешкая, начать сбрасывать за борт.

Исход боя с невидимым кораблем решали секунды.

Подводная лодка, не высовывая из воды перископа, шла на тридцатиметровой глубине. Эскадренный миноносец стремительно неся ей навстречу. Дистанция между ними быстро сокращалась. Кто первым нанесет смертельный удар?

Начав уклонение, Деянов не был уверен, что успеет вывести эсминец из выгодного для подводной лодки сектора атаки. Слишком мало оставалось для этого времени. А если удастся? Тогда смертоносный груз тротила обрушится на затаившегося под водой врага.

В последнюю секунду Деянов оглянулся назад и увидел на юте старшего лейтенанта Немова с поднятой вверх правой рукой. Взмахом руки вахтенный начальник должен был дать сигнал «Бомбы за борт!». Но он не успел этого сделать.

Раздался оглушительный взрыв. Эсминец содрогнулся от килля до клотика. Деянов на какой-то короткий миг увидел вспученное море. Ему показалось, что эсминец выбросило из воды. Капитан 3 ранга устоял на ногах, но на какое-то время словно оглох и ослеп. Перед глазами плыли разноцветные круги. Его шатало. Взмахнув руками, Деянов ухватился за поручень, с трудом приобрел устойчивое положение. Он глянул на ют. Ни лейтенанта Немова, ни троих минеров, приготовившихся сбрасывать за борт бомбы, на том месте не оказалось.

Деянов огляделся и увидел стоявшего на корточках старшину Пинегина. Гидроакустика отбросило взрывом в угол боевой рубки. Пинегин был живой и даже не ранен, только сильно ударило его о переборку. Он никак не мог подняться на ноги.

Деянов схватил его за рукав голландки.

— Стой здесь и никуда не отлучайся! — приказал капитан 3 ранга. — Ты мне скоро понадобишься.

Командир корабля с трудом проник в соседнюю штурманскую рубку. Одну дверь заклинило совсем, а вход другой загромождали сорванные приборы и прокладочный стол.

Архипов лежал без сознания на палубе. Штурманские принадлежности валялись разбросанные по всей рубке. Деянов поднял путевую карту и, развернув ее, снял пос-

ледшие координаты эсминца. Необходимо было срочно отправить радиogramму с указанием места, где заняла боевую позицию немецкая подводная лодка.

«Эсминец атакован подводной лодкой, оторвало срез кормы, тонем, продержимся на плаву не больше четверти часа... Координаты» — и подпись.

Найдя Пинегина на том же месте, командир приказал ему:

— Отнести радисту. Пусть передаст немедленно.

Теперь нужно было спасать оставшихся в живых.

Поднявшись на мостик, Деянов, поднеся к губам мегафон, громко скомандовал:

— Шлюпки к спуску!

На юте он увидел старшего помощника. Ковров собирал оставшихся в живых матросов верхней команды и вместе с ними припался разворачивать согнутую взрывом шлюпбалку, чтобы вывалить за борт гоночный вельбот. Все остальные шлюпки на корме были похманы либо повреждены.

В носовой части Деянов заметил не тронутый взрывом баркас и решил им воспользоваться для спасения тех немногих, кто находился наверху. Возле баркаса уже копошились боцман Аюпов и трое комендоров. Неожиданно все подняли головы и замерли. Капитан 3 ранга глянул в ту сторону, куда всматривались четверо моряков, заметил перископ и рубку всплывающей подводной лодки.

— Старпом, лодка! — крикнул он во всю мощь своих легких.

Ковров не услышал предупреждающего возгласа командира. Он был увлечен спуском вельбота и увидел подводную лодку не сразу.

Немецкие комендоры припались расстреливать подбитый эсминец.

5

Лейтенанта Углова сбросило взрывом с койки на палубу. Дважды перевернувшись в воздухе, он проворно вскочил на ноги, схватил сапоги и штормовку, выскочил в коридор. Долго протискивался через покореженный взрывом люк, но все же выбрался наверх, оставив вприцу штормовую одежду. На обледенелой палубе лейтенант оказался полураздетый.

В кормовой части эсминца грохотали взрывы. Вверх летели обломки от шлюпок и весел, куски парусины и

металлических тросов. Кое-кто выпрыгнул за борт. Одни шли сразу ко дну, другие, успев надеть на себя капковые бушлаты, продолжали оставаться на плаву.

В первый момент Углов никак не мог понять, что произошло с эсминцем несколько секунд назад и что происходит сейчас. Может быть, подорвались на mine? А может, торпедой шарахнули? И что за взрывы грохочут вокруг корабля? И кто стреляет? Откуда?

Потом лейтенант увидел подводную лодку. На ее темно-серой рубке заметно выделялись памалеванные белой краской тевтонский крест и римские цифры, вероятно обозначавшие бортовой номер. Свинцово-мрачные волны лениво перехлестывали через низкий корпус. Возле орудия копошилось несколько немцев в черных коротких бушлатах. Они наклонялись, двигались по узкой площадке, подавая снаряды, заряжая орудие и наводя его на беспомощный корабль. Время от времени от длинного ствола отрывалась узкая молния, вспыхивал слабый дымок, и доносился гул очередного выстрела. Методический расстрел подорванного эсминца продолжался.

«Это ты, гадина, нас так разделала!» — Углов бросился на полубак. Там находилось носовое орудие старшины Павлюченко. «Только бы не были повреждены система наводки и прицельное устройство! — лихорадочно размышлял на бегу лейтенант. — Только бы успеть!» Возле орудия с приготовленными к стрельбе снарядами первых выстрелов никого из комендоров не оказалось. Лейтенант быстро проверил прицел, схватил маховик вертикальной наводки, повернул его. Орудийный ствол медленно, будто с неохотой, пополз к воде. Пальцы Углова задрожали от возбуждения.

— Комендоры, к носовому орудью! — скомандовал лейтенант звонким голосом. — Снаряд!

Он схватил за шиворот пробежавшего мимо старшину, притянул его к раскрытому снарядному ящику. Подстегнутый властной командой, тот машинально схватил первый попавший в руки снаряд и протянул лейтенанту. Углов сильным и резким движением кинул его в раскрытое горло казенника, захлопнул затвор и, прикинув правым глазом к перекрестию нитей прицельного устройства, впился пальцами в маховик горизонтальной наводки и стал гнать ствол к боевой рубке подводной лодки. Нажав на педаль, лейтенант почувствовал резкий толчок выстрелов и увидел светлый всплеск, взметнувшийся из воды.

Второй фонтан поднялся возле самого носа лодки, окатив познвшихся возле орудия комендоров.

— Снаряд! Еще снаряд! — громко выкрикивал Углов.

Теперь их было трое возле носовой пушки. Третьим словно из-под палубы вырос главный старшина Павлюченко, когда услышал команду лейтенанта: «Комендоры, к носовому орудью!» Второй же, схваченный Угловым за шиворот старшина, был гидроакустик Пинегин. Он передал радисту записку и, не дождавшись, когда тот отстучает радиограмму, побежал назад, чтобы доложить командиру. Остановленный у носового орудия, старшина гидроакустиков работал за подносчика снарядов. Он хорошо понимал, что судьба оставшихся в живых моряков целиком зависит от одного удачного попадания в подводную лодку.

Углов по-прежнему осуществлял наводку и ощущал необычную слитность с орудием и испытывал бешеное желание расколоть гадину. Так лейтенант мысленно называл подводную лодку. Орудие, как никогда, было послушно его крепким рукам, поспешно крутившим маховик вертикальной и горизонтальной наводки. Углов уже не чувствовал ни холода, обжигавшего почти голое его тело, ни нависшей опасности, ни инстинктивного страха перед смертью или ранением. Яростное желание вогнуть снаряд в ненавистный силуэт владело им целиком. Он знал, что эсминец продержится на плаву недолго — может быть, всего несколько минут, — и поэтому спешил. Лейтенант чувствовал себя как на ринге, когда перед ним опытный и сильный противник. Он стремился поразить врага быстрым и точным ударом.

Снаряды единственной уцелевшей на эсминце пушки ложились все ближе к подводной лодке. Осколки уже изрешетили местами внешний корпус и рубку, поразили двоих комендоров. Их тут же оттащили от орудия и через входной люк опустили внутрь лодки. На их место встали двое других.

Один вражеский снаряд взорвался над форпиком, разворотил канатный ящик и вывалил наружу якорную цепь. Второй угодил в ходовой мостик.

Несколько секунд назад Деянов еще следил за действиями Углова, Пинегина и Павлюченко, стараясь не вмешиваться ни во что, чтобы только не помешать им в самую ответственную минуту. Теперь он лежал в луже кро-

ви с раздробленной ногой. Командир приглушенно стонал и шарил вокруг себя, словно ища что-то...

В следующий миг снаряд с эсминецa ударил в корму подводной лодки. В образовавшуюся пробоину хлынула вода.

— Здорово мы ему! — закричал в неистовстве Пинегин, подавая Павлючепко очередной снаряд.

Углов продолжал паводить посередине корпуса. Управлять орудием ему становилось все труднее. Эсминец дал крен, и приходилось делать неучтенную приборами поправку на глаз.

Немецким подводникам тоже становилось все труднее. Лодка задрала вверх нос, обнажив днище. Кормовая часть скрылась в воде. Часть комендора отбежала от орудия и бросилась к входному люку. Несколько человек остались возле пушки и продолжали стрелять. Из боевой рубки высунулся по пояс офицер и резким взмахом руки дал понять, чтобы все остальные комендоры покинули орудие и вошли внутрь лодки.

«Собирается играть срочное погружение! — догадался Углов. — Но я не дам ему этого сделать».

Смертельный поединок продолжался. Исход боя решали оставшиеся секунды, так как лодка стала постепенно выравниваться, готовясь к срочному погружению. И... вдруг сноп красного пламени выплеснулся из ее борта возле боевой рубки. Углов еще успел заметить большую рваную пробоину с расходящимися во все стороны рваными краями. Он еще увидел, как хлынула в нее пенная волна и как лодка легла на борт. Но это было последнее, что он увидел. Его с силой отбросило от орудия, закружило и завертело жарким, обжигающим вихрем. Какое-то время в ушах стоял странный и долгий гул. А потом все вдруг стихло.

6

Последний немецкий снаряд ударил неподалеку от носового орудия. Взрывом разметало всех троих в разные стороны...

Подводная лодка быстро тонула. Возле ее борта, беспорядочно взмахивая руками, плавали несколько немцев. Их командир успел выпрыгнуть из рубки в самый последний момент, когда понял, что выровнять лодку уже не удастся и что она вместе с командой, находившейся в за-

драенных отсеках, пойдет на дно и никогда уже не выплывет оттуда...

Пинегин пришел в себя первым, ощущал живот, ноги и грудь, убедился, что не ранен. В ушах у него звенело и ухало. Разламывалась голова от боли, хотя на ней не оказалось ни капельки крови.

Павлюченко находился метрах в семи от Пинегина. Он становился на корточки, упираясь руками в палубу, чтобы от нее оттолкнуться, но каждый раз будто подкошенный падал. Его контузило. Пинегин помог Павлюченко подняться, оттащил его в сторону и стал искать лейтенанта... Но странное дело, Углова нигде поблизости не было. Старшина обошел всю носовую часть, поглядел вокруг надстройки. Командир БЧ-11 исчез, словно испарился.

Не могло же его разорвать на мелкие части! Оставалось только одно: лейтенанта выбросило за борт взрывной волной.

Какое-то время Пинегин находился в нерешительности, не зная, что делать. В его сознании проносились события, которые произошли в последние несколько минут: вызов командиром в боевую рубку, выход в атаку по показаниям рекордера, взрыв торпеды, бег в радиорубку, стрельба из носового орудия по всплывшей подводной лодке, исчезновение лейтенанта Углова... Где-то получался обрыв... Он собирался что-то сделать, но ему мешали.

Пинегин вдруг вспомнил, что еще не доложил командиру корабля о посылке в эфир радиограммы, в которой сообщалось о координатах гибнущего эсминца. Подтянувшись на руках, он поднялся на входную площадку энергопоста, по трапу со сбитыми поручнями взбежал на ходовой мостик.

Командир лежал, уткнувшись головой в угол.

— Товарищ командир, а товарищ командир, — негромко окликнул Пинегин, словно не решаясь разбудить смертельно усталого человека. Девчонка была без сознания.

Старшина глянул вниз и увидел матросов на верхней палубе. Они вываливали за борт баркас, чтобы спустить его на воду. Распоряжался боцман Аюпов...

«Надо помочь им спустить баркас», — пришло ему в голову. Но он вспомнил, что в гидроакустической рубке остался Яшкин.

Пинегин бросился вниз, пробежал по наклонившейся верхней палубе, нырнул в зияющий люк. Трапы и пере-

борки были так покорежены взрывом, что он с большим трудом добрался до задраенной двери гидроакустической рубки. Вначале осторожно, потом все сильнее старшина стал поворачивать маховик задрайки, но почувствовал тупое, непривычное сопротивление знакомого механизма. Дверь не открывалась. Пинегин нажал изо всех сил, но маховик не поддавался ни на один миллиметр. Приложив ухо к задраенной двери, старшина стал прислушиваться. Из гидроакустической рубки доносилось монотонное журчание воды. Ни человеческого голоса, ни стука не было слышно.

— Яшкин! Алешка! Яшкин! — окликнул Пинегин.

Никто ему не ответил. Он почувствовал, как что-то холодное лизнуло ступни его ног. Старшина стоял по щиколотку в воде. Бурля и пенясь, вода поступала сюда из соседнего отсека. «Пройдет совсем немного времени, и все здесь затопит». Поплевав на ладони, Пинегин взялся за маховик снова. Попытался повернуть еще раз. Дверь заклинило намертво.

Знакомым путем старшина выбрался наверх.

Баркас был уже спущен на воду. С закрепившейся палубы опускали в него тяжелораненых. Командира корабля среди них не оказалось.

Пинегин взбежал на мостик и застал Деянова на том же самом месте, но в другой позе. Кто-то оказал ему медицинскую помощь: раненая нога была обмотана марлей и перетянута жгутом. На бледном без единой кровинки лице командира выступили мелкие капельки пота. Он часто дышал и постанывал... Одному нести командира было трудно. Старшина замешкался на миг... Вспомнил разговор с капитаном 3 ранга на мостике незадолго до взрыва торпеды. «Он отправит меня в трибунал, как только окажемся на борту какого-нибудь транспорта... Сам себе на погибель его волоку», — пришла на ум непрошенная мысль. Старшина не переставал думать об этом, но продолжал нести на себе командира. Чувство, которое заставляло его делать это, было сильнее, чем тревога за собственную участь...

7

Деянов очнулся от нестерпимой боли в раненой ноге и пронизывающего холода. Привалившись спиной к кормовой доске, он сидел в баркасе, переполненном оставшимися в живых моряками с «Горделивого». Среди них не оказалось

ни старпома Коврова, ни минного командира старшего лейтенанта Немова.

Бодман Аюпов возился с мачтой, несколько человек разворачивали парус, собираясь поднять его. Четверо шапками и галошами от штормовых валсянок вычерпывали воду со дна баркаса.

Эсминец лег на правый борт. Он вот-вот должен был опрокинуться.

Все раненные, кроме командира, находились в поспе баркаса. Там было немного меньше воды. Но она продолжала поступать через щели в обшивке, образовавшиеся при взрыве торпеды. Два палубных матроса на ощупь, по ударявшей в ладонь струе воды, находили щели, а потом заделывали их ветошью и паклей.

Рядом с собой Деянов увидел старшину Павлюченко. Он сидел за рулем. «Не за свое дело взялся, — с огорчением подумал капитан 3 ранга. — А на аюсь до берега нам не добраться. Вот если только подберет в пути транспорт...»

Командир разглядел среди раненых Архипова и почувствовал облегчение оттого, что тот не остался лежать в поспе прокладки.

Штурман не приходил в сознание. Укутанный двумя полусубками, он лежал возле самого борта. Глаза его были закрыты. Лицо неподвижно.

На баркасе оказалось всего четыре весла. Пока ставили мачту, он двигался очень медленно, но уже находился над тем местом, где затонула подводная лодка. Четверо немцев, взмахивая руками, саженьками плыли в его сторону. Впереди других оказался офицер в черной шапке с кожаным верхом. Трое паходились дальше и все больше отставали от него.

Офицер уже подплывал к борту. Деянов увидел его глаза, сведенный судорогой рот.

— Тюкни, тюкни его, Жмакин! — услышал капитан 3 ранга голос Аюпова. — Веслом его! Веслом по башке!

Немец по пояс высунулся из воды, ухватившись обеими руками за планшир. Матрос Жмакин стоял посредине баркаса, покачиваясь и держа в руках поднятое весло. Он почему-то не решался ударить немца.

— От-ставить, — с трудом произнес Деянов. — Поднимите его, — добавил он.

— Товарищ командир, баркас так перегружен, что

больше некуда, — возроптал боцман. — Того и гляди, перевернется...

Капитан 3 ранга поглядел на Аюцова и ничего не сказал. Он не знал, каким образом оказались в воде четверо немцев. Деянов не видел последнего попадания в лодку и еще не знал, что она затонула.

— Откуда взялся этот немец? — обратился он к Павлюченко после того, как офицера выгнали из воды.

— Товарищ командир, разве вы?.. — вытаращил глаза главстаршина. -- Мы же ведь потопили подводную лодку. Под орех ее разделали! А эти четверо остались на воде, когда она пошла к чертовой бабушке! Лейтенанта Углова жалко. Это он угрохал лодку. А сам погиб...

— Вот оно что, — протянул капитан 3 ранга. Он догадался, что выловленный из воды офицер — командир. Значит, не зря его подобрали. «Этот фашист может дать ценные сведения о сосредоточения подводных лодок. А это сейчас очень важно...»

Боль не стихала. Она временами нарастала, усиливалась. Иногда приходило беспмятство, но ненадолго. Сознание возвращалось опять, и тогда Деянов с трудом поднимал отяжелевшие веки и всматривался в пустынную гладь моря.

Мысль о том, что он, командир, одян виновен в гибели эсминца, пришла в голову не сразу. Она возникла как слабое напоминание о случившейся катастрофе. Но становилась все назойливее, острее. Деянов ни о чем другом не мог думать. «Стоило только сразу включить рекордер, и беды, пожалуй, не случилось... — размышлял наедине с собой капитан 3 ранга. — Глубинные бомбы сделали бы свое дело раньше, чем торпеда...»

8

Пинегин сидел возле плюпочного компаса, укрепленного на кронштейне к бортам баркаса. Хмуря брови, он внимательно поглядывал по сторонам. Время от времени старшина нагибался к компасу и следил за метавшейся стрелкой. Колебания достигали больше тридцати градусов. Но всей видимости, компас был неисправен.

Из всех находившихся на баркасе здоровых людей Пинегин оказался единственным человеком, знавшим в какой-то степени навигацию. Все остальные были артиллеристы либо матросы боцманской команды и службы связи.

В учебном отряде гидроакустиков Пинегина немного обучили правилам судовождения. А будучи старшиной гоночной шлюпки, он приобрел практический опыт самостоятельного плавания по компасу и без компаса.

Изредка Пинегин поднимал вверх голову и подолгу смотрел в хмурое небо, стараясь разглядеть закрытое облаками солнце. «Хотя бы маленький проблеск появился,— с огорчением размышлял старшина,— тогда можно было бы сориентироваться...»

Берегов ни в какой стороне не было видно.

Начал падать редкий сухой снежок. Он сразу таял на воде. Оседал на одежде моряков.

Временами Пинегину казалось, что баркас плывет совсем в другую сторону и никогда не достигнет желанного берега. Ему очень хотелось посоветоваться с командиром, которого втащил на себе в баркас. Но капитан 3 ранга все чаще впадал в беспамятство. Он не мог ни командовать оставшимися в живых, ни управлять баркасом.

Еще до того как стемнело, боцман Аюпов раздал кем-то брошенные в баркас галеты. Они находились в картонном ящике и подмокли.

Пинегин разломил пополам доставшуюся галету и половину сунул в рот. Она была солоноватой, но вкусной, как никогда. Старшина подобрал крошки, собрал их на ладони и съел.

Аюпов протянул галету пленному немцу после того, как убедился, что хватило на всех. Но тот от еды отказался.

— Еще кочевряжится, хриц! — буркнул боцман. — Он думает, шпротами да ананасами потчевать станем!

Пленный немец был командир затонувшей подводной лодки капитан Везингер.

В воде ему было теплее! На воздухе его меховой полушубок и китель буквально через несколько минут заледенели. Тело кололи безжалостные стальные иглы. В ушах стоял несмолкаемый переливчатый звон.

«И кой черт дернул старшего артиллериста Шредера начать тренировать своих комендоров!» — с запоздалым раскаянием думал Везингер.

Вначале все шло хорошо. Первыми же снарядами Шредер разметал русских моряков, спускавших шлюпку на воду с кормовой части эсминца. И вдруг эти русские вступили в бой. Это было неслыханно. С тонущего корабля начали стрелять!

В первый момент Везингер не поверил собственным глазам. Но когда русский снаряд взорвал воду возле носа подводной лодки, он приказал играть «Срочное погружение». Было уже поздно.

Фрегаттен-капитан ничуть не завидовал лейтенанту Шредеру, который покоился на дне Финского залива вместе с подводной лодкой. Да и собственная его участь была пезавидна.

Одежда на русских моряках осталась сухая. Они тоже мерзли, по, вероятно, не так сильно, как Везингер. Матросы по очереди гребли, пользуясь всеми четырьмя веслами, хотя баркас шел под парусом, держа, по всей видимости, курс на Гогланд. Теми же веслами и отпорным крюком они отталкивали льдины, плывшие навстречу и подходившие близко к борту. Чтобы удобнее было действовать веслом вместо отпорного крюка, моряки бесцеремонно передвигали Везингера с места на место. При каждом повороте тела одежда на нем грелась, как жель.

Чувство нестерпимого холода постепенно притуплялось. Везингер теперь испытывал приятное головокружение, клонило ко сну...

Глядя на замерзших на ветру и жующих галеты матросов, Пинегин мысленно представил празднично убранный флагом расцвечивания «Горделивый» и таких знакомых, родных на верхней палубе корабля людей, одетых в чисто выстиранные голландки... «Где они теперь?..» Грудь сдавило так сильно, что нечем стало дышать. «Я один повинен в их гибели, — пришло ему в голову. — Стоило только доложить о неисправности станции, и корабль остался бы стоять у пирса, все были бы живы...»

Эта мысль овладевала им все сильнее и уже не покидала его. Вечером стало еще холоднее. Пинегин опять сменил за рулем вконец замерзшего Павлюченко. Сел рядом с командиром. Капитан 3 ранга неожиданно пришел в себя и уставился на гидроакустика осмысленным взглядом.

— Как ведешь баркас? — спросил Деянов.

— Днем шли по компасу, а сейчас... по звездам, — ответил Пинегин.

— Берн правее, — посоветовал командир.

— Компас здорово барахлил, за день мы уклонились далеко вправо, — возразил старшина. — Поэтому я взял левее.

— По-нятно, — выдавил Деянов и снова умолк.

Мороз безжалостно жег лицо и руки Пинегину. За рулем, на ветру, было намного холодней, чем возле компаса. Но хуже всего приходилось раненым. Ослабев от потери крови, они мерзли больше, чем здоровые. Двое умерли. Их положили на дно баркаса, накрыли брезентом. В полночь, так и не приходя в сознание, скончался штурман Архипов.

Не сразу заметили, что пленный немец мертв, — он продолжал сидеть в носу баркаса в той же позе.

Аюпов взял немца под мышки и с трудом оттащил в сторону. Какое-то время медлил, не знал, что с ним делать. Не класть же немца рядом со своими на дно баркаса! Словно фанера, затрещала на мертвой одежде, когда бодман принялся сталкивать его за борт.

Старшина знал, что Деянов жив. Временами капитан 3 ранга тихо, сквозь зубы, постанывал.

Пинегин не забыл, что командир отдаст его под суд, как только баркас подойдет к берегу. О том, что будет потом с ним, он не хотел думать, потому что для него самое страшное — гибель товарищей — было уже позади.

В морозной ночи ровно позванивал полотняный парус, покрытый тоненькой коркой льда. Протяжно поскрипывала мачта.

Под эти монотонные звуки Пинегин замерзал. Он понимал и чувствовал это. Старшина собрал всю свою волю и начал борьбу с холодом. Он сжимал и разжимал кулаки, шевелил пальцами ног, чтобы хоть немного согреться. Временами Пинегин впадал в забытие. И тогда ему чудился в тишине мерный скрип колодезного журавля возле отцовского дома. На несколько минут он уснул совсем, но продолжал по-прежнему сжимать в руке румпель. Ему привиделось, будто он идет вдвоем с дедам на гумно по рыхлому снежку. На небе ярко светят ранние звезды. Домовито и тепло пахнет дымом и распаренным ячменем...

Пинегин открыл глаза. Баркас шел тем же курсом.

Постепенно светало. Гасли звезды в пасмурном небе. На востоке алым светом запылаха поверхность моря. А немного правее, над краешком неба, где загорелась утренняя зорька, показался кусочек суши.

Матросы старались разглядеть в льдистом мареве узкую полосу земли. Оживленные голоса донеслись до слуха командира. Он открыл глаза и различил впереди по курсу неясные контуры берега.

— Держи на него! — приказал он Пинегину.

— Есть, держать на него!

«Неужели всю ночь просидел он один за рулем? — подумал капитан 3 ранга и с восхищением глянул на Пинегина снизу вверх. — Молодец! Так умело вел баркас по звездам!» -

Берег приближался. Все заметнее становились очертания скалистых мысов, песчаных отмелей, рифов. В глубине темнел хвойный лес, местами убеленный снегом.

Баркас уже подходил к берегу, когда показались позади транспорты и корабли охраны. Они шли кильватерной колонной.

— Не зря мы... не зря, — с трудом произнес Деянов. — Конвой шел нашим курсом...

Пинегин оглянулся и увидел за кормой множество транспортов. Из пароводных труб поднимались дымки и, казалось, застывали в морозном утреннем воздухе.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Тридцать метров палубы	3
Кочегар Джим Гармлей	31
Преступление в Солт-Лейк-сити	71
«Москиты» идут в атаку	110
Южнее шхер	156

Петр Петрович Губанов
ТРИДЦАТЬ МЕТРОВ ПАЛУБЫ
ПОВЕСТИ

Редактор *С. П. Бенке*
Художественный редактор *Т. А. Тихомирова*
Художник *А. Я. Салтанов*
Технический редактор *Т. В. Фатюхина*
Корректор *К. В. Смирнова*
ИБ № 827

Сдано в набор 28.06.79 г. Подписано в печать 13.11.79 г. Г-22363
Формат 84×108/32 Бумага тип. № 2. Обыкновенная новая гарнитура
Высокая печать. Печ. л. 5 1/4. Усл. печ. л. 9,66. Уч.-изд. л. 9,946
Тираж 65 000 экз. Изд. № 4/6138. Зак. 180. Цена 75 коп.

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3